

С. Г. Боталов,
А. Д. Таиров,
И. Э. Любчанский

Курганы с «усами» урало-казахстанских степей

Russian Academy of science
Ministry of Education and sciences
South-Ural branch of the Institute of History
and Archaeology South-Ural state university

S. Botalov, A. Tairov, I. Lubchansky

**Barrows
with «moustaches»
of the Ural
and Kazakhstan
steppes**

Chelyabinsk
2006

Российская Академия наук
Министерство образования и науки
Российской Федерации
Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН
Южно-Уральский государственный университет

С. Г. Боталов, А. Д. Таиров, И. Э. Любчанский

Курганы с «усами» урало-казахстанских степей

Челябинск
2006

ББК: Т48(2)
5860

Курганы с «усами» урало-казахстанских степей./ **С. Г. Боталов, А. Д. Таиров, И. Э. Любчанский**. Челябинск: Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, 2006. С. 232.— ISBN 5-88521-165-5

Ответственный редактор

доктор исторических наук, профессор **А. В. Богачев**

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **Д. Г. Савинов,**

кандидат исторических наук **С. Ю. Гуцалов**

Печатается по решению ученого совета Института Истории
и Археологии УрО РАН

Монографическое исследование посвящено анализу одного из интереснейших типов памятников кочевой культуры – курганов с «усами». Обобщены все известные на сегодняшний день памятники этого типа. Пересматривается их хронология и предпринимается попытка этнокультурной интерпретации.

0507000000

ВБК: Т48(235.55)–427

ISBN 5-88521-165-5

© Южно-Уральский филиал
ИИА УрО РАН

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	9
<i>Глава I.</i> КОМПЛЕКСЫ КУРГАНОВ С «УСАМИ»: ТИПОЛОГИЯ И АНАЛИЗ.....	14
<i>Глава II.</i> ОСНОВНЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ И КУЛЬТОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ	92
<i>Глава III.</i> ВЕЩЕВОЙ ИНВЕНТАРЬ КУРГАНОВ С «УСАМИ» И ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ.....	110
<i>Глава IV.</i> АРХЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ КУРГАНОВ С «УСАМИ».....	140
<i>Глава V.</i> ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КУРГАНОВ С «УСАМИ».....	146
<i>Глава VI.</i> УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИЕ СТЕПИ В V–VIII ВВ. (ЭТНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ).....	162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	175
<i>Приложение 1.</i> Список комплексов курганов с «усами», исследованных раскопками и использованных в работе.....	177
<i>Приложение 2.</i> Описание комплексов курганов с «усами» урало-казахстанских степей.....	179
<i>Литература</i>	219
<i>Список сокращений</i>	229
<i>Summary</i>	230

TABLE OF CONTENTS

INTRODUCTION.....	9
Chapter I. COMPLEXES OF BARROWS WITH «MOUSTACHES»: TYPOLOGY AND THE ANALYSIS.....	14
Chapter II. THE BASIC ARCHITECTURAL AND CULT FEATURES.....	92
Chapter III. WARE STOCK OF BARROWS WITH «MOUSTACHES» AND QUESTIONS OF CHRONOLOGY.....	110
Chapter IV. ASTRONOMICAL ASPECT OF RESEARCHES OF BARROWS WITH «MOUSTACHES».....	140
Chapter V. AN ETHNOCULTURAL ACCESSORY OF BARROWS WITH «MOUSTACHES».....	146
Chapter VI. THE URAL-KAZAKHSTAN STEPPES IN V–VIII CENTU- RIES (ETHNO-HISTORICAL RECONSTRUCTION).....	162
THE CONCLUSION.....	175
The appendix 1. The list of complexes of barrows with the «moustaches», investigated by excavation and used in work.....	177
The appendix 2. The description of complexes of barrows with «moustaches» of the ural-Kazakhstan steppes.....	179
The literature	219
The list of reductions	229
Summary	230

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена исследованию уникальных архитектурных сооружений Евразийских степей – курганов с «усами». До сих пор нельзя однозначно говорить о том, какие цели (культовые или утилитарно-прикладные?) преследовали люди, на протяжении нескольких столетий, возводившие эти грандиозные сооружения. Однако можно попытаться приблизиться к пониманию этнокультурных процессов, происходивших в то далекое время на обширных степных пространствах между Европой и Азией, что не без успеха сделали авторы монографии.

Впервые под одной обложкой собраны и рассмотрены материалы 58 исследованных курганов с «усами» урало-казахстанских степей и сопредельных территорий. При анализе источников авторам пришлось столкнуться с целым рядом объективных трудностей, главная из которых заключается в крайней скудности датирующих артефактов. Тем не менее, на основе тщательного типологического анализа авторам удалось развести имеющиеся археологические объекты по шести периодам. Показательно, что подавляющее большинство рассмотренных комплексов связаны с эпохой раннего средневековья.

Именно это время принято называть «эпохой великого переселения народов». Если в раннем железном веке полновластными хозяевами южнорусских степей были ираноязычные сармато-аланы, то начиная с конца IV века этническая доминанта в регионе поменялась коренным образом. И изменили ее гунны и другие кочевнические племена, пришедшие вместе с ними с Востока. В данном случае, я намеренно употребил слово «Восток». Именно оно, равно как и другие выражения типа «откуда-то из глубин Азии» отражает наши недавние представления о районах обитания гуннов накануне их вторжения в Европу. Опубликованные в книге материалы начинают проливать свет на вопросы продвижения из Азии в Европу как гуннских, так и раннетюркских племен.

Пока этих материалов немного. И это в значительной степени повлияло на то, что, как пишут сами авторы: «в понимании этноисторических процессов, протекавших в урало-казахстанских степях в V–VIII вв. у авторов данного исследования не сформировалось общего представления» (Глава VI).

Но, на мой взгляд, в данном конкретном случае, на первое место выходят уникальные, собранные вместе, тщательно описанные и грамотно препарированные *археологические источники*. И это безусловная заслуга авторского коллектива. Это долгожданная и весьма своевременная книга.

Доктор исторических наук
А. В. Богачёв

ВВЕДЕНИЕ

Одним из интереснейших археологических объектов степей Евразии являются так называемые комплексы курганов с «усами» (грядами). Известные еще с середины 30-х годов, они до сих пор остаются слабоизученными, но при этом постоянно фигурируют в научной литературе как некий характерный признак тасмолинской культуры эпохи ранних кочевников Казахстана, который прочно вошел в археологическую науку.

Несомненно комплексы курганов с «усами» (грядами) являются сложными кульгово-археологическими объектами. Эти сооружения выступают в качестве ключевого репера при решении вопросов этнической истории кочевников евразийских степей. Поэтому для успешного решения основного вопроса – вопроса этнокультурной атрибуции комплексов курганов с «усами» (грядами) – необходимо комплексное исследование названных памятников.

В настоящей монографии авторы собрали весь имеющийся материал по археологии комплексов курганов с «усами», постарались его обобщить, систематизировать, обосновать хронологию, а также высказали свои соображения по проблемам историко-культурной принадлежности этих комплексов.

Памятники этого типа встречаются на огромной территории Евразийской степи от Восточного Туркестана до Поднепровья. Однако наибольшее количество курганов с «усами» сосредоточено в четырех компактных группах: 1-я – сары-аркинская, включающая большую часть Центрального Казахстана и Поиртышья; 2-я – улутаутская; 3-я – мугоджарская и примыкающая к ней 4-я – зауральская.

Вероятно, первое краткое описание и схематический набросок плана кургана с «усами» в Центральном Казахстане сделал краевед Л. Ф. Семенов, приславший в 1927 году в Государственную Академию истории материальной культуры письмо с просьбой о научной консультации по

некоторым памятникам Акмолинского округа [Семенов, 1930; Кадырбаев, 1966. С. 305].

В 1930 году один такой курган раскопал Б. Н. Жданов на берегу озера Большое Чебачье [Грязнов, 1956. С. 9; Кадырбаев, 1959 С. 94; 1966. С. 306]. В 1933 году экспедиция Государственной Академии истории материальной культуры под руководством П. С. Рыкова исследовала курган с «усами» в урочище Дандыбай [Рыков, 1935. С. 43]. Серия таких комплексов «от Чингизского хребта до верховьев р. Тобола» была открыта и исследована Центрально-Казахстанской археологической экспедицией под руководством А. Х. Маргулана [Маргулан, 1948; 1948а; 1949. С. 9; 1951]. С середины 50-х годов XX века изучение курганов с «усами» продолжил М. К. Кадырбаев, открывший и исследовавший значительное количество комплексов в Центральном и Южном Казахстане. Им была предложена датировка курганов с «усами» и разработана их типология [Кадырбаев, 1958; 1959; 1959а; 1961; 1962; 1966].

Исследованием курганов с «усами» в Казахстане в 1960–1970 годах занимались и другие археологи. Так, С. М. Ахинжанов раскопал в предгорьях Каратау (Южный Казахстан) комплекс Беркутты [Ахинжанов, 1977. С. 75–80], а А. М. Оразбаев — курган 1 могильника Джанайдар в Центральном Казахстане [Оразбаев, 1969. С. 177–178]. Несколько курганов с «усами» в Восточном Казахстане исследовала Ф. Х. Арсланова [Арсланова, 1975. С. 116–129]. В 1980 году Э. Р. Усмановой в Центральном Казахстане (Улытау) исследуется курган с «усами» на могильнике Батыр-Булак [Усманова, 1987. С. 99–102]. С середины 90-х годов прошлого века изучением курганов с «усами» в Казахстане активно занимается А. З. Бейсенов, рассмотревший ареал их распространения, вопросы архитектурно-планировочных особенностей, датировку и назначение. Им же была предложена и новая типология этих памятников [Бейсенов, 1996; 1996а; 1997; 1999; 2002; 2004; Бейсенов, Волошин, 2002]. Исследования комплексов курганов с «усами» в Центральном Казахстане продолжают [см. например: Пересветов Г. Ю., 2001; Свиридов, 2004].

Впервые мысль о датировке курганов с «усами» эпохой раннего железа была высказана, вероятно, П. С. Рыковым, который, правда весьма осторожно, включил их в группу памятников, условно относимых к «скифо-сарматским» [Рыков, 1935. С. 43]. В дальнейшем эту мысль поддержал М. П. Грязнов, отмечавший, что «если не все, то какая-то часть этих курганов относится к раннескифскому времени». Основой для такого вывода послужили, очевидно, материалы кургана на берегу озера Большое Чебачье, раскопанного в 1930 году Б. Н. Ждановым [Грязнов, 1956. С. 9, 10].

Однако уже в самом начале исследований курганов с «усами» существовала и иная точка зрения на их хронологическую и культурную принадлежность. Так, еще в 1949 году А. Х Маргулан высказал предположение о возможности датирования курганов с «усами», или, как он их называл, курганов с «лучами», второй половиной I тыс. н. э. Основания для этого ему дала группа памятников с «лучами» и стелами в долине реки Джинишке у восточного склона гор Бегазы. Группа состояла из большого кургана и двух углублений прямоугольной формы, окруженных каменными вымостками в виде дорожек или «лучей». Большой курган занимал западную часть площадки памятника, углубления – восточную. На восточных краях углублений стояли высокие, хорошо обтесанные стелы, «на верхней части которых, имеющих форму головы, заметны грубые черты лица. На стелах имеются также непонятные знаки, напоминающие орхонское письмо. Внешний вид сооружения, окруженного каменными грядами и стелами, дает некоторые основания датировать его эпохой разложения родового общества... Может быть, это был период сложения тюркского каганата. В самом деле, наличие вокруг кургана целого комплекса объектов: стел и “лучей” из массивных каменных гряд, иногда тянущихся на расстояние до 250 м, позволяет более точно определить время сооружения памятников с “лучами” и датировать их эпохой, предшествующей появлению в Центральном Казахстане крупного племенного союза кыпчаков... Высокие, гладко обтесанные стелы, как прототип позднейших балбалов, особенно характерных для периода кыпчаков, создавались не позднее VI в. н. э.» [Маргулан, 1949. С. 12].

Впрочем, по вопросу культурной и хронологической принадлежности курганов с «усами» в археологической науке возоблдала точка зрения П. С. Рыкова и М. П. Грязнова. Предложенная ими датировка курганов с «усами», была в дальнейшем поддержана и уточнена М. К. Кадырбаевым в его кандидатской диссертации и ряде опубликованных работ [Кадырбаев, 1958; 1959; 1959а; 1959б; 1961; 1962]. Он, в частности, включил курганы с «усами» в выделенную им тасмолинскую культуру и раздвинул хронологические рамки существования таких комплексов, отметив, что если одни из них датируются VII–VI вв. до н. э., «то другие курганы относятся, очевидно, к более позднему времени (V–IV вв. до н. э.), хотя весь круг этих памятников представляет единую культуру» [Кадырбаев, 1958. С. 104]. В дальнейшем он еще более расширяет рамки их существования, поднимая верхнюю границу до середины I тыс. н. э. «Курганы с каменными грядами бытуют на территории Центрального Казахстана целое тысячелетие – с середины I тыс. до н. э. до середины

I тыс. н. э. Наиболее ранний памятник этого типа представлен Боровским погребением. К V–III вв. до н. э. относятся большинство курганов Коунрадского, Шетского и других районов. И, наконец, последние курганы с каменными грядами доживают до середины I тыс. н. э.» [Кадырбаев, 1959б. С. 97; см. также: Кадырбаев, 1959. С. 14].

Поднимая верхнюю границу существования курганов с «усами», М. К. Кадырбаев опирался на исследованные им и хорошо датированные памятники, такие как Канатгас, курган 19 и Коктал. После выхода же в свет в 1966 году коллективной монографии «Древняя культура Центрального Казахстана» датировка комплексов курганов с «усами» и их культурная принадлежность, предложенная М. К. Кадырбаевым, стали на долгое время общепризнанными. Раскопанный С. М. Ахинжановым в предгорьях Каратау (Южный Казахстан) курган с «усами» Беркутты [Ахинжанов, 1977. С. 75–80] заставил исследователей вновь поднять верхнюю границу существования таких комплексов уже до VII–VIII вв. н. э. Однако в 1997 году А. З. Бейсенов, постулируя положение о том, что «ряд памятников (11 объектов) в свое время был датирован исследователями I тысячелетием н. э. на основании найденных в них впускных захоронений или же предметов, имеющих характер «кладов» (отмечено А. З. Бейсеновым), пришел к следующему заключению: «Скорее всего, верхняя граница памятников не выходит за пределы тасмолинского периода (4 или 4–3 вв. до н. э.)» [Бейсенов, 1997. С. 19].

Первые раскопки кургана с «усами» на Южном Урале были проведены Н. А. Мажитовым в 1971 году на могильнике у села Нижне-Давлетово (Зауральская Башкирия), где помимо фрагментов от горшка был найден железный втульчатый наконечник копья ланцетовидной формы. Исследователь отнес данный памятник к середине I тыс. н. э. В 1980-е годы отрядами Урало-Казахстанской археологической экспедиции были начаты исследования комплексов селенташского типа (Селенташ, курганы 4 и 5; Елантау, курган 4; Крутой овраг; Каинсай, курган 14) и курганов с «усами» (Крутая Гора).

В эти же годы Э. Р. Усмановой на могильнике Кызыл-Жар близ города Лисаковска исследуются курган селенташского типа (курган 1) и комплекс, который планиграфически может быть отнесен к курганам с «усами» (курганы 2, 3, 4, сооружение 8) [Боталов, 1996. С. 152–154. Рис. 6]. Тогда же впервые было обращено внимание на определенное сходство курганов с «усами» с курганами селенташского типа. Однако невыразительность материалов, получаемых при раскопках этих памятников, не позволяла точно установить их культурно-хронологическую

позицию. Данная ситуация сохранялась до 1993 года, когда отрядом Урало-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А. Д. Таирова в Восточном Оренбуржье был исследован комплекс кургана с «усами» Солончанка I, материалы которого позволили получить относительно точную датировку памятника и отнести его к эпохе «Великого переселения народов». Этот комплекс сразу привлек внимание не только ученых-археологов, но и почвоведов, палеозоологов, геологов, геофизиков [Курган с «усами»... , 1999] и стимулировал интерес к планомерному изучению памятников этого типа. Раскопки курганов с грядами стали проводиться практически всеми экспедициями археологических центров Южного Урала — Уфы, Челябинска, Орска. Накопленные материалы из комплексов курганов с «усами» Южного Зауралья позволили поставить под сомнение ранее устоявшиеся точки зрения на их культурную и хронологическую принадлежность и высказать предположение о возможности кардинального пересмотра хронологии всех курганов с «усами», в том числе и Центрального Казахстана [Боталов, 1996. С. 202, 203; Таиров, 2003. С. 158; Любчанский, 2004. С. 310–312].

В 1996 году С. Г. Боталовым на секции раннего железного века XIV Уральского археологического совещания в Уфе было озвучено мнение о необходимости кардинального пересмотра хронологии курганов с «усами». В своем выступлении, а позже и на страницах печатных работ С. Г. Боталов предложил все курганы с «усами» датировать в рамках средневековой эпохи [Боталов, 1996; 1998; 1999]. Впрочем, необходимо отметить, что данная идея пятнадцатью годами ранее была высказана А. К. Амброзом на страницах тома «Степи Евразии в эпоху средневековья», где комплекс кургана с «усами» Канаттас помещен в таблицу «Погребальные сооружения V — первой половины VIII в.» [Степи Евразии... , 1981. Рис. 9, 5–7].

Авторы выражают особую благодарность Костюкову В.П., Гуцалову С. Ю., Маркову С. В., Бисембаеву А. А. за неоценимый вклад в изучение памятников рассматриваемого круга и за возможность использования их материалов.

Глава I

КОМПЛЕКСЫ КУРГАНОВ С «УСАМИ»: ТИПОЛОГИЯ И АНАЛИЗ

Прежде всего отметим неточность в самом названии этого типа памятников – «курганы с каменными грядами (с “усами”)». В настоящее время, правда за пределами Центрального Казахстана, известны курганы с «усами», гряды которых сложены из камня и дерна (Крутая Гора) или только дерна (Солончанка I) [Гаврилюк и др., 2004. С. 41–43; Любчанский, Таиров, 1999. С. 6].

В Центральном Казахстане, по данным А. З. Бейсенова на 1996 год, зафиксирован 231 курган с «усами», а исследовано раскопками 44. Открыты они в Западном (9 курганов, исследовано 4), Восточном (11 курганов, исследовано 5) и Южном (12 курганов, раскопано 2) Казахстане, а также в Семиречье (8 курганов, исследован 1) [Бейсенов, 1996. С. 37, 38; см. также: Кадырбаев, 1975. С. 38; Мариковский, 1977. С. 57; 1978. С. 48, 49, 56; Ахинжанов, 1977. С. 72–74, 80; Арсланова, 1975. С. 116, 117; Елеуов и др., 2005. С. 251]. Комплексы курганов с «усами» выявлены также на юго-западе Степного Алтая [Бейсенов, 2004. С. 216], в Нижнем Поволжье [Рыков, 1936. С. 115, 116] и Приднепровье [Семенов, 1988. С. 98, 99].

На Южном Урале насчитывается 112 комплексов курганов с «усами» (рис. 1). По районам Южного Зауралья распределяются они следующим образом: Челябинская область – 60; Оренбургская область – 3; Зауральская Башкирия – 6; Кустанайская область – 30; Актюбинская область (район Восточных Мугоджар) – 13.

Комплексы курганов с «усами» Южного Зауралья составляют почти одну треть (28,9%) от общего числа известных памятников этого типа в урало-казахстанских степях. Данное обстоятельство ставит под сомнение вывод о том, что распространение курганов с «усами» за пределы Центрального Казахстана «связано с переселением групп

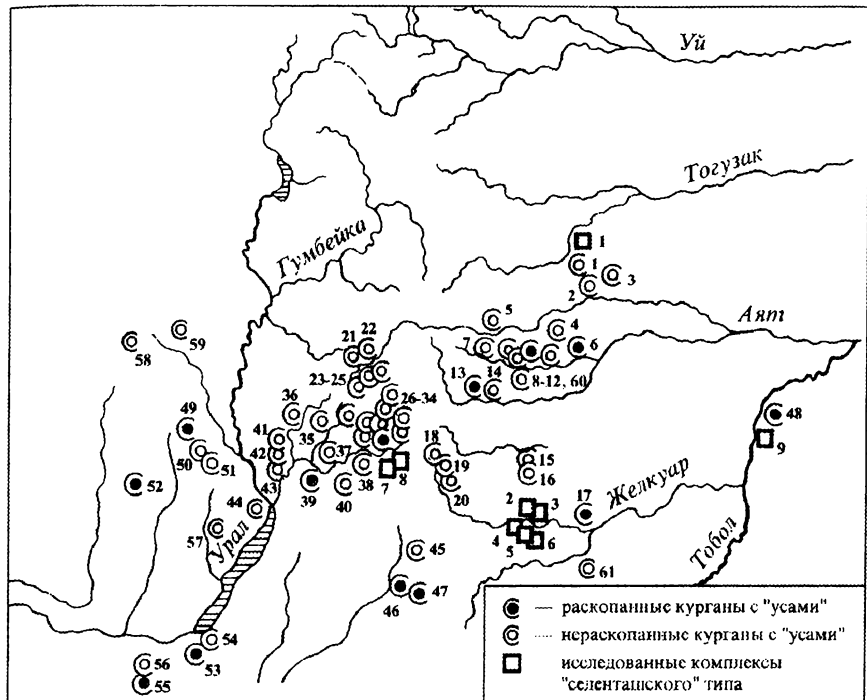

Рис. 1. Курганы с «усами» и памятники селенташского типа Южного Зауралья.

Курганы с «усами»: 1 – Варненский; 2 – Тулак; 3 – Новокулевчинский; 4 – Мичуринский; 5 – Система; 6 – Городищенский X; 7 – Красный Яр; 8 – Знойный; 9 – Карталы; 10 – Вишневы; 11 – Рассветное; 12 – Елизаветпольский; 13 – Оленина Отнога; 14 – Карагайлы-Аят; 15 – «Чертово городище» I; 16 – «Чертово городище» II; 17 – Кайнасай; 18 – Рымникский I; 19 – Мирный; 20 – Синташтинский; 21 – Куйсак; 22 – Зингейский; 23 – Заря I; 24 – Заря II; 25 – Сухореченский; 26 – Каменка I; 27 – Новинка II; 28 – Новинка I; 29 – Новинка Ia; 30 – Александровский; 31 – Крутая Гора; 32 – Черкасы; 33 – Кайрахта I; 34 – Кайрахта II; 35 – Амамбайский; 36 – Карабулак; 37 – Измайловский I; 38 – Измайловский II; 39 – Новокондуровский I; 40 – Амурский; 41 – Ильясский I; 42 – Ильясский II; 43 – Обручевский; 44 – Березовский; 45 – Андрианополь; 46 – Солончанка I; 47 – Солончанка IX; 48 – Кызыл-Жар; 49 – Нижне-Давлетовский; 50 – Баишево X; 51 – Баишево VIII; 52 – Султантимировский I; 53 – Новоактюбинский I; 54 – Уральский; 55 – Медес; 56 – Чаушский; 57 – VI Мамбетовские, курган 2; 58 – II Ахметовские; 59 – II Давлетовские; 60 – Суходол I; 61 – Берсуат. Исследованные комплексы селенташского типа: 1 – Елантау, курган 4; 2, 3 – Селенташ (2 – курган 4; 3 – курган 5); 4–6 – Крутой Овраг (4 – курган 2; 5 – курган 3; 6 – курган 4); 7, 8 – Александровские (7 – курган 1; 8 – курган 2); 9 – Кызыл-Жар, курган 3

тасмолинского населения» [Бейсенов, 1996. С. 33], «...с этнокультурными влияниями, а также прямыми передвижками групп тасмолинского происхождения в сакское время и последующие периоды» [Бейсенов, 2004. С. 216]. Впрочем, уровень

исследованности комплексов курганов с «усами» в Южном Зауралье не высок. Он составляет 10% от общего числа известных в регионе. Для центральноказахстанских комплексов курганов с «усами» уровень изученности несколько выше и составляет 20,9%, причем 78,6% исследованных комплексов сосредоточено в северном и центральном регионах Казахстана [Бейсенов, 1996. С. 38]. Таким образом, можно констатировать суммарную степень археологической изученности комплексов курганов с «усами» урало-казахстанских степей: из 382 известных памятников исследованными являются 66 комплексов курганов с «усами», или 17,3% от общего числа известных. Даже если мы учтем вновь открытые и раскопанные после 1996 года курганы с «усами» в Центральном Казахстане [см. например: Пересветов, 2001. С. 283–285; Мерц, Красноперова, 2004. С. 157; Туева, 2004. С. 132; Свиридов, 2004. С. 45–51], то это вряд ли сильно изменит суммарную степень их археологической изученности.

Первая классификация курганов с «усами» Центрального Казахстана была предложена М. К. Кадырбаевым, разделившим их на четыре типа (рис. 2).

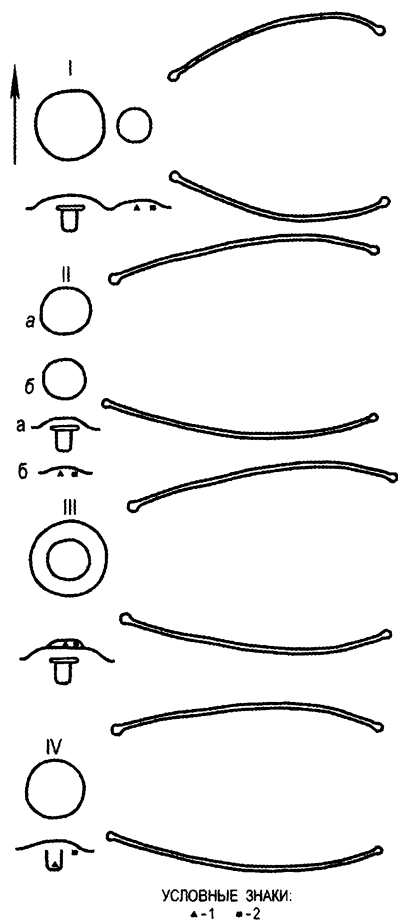

Рис. 2. Схематическая таблица основного типа курганов с каменными грядами (I) и его разновидностей (II, III, IV). 1 – скелет или отдельные кости лошади, 2 – глиняный сосуд [по: Кадырбаев, 1966. Рис. 2]

Тип I «состоит из основного кургана большого размера и примыкающего к нему с восточной стороны или расположенного на значительном расстоянии малого кургана небольшой высоты и отходящих от него на восток двух каменных гряд... Основной курган заключает в себе погребение, которое сопровождается, если оно не разграблено, большим количеством разнообразного инвентаря. Малый курган не имеет могильной ямы. Под его насыпью, в центре, на уровне погребенной почвы обычно находят конский скелет или его отдельные кости (череп, кости ног), а в восточной части – один, реже – два глиняных сосуда».

Тип II включает «сдвоенные курганы, когда малый курган расположен не с восточной, а с южной стороны от большого кургана. В этом случае они, как правило, одного размера». К типу III относятся комплексы, где «малый сооружен на вершине большого», а тип IV включает комплексы, где «под одной насыпью сливаются два кургана» [Кадырбаев, 1966. С. 309, 310. Рис. 2; см. также: Кадырбаев, 1959б. С. 95]. Эта классификация была принята научной общественностью и до настоящего времени остается классической. В 1983 году П. Н. Мариковским была предложена новая, по своей сути, модернизированная типология комплексов курганов с «усами» Казахстана [Мариковский, 1983. С. 27. Рис. 1]. Дополнения, которые он вносит, касаются только комплексов курганов с «усами» II и IV типов (по М. К. Кадырбаеву), при этом не затрагиваются типы I и III. Второй тип курганов с «усами» дополняется тремя вариантами, которые все же принципиально не отличаются от исходной структуры. Они также располагаются цепочкой по линии север–юг, имеют небольшие размеры насыпи, хотя их число и увеличивается до 3–4 в ряд (рис. 3). Тип IV (по М. К. Кадырбаеву), по мнению П. Н. Мариковского, усложняется за счет совмещения или наложения варианта 7 (по П. Н. Мариковскому) на тип IV (по М. К. Кадырбаеву).

С накоплением нового археологического материала в середине 90-х годов XX в. возникла необходимость в уточнении и дополнении типологии комплексов курганов с «усами» Кадырбаева–Мариковского. Такую попытку предпринял в 1996 году А. З. Бейсенов, который постарался изменить и упростить типологию курганов с «усами» М. К. Кадырбаева. Он предложил разделить все комплексы курганов с «усами» на три типа, внутри которых выделяются варианты (рис. 4). Тип 1 включает комплексы, состоящие «только из одного курганного сооружения (насыпи), от которого отходят гряды». Тип 2, включающий два варианта, «состоит из двух сооружений, вытянутых по линии 3–В...». Вариант 2а состоит из двух разнотипных сооружений, вариант 2б – из двух одно-

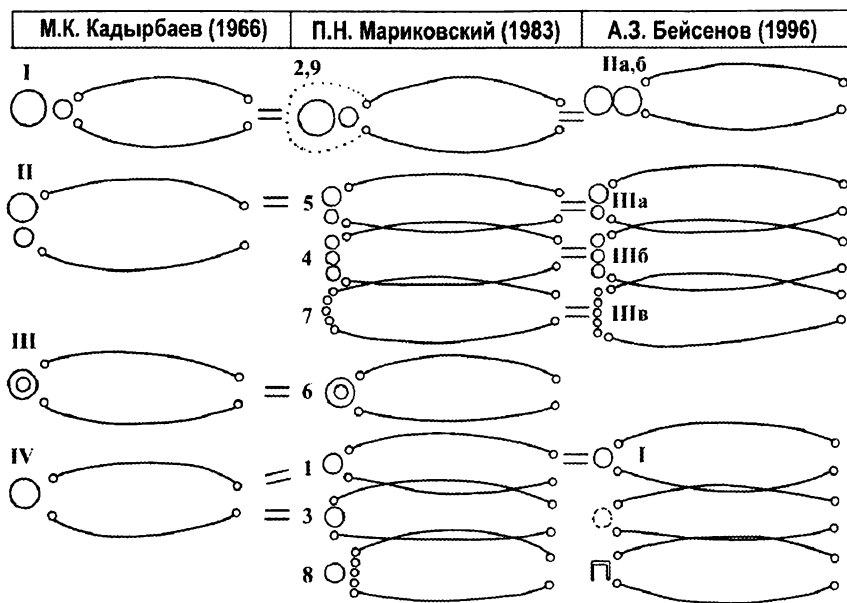

Рис. 3. Сравнительно-типологическая характеристика комплексов курганов с «усами» Казахстана

типных сооружений. Тип 3, также разделенный на два варианта, включает комплексы, состоящие «из нескольких сооружений, расположенных по линии С–Ю...». В комплексах варианта 3а сооружения разнотипны, а в комплексах варианта 3б – однотипны [Бейсенов, 1996. С. 36. Рис. 1]. Однако по существу типология А. З. Бейсенова ничем не отличается от ранее предложенных М. К. Кадырбаевым и П. Н. Мариковским. Если внимательно рассмотреть схематическую таблицу типологий (рис. 3), то мы увидим, что комплексы курганов с «усами» типа 1 А. З. Бейсенова соответствуют типу IV М. К. Кадырбаева и вариантам 1, 3, 8 П. Н. Мариковского; тип 2 А. З. Бейсенова формально соответствует типу I М. К. Кадырбаева и вариантам 2, 9 П. Н. Мариковского; тип 3, варианты а, б А. З. Бейсенова соответствуют типу II М. К. Кадырбаева и идентичны вариантам 4, 5, 7 П. Н. Мариковского. Новым в типологии А. З. Бейсенова является отсутствие или осознанный отказ от выделенного М. К. Кадырбаевым и повторенного П. Н. Мариковским типа III комплексов курганов с «усами», где «малый сооружен на вершине большого». По-новому А. З. Бейсенов трактует свой тип 2б.

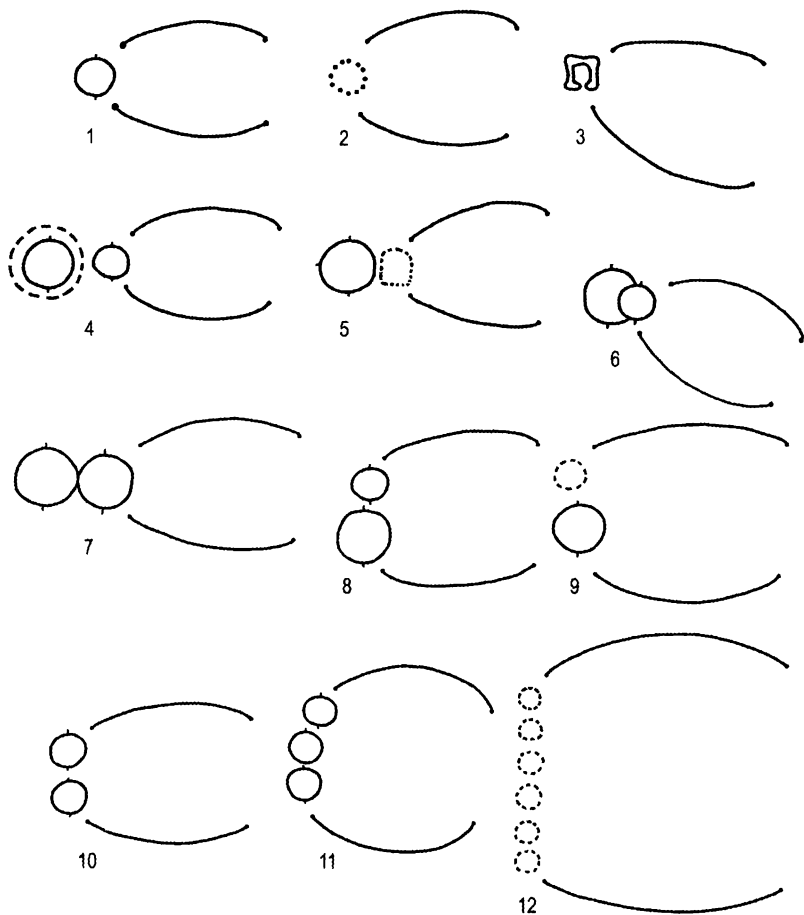

Рис. 4. Схематические обозначения типов курганов с каменными грядами:
 1–3 – тип 1; 4–7 – тип 2а; 7 – тип 2б; 8–9 – тип 3а; 10–12 – тип 3б (по: [Бейсенов, 1996. Рис. 1])

На наш взгляд, предложенная А. З. Бейсеновым типология комплексов курганов с «усами» не совсем удачна. Тем не менее, в дальнейшем мы будем ею пользоваться, привлекая и разработку М. К. Кадырбаева. Опора на типологию А. З. Бейсенова обусловлена лишь тем, что в его работах приведена наиболее полная на настоящее время сводка комплексов курганов с «усами» Центрального, Восточного и Южного Казахстана. Типы курганов по А. З. Бейсенову будут обозначены араб-

скими цифрами, а типы, выделенные М. К. Кадырбаевым, – римскими.

Анализируя раскопанные в Центральном Казахстане памятники, А. З. Бейсенов был вынужден прийти к выводу, что собственно курганами с каменными грядами являются комплексы, состоящие только из одного центрального сооружения, от которого и отходят «усы». Курган с каменными грядами – это простое (рвы, ограды, крепиды отсутствуют) и небольшое (диаметром часто от 3–4 до 10 м, высота незначительная) сооружение в виде округлых (овальных, прямоугольных) курганообразных насыпей, реже аналогичных оград или колец. В нем отсутствует погребение человека, но оно содержит на древнем горизонте кости лошади (чаще обломки черепа, зубы и кости ног, редко целый костяк), глиняные сосуды, следы разведения огня и отдельные детали сбруи. «За исключением главным образом впускных захоронений, под центральным сооружением комплекса с каменными грядами захоронения человека отсутствуют. Последнее находится в обычном погребальном сооружении, которое может располагаться западнее, южнее центрального сооружения комплекса» [Бейсенов, 1997. С. 18]. Эта форма курганов с «усами» (тип 1; тип IV) является наиболее распространенной, ее имеют 126 объектов из 233 типологически определенных на территории Казахстана, или 54%. Именно этот тип и является, по мнению А. З. Бейсенова, собственно курганом с каменными грядами [Бейсенов, 1996. С. 36; 1997. С. 18].

Классическим вариантом курганов с «усами» М. К. Кадырбаев считал комплекс, состоящий из западного (основного) кургана с погребением человека, и восточного (малого) кургана, содержащего кости лошади, глиняные сосуды, следы разведения огня (тип I). От восточного (малого) кургана на восток отходят каменные гряды – «усы». Эту разновидность курганов с «усами» А. З. Бейсенов определил как тип 2, включающий два варианта. К этому типу относится 79 комплексов, или 34% всех известных в Казахстане курганов с «усами». Вариант 2а, включающий 75 памятников, состоит из двух разнотипных сооружений, из которых западное является по размеру и конструкции основным курганом. Выступая как погребальное, оно может иметь ограду, ров, каменную крепиду. Восточное сооружение представлено небольшим по размеру и простейшим по конструкции малым курганом-спутником, от которого и отходят усы. Четыре комплекса относятся к варианту 2б, где курган с каменными грядами состоит из двух однотипных сооружений. Собственно говоря, тип 2 представляет собой обычное погребальное сооружение в виде кургана, к которому с востока пристроен курган с каменными грядами самого распространенного типа (тип 1 или IV).

К типу 3 курганов с «усами» А. З. Бейсенов относит 28 объектов (12%). Эти комплексы состоят из нескольких разнотипных (вариант 3а) или однотипных (вариант 3б) сооружений, расположенных по линии север–юг, а от крайних из них отходят каменные гряды. Вариант 3а, включающий два сооружения: малое на севере и большое на юге, является особым повторением комплекса типа 2 (типа I). Вариант 3б сближается с памятниками типа 1 (типа IV) – вместо одного – несколько однотипных объектов [Бейсенов, 1996. С. 36, 40; 1997. С. 18, 19]. М. К. Кадырбаев курганы с «усами» такого вида выделял в тип II [Кадырбаев, 1966. С. 309. Рис. 2].

Часто центральное сооружение комплекса кургана с «усами» типа 1 возводилось поверх обычного кургана с погребением в могильной яме (тип III). А. З. Бейсенов, в отличие от М. К. Кадырбаева, не выделяет их в самостоятельный тип, а рассматривает как курганы типа 1 с погребением человека.

Важно отметить то, что среди 119 курганов с «усами» Восточной Сары-Арки (восточные районы Жезказганской, Карагандинской, Акмолинской областей, юго-западные районы Павлодарской области), у которых определен тип, – 59 памятников, или 49,6%, составляют комплексы типа 2, в то время как комплексы типа 1 – 43,4%, или 48 объектов. Среди исследованных раскопками 44 курганов преобладают комплексы типа 2 – 22 объекта, причем все они с погребением человека. Захоронения также обнаружены в двух курганах типа 1 и в трех типа 3. Всего же по Казахстану из 56 раскопанных до 1996 года курганов с «усами» (11 из которых, на основании полученного вещевого материала, датированы I тыс. н. э.) погребения человека зафиксированы в 34 памятниках – по пять в комплексах типа 1 и 3; 24 в комплексах типа 2. Причем в курганах с «усами» типа 2 погребение человека всегда находится под западным основным курганом. Из 22 раскопанных курганов с «усами» без человеческих захоронений 17 представляют собой памятники типа 1, пять – типа 3, и нет ни одного кургана типа 2 [Бейсенов, 1996. С. 37, 38].

Приведенный ниже анализ основан на доступных нам материалах 58 курганов с «усами», исследованных в урало-казахстанских степях. Из них 19 комплексов относятся к типу 1 без погребения человека, или собственно курганам с «усами» – два – в Восточном, один – в Западном и девять – в Центральном Казахстане, пять – в Южном Зауралье.

В Восточном Казахстане этот тип включает курган 3 могильника Зевакино и курган 2 могильника Кызылтас. В Зевакино в северной половине кургана найдены кости лошади, а в северо-восточной части насыпи –

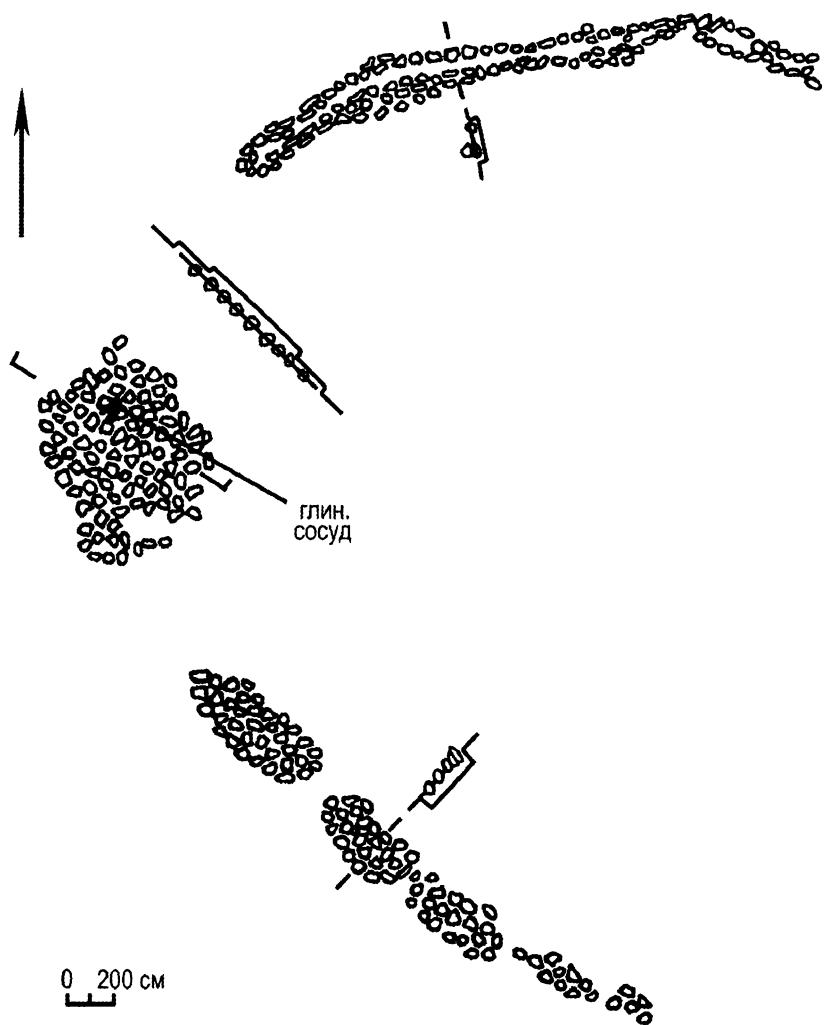

Рис. 5. План и разрез кургана 3 с «усами» Зевакинского могильника (по: [Арсланова, 1975. Рис. 1])

Рис. 6. Глиняные сосуды из могильников Зевакино и Кызылтас. 1, 4, 6–8 – могильник Кызылтас (1 – курган 2; 4 – одиночный курган (одиночный курган у с. Ленинка); 6–8 – курган 1); 2, 3, 5, 9 – могильник Зевакино (2 – курган 3; 3 – курган 1; 5, 9 – курган 2); 10 – могильник Кызылтас II, малый курган погребального комплекса 1 (по: [Арсланова, 1975. Табл. II])

раздавленный плоскодонный глиняный сосуд (рис. 5). Он своеобразен тем, что имеет выступ с внутренней стороны при переходе от тулова к шейке (рис. 6, 2). Подобные выступы-бортики, как отмечает Ф. Х. Арсланова, зафиксированы на сосудах из малых курганов с «усами» в могильниках Кара-Бие, Бугулы и в комплексе «37 воинов». Под насыпью кургана 2 могильника Кызылтас найден лишь глиняный сосуд (рис. 6, 1). Оба комплекса датированы III–V вв. н. э. [Арсланова, 1975. С. 120, 121, 128, 129].

В Центральном Казахстане к этому типу курганов с «усами» принадлежит комплекс кургана 55 могильника Ботакара, кургана 13 могильника Бугулы, курган 2 могильника Бес-оба, курган 16 могильника Былкылдак, курган 2 могильника Карасай, курган 9 в урочище Дандыбай, курган 1 могильника Джанайдар, курган 8 могильника Ак-Кайракты, курган 2 у станции Шедерты. Из них датировка одного кургана (Ак-Кайракты) не определена, комплексы Ботакара, Бугулы, Джанайдар

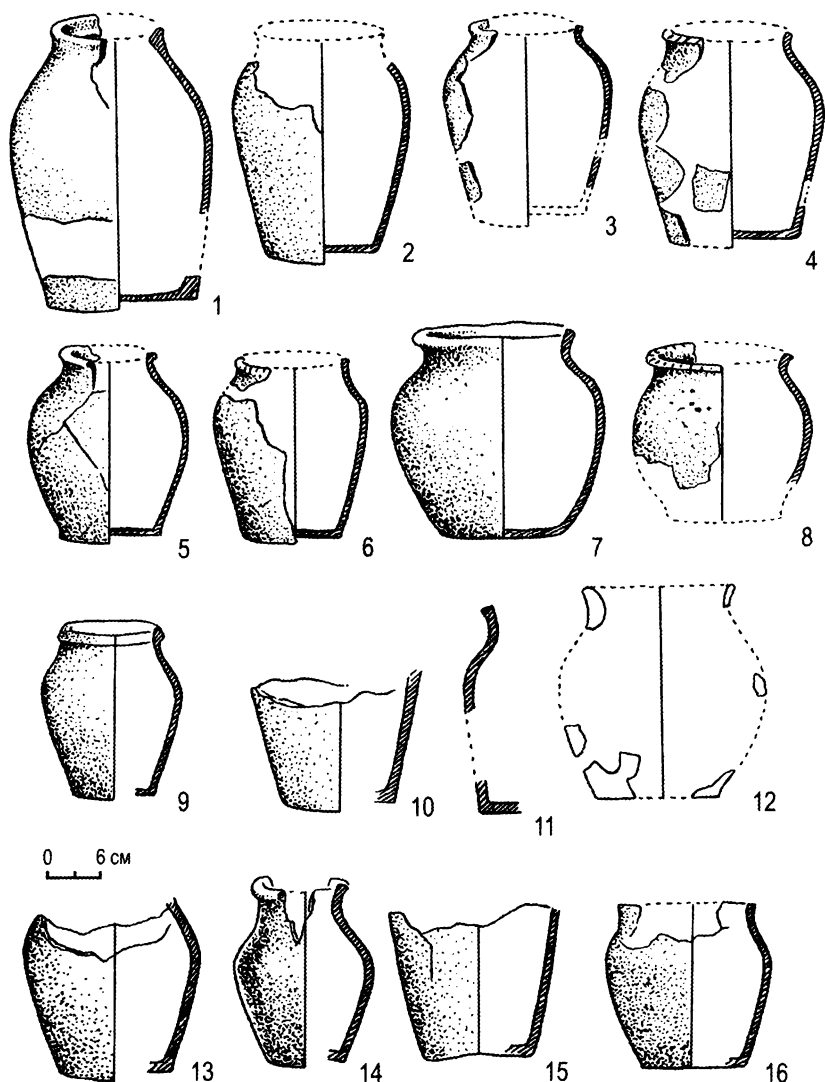

Рис.7. Керамика курганов с «усами» Центрального Казахстана.

1 – комплекс «37 воинов», курган 4; 2–5, 10, 13 – местонахождение неизвестно; 6 – Канаттас, курган 19 (?); 7, 8 – Егиз-Койтас, курган 5 (?); 9 – Ботакара, курган 55 (?); 11, 14 – Тасмола II, курган 19; 12, 15, 16 – Сангуыр II (12 – курган 1; 15 – курган 3; 16 – курган 2) (по: [Кадырбаев, 1966. Рис. 61])

включены в круг памятников первого хронологического этапа тасмолинской культуры, остальные – в круг памятников второго этапа.

Под насыпью кургана 55 могильника Ботакара найдены остатки трубчатых костей и черепа лошади. Юго-восточнее черепа находился глиняный сосуд (рис. 7, 9) [Кадырбаев, 1966. С. 347, 348].

Под насыпью, в северной части кургана 13 могильника Бугулы, на уровне древней поверхности вместе с золой обнаружены фрагменты сосуда (рис. 8, 2), аналогичного сосуду из комплекса «37 воинов» (рис. 8, 1). Могильная яма отсутствовала [Кадырбаев, 1958. С. 100].

Могильная яма отсутствовала и в кургане 2 могильника Бес-оба. Здесь под насыпью, в центре кургана, обнаружен целый костяк лошади, положенной на левый бок, головой на северо-запад и ногами на восток [Кадырбаев, 1958. С. 102].

Под сильно разрушенной каменной насыпью кургана 16 могильника Былкылдак (рис. 9, 6) выявлена прямоугольная яма, в которой находился костяк лошади. У передних ее ног найдено железное кольцо, вероятно, от узды [Кадырбаев, 1958. С. 102].

Под насыпью кургана 2 могильника Карасай (рис. 9, 5), на уровне древней поверхности, найдены только череп, шейные позвонки и кости передних ног лошади [Кадырбаев, 1958. С. 103].

Под каменной насыпью кургана 9 в урочище Дандыбай (рис. 10, 5) оказался тонкий сажистый слой, под ним красноватая земля со следами огня [Рыков, 1935. С. 49]. Курган отнесен М. П. Грязновым к эпохе ранних кочевников. Основанием для этого послужил «расположенный по соседству другой курган с каменной насыпью.., не имевший выкладок, как и предыдущий, но, вероятно, одновременный ему». Под его насыпью находилось безинвентарное погребение человека в могильной яме с подбоем. Умерший был положен вытянуто на спине, головой на север. «Череп пробит чеканом, оставившим после удара круглое отверстие в затылочной кости. Так как боевые чеканы с круглым сечением ударного стержня известны в Сибири только по памятникам времени ранних

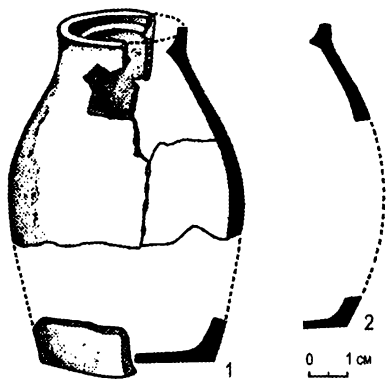

Рис. 8. Фрагменты глиняных сосудов.
1 – курган № 4, комплекс «37 воинов»;
2 – курган № 13 (Бугулы) (по: [Кадырбаев, 1958. Рис. 2])

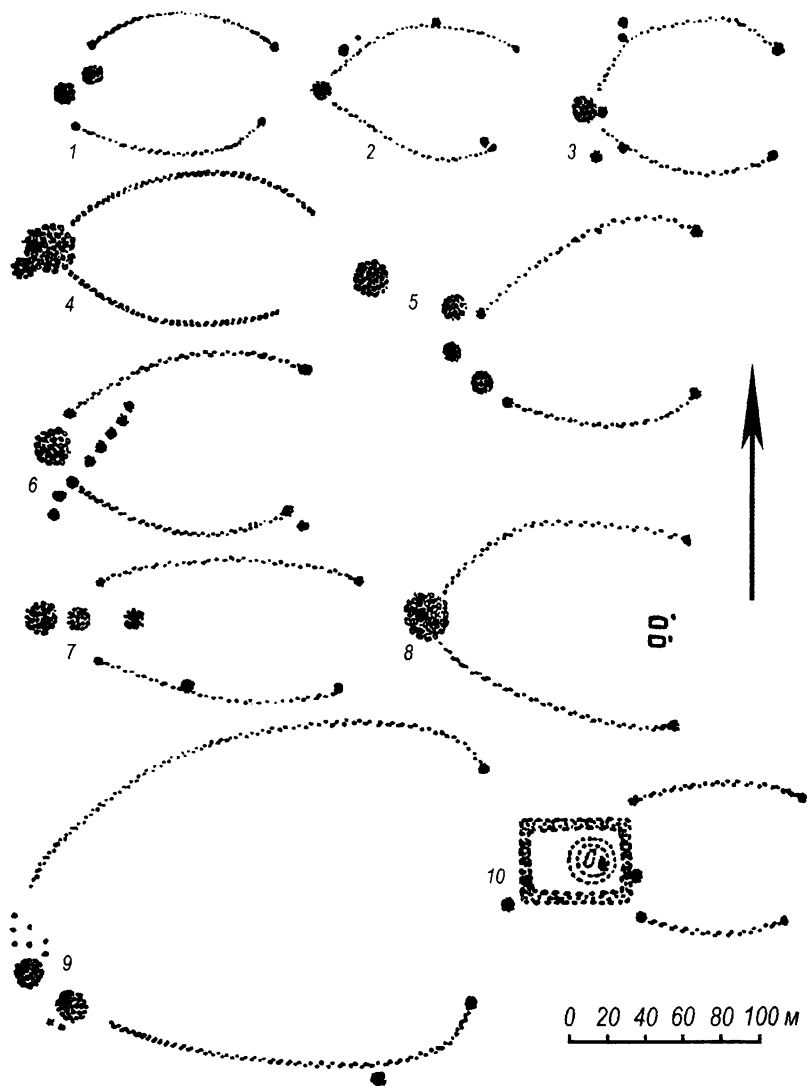

Рис. 9. План курганов с «усами». 1 – Улутау, Оре-Заир; 2 – Шетский район, Кзылтауский подхоз; 3 – Шетский район, Толагай; 4 – Улутау, Тогузбай-куль; 5 – Коунрадский район, река Карасай; 6 – Коунрадский район, урочище Былкылдак; 7 – река Кулан-Утпес, колхоз «Комсомол»; 8 – верховья реки Токраун; 9 – Ворошиловский район, Алгабас; 10 – Акмолинская область, горы Еремей-Тау (по: [Кадырбаев, 1958. Табл. I])

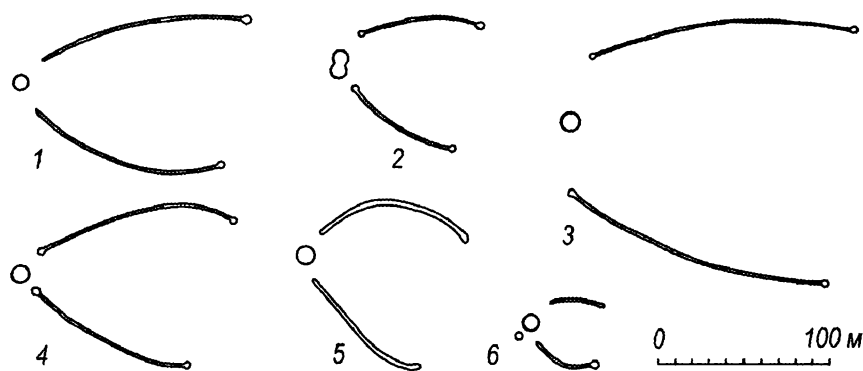

Рис. 10. Схематические планы курганов с «кусами». 1 – близ села Алексеевка; 2 – на берегу озера Б. Чебачье; 3 – на берегу озера Куртукуль; 4 – в сопках Джаман Куянды; 5 – в урочище Дындыбай; 6 – в Кой-Сайгане (по: [Грязнов, 1956. Рис. 1])

кочевников, то, очевидно, этим периодом следует определять и погребение. Можно предполагать, что вся группа каменных курганов в Дандыбае также относится ко времени ранних кочевников» [Грязнов, 1956. С. 9].

Под насыпью кургана 1 могильника Джанайдар (рис. 11), в восточной части, найдены фрагменты глиняного сосуда. Еще два сосуда, стоящие на древнем горизонте, обнаружены в центральной части под курганной площадки. В насыпи кургана, недалеко от одного из сосудов, лежали зубы лошади, вблизи которых найдены бронзовые пуговицевидная бляшка и две пронизки для перекрестных ремней (рис. 12). На основании этих находок курган датирован VII–V вв. до н. э. [Оразбаев, 1969. С. 177–178].

Под насыпью кургана 8 могильника Ак-Кайракты в северо-восточной и восточной части под курганной площадки обнаружены фрагменты плоскодонного керамического сосуда (рис. 13, 2). В насыпи кургана найдены фрагменты костей ног лошади и «непонятного происхождения пятно насыщенного красного цвета. Размеры пятна 10×20 см» [Свиридов, 2004. С. 50].

В северо-западной части насыпи кургана 2 Шедерты среди камней обнаружены фрагменты гончарной керамики (рис. 14, 1, 2, 5). В западной части найдены зубы лошади. В восточной части кургана под камнями обнаружен развал лепного сосуда (рис. 14, 3), стоявшего в небольшом углублении, вырубленном в скальной породе. В центре насыпи,

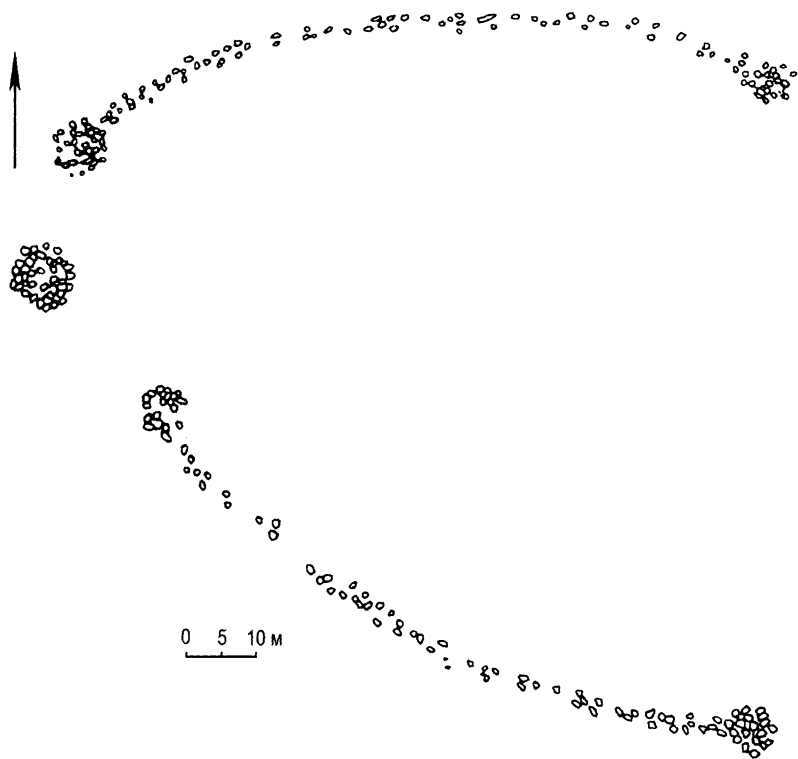

Рис. 11. Могильник Джанайдар. План кургана с «усами» (по: [Оразбаев, 1969. Рис. 1])

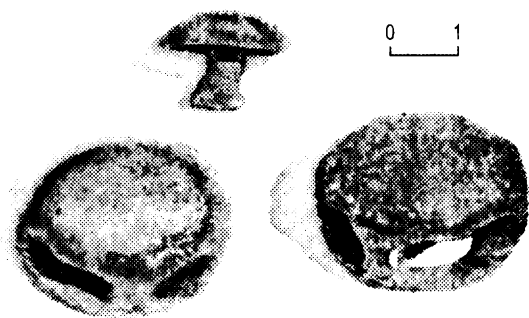

Рис. 12. Могильник Джанайдар. Пуговицевидная бляшка и пронизки из кургана с «усами» (по: [Оразбаев, 1969. Рис. 2])

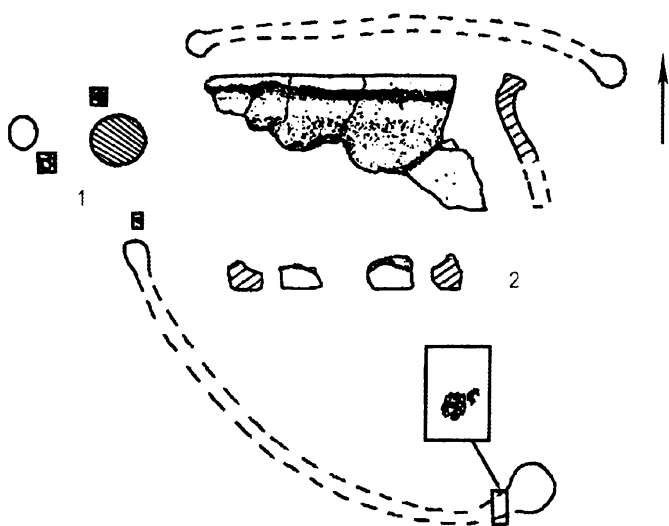

Рис. 13. Могильник Ак-Кайракты, курган с «усами» 8. 1 – общий план, 2 – керамика (по: [Свиридов, 2004. Рис. 1, 8, 9])

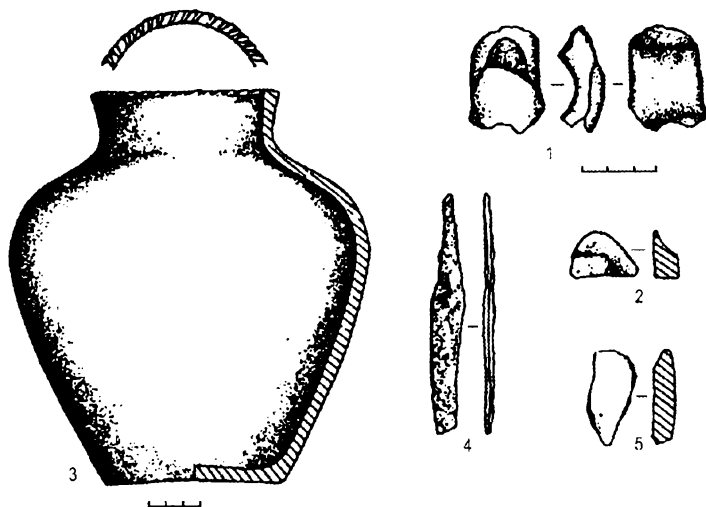

Рис. 14. Могильник Шедерты, курган 2 с «усами». 1, 2, 5 – фрагменты гончарной керамики; 4 – железный нож; 5 – керамический сосуд (по: [Пересветов, 2001. Рис. 1, 11–15])

сразу под дерном, найден железный черешковый нож (рис. 14, 4). Курган датирован VII–VI вв. до н. э. [Пересветов, 2001. С. 283].

Однако предложенная дата кургана 2 Шедерты не бесспорна. Г. Ю. Пересветов сопоставляет найденный сосуд с кувшином из комплекса кургана с «усами» 3 могильника Зевакино (рис. 6, 2), отнесенного Ф. Х. Арслановой к III–V вв. н. э. [Арсланова, 1975. С. 129]. Эта датировка, по его мнению, вызывает сомнения, поскольку «была предложена для всех курганов с «усами» могильника Зевакино по инокультурному захоронению «гуннского» времени в кургане № 1, того же могильника» [Пересветов, 2001. С. 285]. Но дату III–V вв. Ф. Х. Арсланова предложила не только по хорошо датировемым материалам кургана 1 Зевакино, но и основываясь на ряде аналогий и сопоставлений, предложенных для керамики из комплексов могильников Зевакино и Кызылтас. Так, по ее мнению, керамические котлы из кургана 2 Зевакино и кургана 1 Кызылтас (рис. 6, 7–9) по форме и выделке близки к посуде из погребений II–V вв. Тувы и таштыкских захоронений I–II вв., а аналогичной формы глиняный котел найден во впускной могиле кургана 4 могильника Кызылту. Сосуду кувшиновидной формы из кургана 1 Кызылтас (рис. 6, 6) аналогии Ф. Х. Арсланова находит среди кувшинов Кенкольского могильника. Вазовидный сосуд из комплекса 1 Кызылтас (рис. 6, 10) по форме «близок к керамике из центральноказахстанских курганов, а также к вазообразным образцам гуннского времени из могильника Кокэль». Для сосуда из кургана 2 Кызылтас (рис. 6, 1) она отмечает сходство с сосудом из кургана с «усами» 19 могильника Канаттас (IV–V вв.) [Арсланова, 1975. С. 126–129].

Для обоснования ранней даты кургана 2 Шедерты Г. Ю. Пересветов ссылается на материалы могильника IX–VIII вв. до н. э. Измайловка в Восточном Казахстане. В частности, он указывает на находку в ограде 27 могильника двух сосудов, сходных с «тасмолинскими». Эти сосуды, по его мнению, являются, вероятно, «исходными формами для последующих форм посуды раннесакского времени». Кроме того, отмечает он, в ограде 9 вместе с сосудом «бегазинско-карасукского типа» и ограде 17 «найдена посуда, характерная для тасмолинской керамики из курганов с «усами». Сосуд же из ограды 9 Измайловки очень похож на вазовидный сосуд из кургана 2 Кызылтас (рис. 15, 5) [Пересветов, 2001. С. 285]. Сосуды из каменного ящика ограды 27 (рис. 15, 7, 8) действительно имеют сходство, правда отдаленное, с керамикой из курганов с «усами» Центрального Казахстана (рис. 7), в том числе и с сосудом из кургана 19 Канаттас, а горшок из каменного ящика ограды 17 Измайловки (рис. 15, 6)

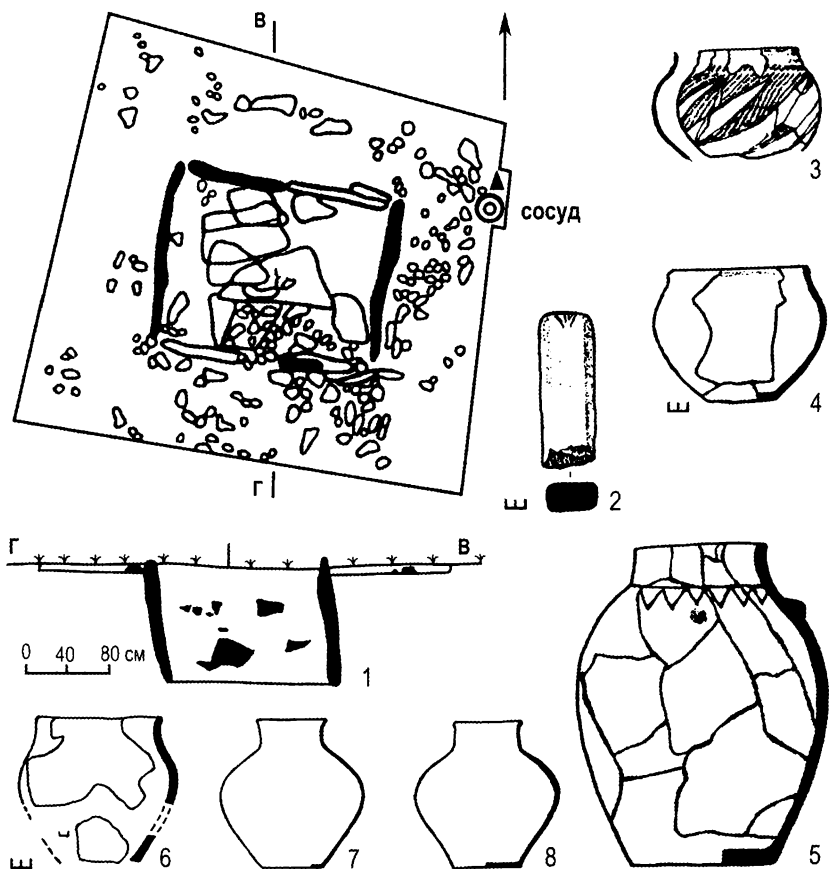

Рис. 15. Могильник Измайловка. 1–5 – ограда 9: 1 – план и разрез ограды; 2 – обломком точильного камня; 3–5 – глиняные сосуды; 6 – глиняные сосуды из ограды 17; 7, 8 – глиняные сосуды из ограды 27 (по: [Ермолаева, 1987. Рис. 29; 31, 5; 46, 4, 8])

может быть сопоставлен с сосудом из кургана 2 Сангуыр II (рис. 7, 16) [Ермолаева, 1987. Рис. 31, 5; 46, 4, 8; Кадырбаев, 1966. Рис. 61]. Однако измайловские сосуды с таким же успехом могут быть сопоставлены и с керамикой разных эпох других регионов, в частности с сосудами из погребений савромато-сарматского времени Южного Урала (см. например: Таиров, 2004. Рис. 5, I, 4, 11, II, 12, III, 65, 66).

Из ограды 9 Измайловки происходят три сосуда (рис. 15, 3–5), из которых два, в том числе и «бегазинско-карасукского типа» (рис. 15, 3, 4),

найжены внутри каменного ящика. Ящик был окружен и, судя по приводимому рисунку (рис. 15, 1), частично перекрыт оградкой из мелкого колотого камня, уложенного почти сплошным слоем. «С восточной стороны среди внешних камней ограды обнаружен глиняный сосуд, вкопанный на глубину до 0,22 м» [Ермолаева, 1987. С. 66, 67. Рис. 29]. По своей вазовидной форме этот сосуд (рис. 15, 5) резко выделяется среди всей остальной керамики Измайловского погребального комплекса (см.: Ермолаева, 1987а. Рис. 1; 2), хотя по технологии изготовления он не отличается от остальной посуды комплекса, а по формовочной массе сходен с саргаринско-алексеевской керамикой этого могильника [Ермолаева, 1987. С. 92; 1987а. С. 159].

Исходя из всего вышесказанного, мы считаем, что нет никаких серьезных оснований для отнесения кургана 2 Шедерты к VII–VI вв. до н. э.

В Западном Казахстане к типу 1 относится комплекс кургана с «усами» Медес, расположенный в 200 м к западу от реки Косагаш на незначительном возвышении в широтно ориентированной межгорной долине в 6 км к северу от поселка Херсон. Диаметр каменной уплощенной, с отдельными выступающими на поверхность плитами, насыпи основного кургана 10 м, высота — 0,35 м. От него на восток отходили две дуговидных каменных гряды — «усы». Длина северного «уса» — 51 м, южного — 44 м (рис. 16, I, 1). В 2000 году археологической экспедицией Актюбинского госуниверситета им. Х. Жубанова под руководством А. А. Бисембаева раскопан центральный курган и расчищены обе гряды. В центре основного кургана выявлена каменная конструкция подквадратной формы размерами 2,5×2,5 м, основание которой покоилось на погребенной почве (рис. 16, I, 2). По центру конструкции, под восточной бровкой, в ямке глубиной 10–15 см от уровня древней поверхности найдены остатки костра (угольки и сажа) и кости животного (астрагал сайгака — ?).

В Южном Зауралье к типу 1 относятся шесть исследованных комплексов курганов с «усами»: Солончанка IX, Городищенский IX, Новокудуровский I, Оленина Отнога, Новоактюбинский I, Суходол.

Комплекс кургана с «усами» Солончанка IX включал центральную каменную насыпь, две гряды длиной до 100 м, сложенные из камня и ориентированные практически строго на восток, каменные выкладки на началах и окончаниях «усов» (рис. 17, 1). Под насыпью центрального кургана выявлена каменная ограда округлой формы. К ней с западной стороны примыкала каменная выкладка подпрямоугольной формы размерами 2,2×2,3 м, ориентированная по линии север–юг. Внутри выклад-

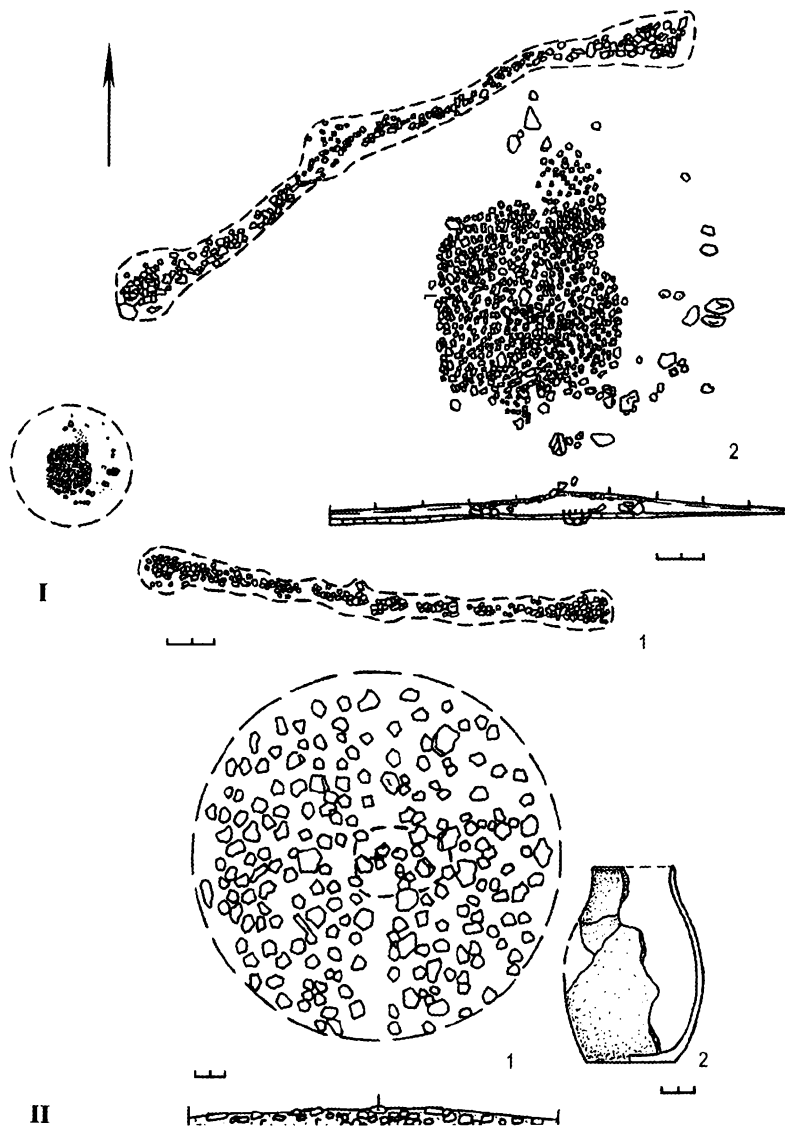

Рис. 16. Курган с «усами» и селенташский комплекс из Западного Казахстана.
 I – курган с «усами» Медес: 1 – общий план; 2 – план и разрез центрального сооружения;
 II – могильник Восточно-Курайлинский II, курган 2: 1 – план и разрез; 2 – керамический сосуд

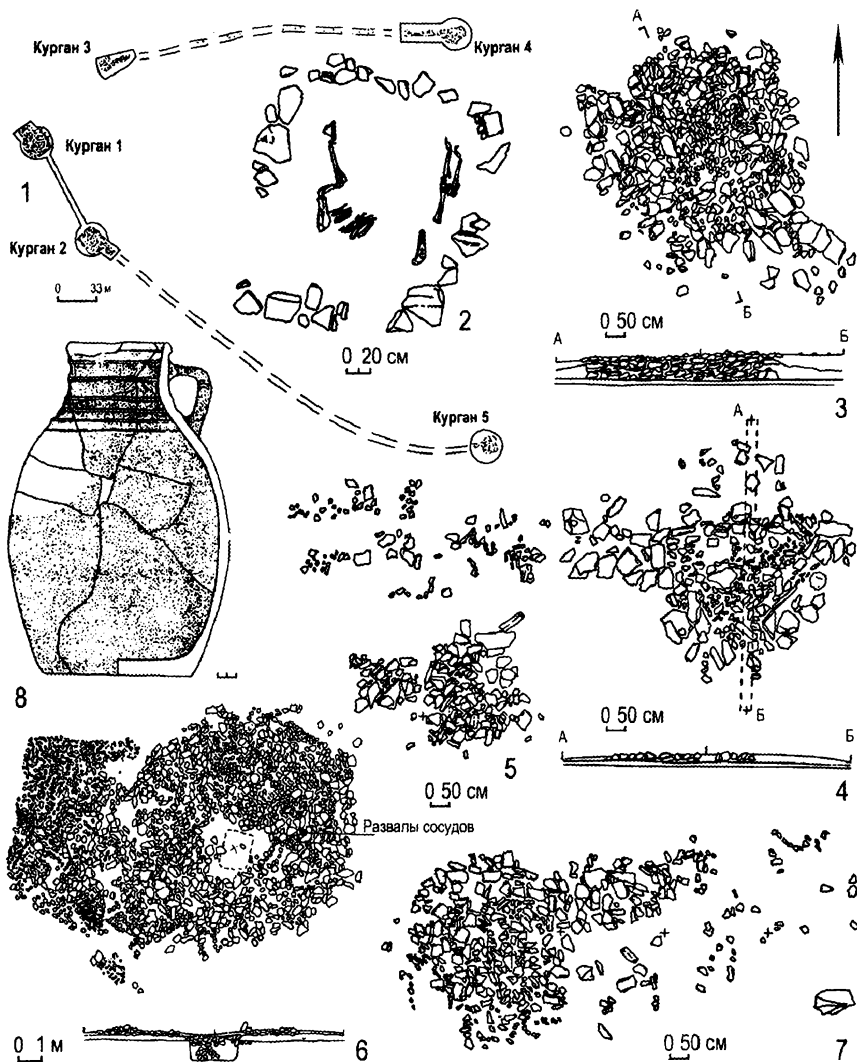

Рис. 17. Комплекс кургана с «усами» Солончанка IX. 1 – общий план комплекса; 2 – план погребения лошади в кургане 1; 3 – план и разрез ограды на начале южного «уса» (курган 2); 4 – план и разрез ограды на окончании северного «уса» (курган 4); 5 – план ограды на окончании южного «уса» (курган 5); 6 – план и разрез центрального кургана 1; 7 – план ограды на начале северного «уса» (курган 3); 8 – красноглиняный кувшин

ки расчищен фрагментированный скелет лошади, уложенный в анатомическом порядке. В восточном секторе подкурганной площадки найдено каменное орудие -- пест или оселок из зеленой плотной яшмы. Здесь же обнаружен глиняный лепной горшок, поставленный в небольшую ямку, выкопанную в материке. В западном секторе подкурганной площадки, под щебнем каменной вымостки, расчищен развал большого красноглиняного кувшина (рис. 17, 2), который первоначально также был поставлен в ямку. Под выкладками на началах и окончаниях «усов» выявлены следы прокалов, зола, мелкие угольки, а также лопатка барана. На основе аналогий красноглиняному кувшину комплекс датирован IV–V вв. н. э. [Любчанский, Бытковский, 2006].

Комплекс кургана с «усами» Городищенский IX включал центральную каменную насыпь, две гряды длиной до 220 м и шириной 3–7 м, сложенные из камня и ориентированные на восток, каменные конструкции на началах и окончаниях «усов» (рис. 18, I). Центральный курган диаметром 10,5 м и высотой 0,9 м представлял собой развал каменной постройки в виде ограды подквадратной формы размерами 7,5×7,5 м (рис. 18, II). Внутри ограды, на уровне древней поверхности, отмечены многочисленные продукты горения (уголь, зола, обожженные плашки и кальцинированные кости), среди которых найдены кости лошади и овцы, а также два железных черешковых наконечника стрел и стеклянная бусина. У восточной стенки ограды выявлено углубление, в котором находились кости барана и крупный глиняный горшок (рис. 18, 1–4). На началах усов расчищены прямоугольные оградки со сторонами 3,5–5 м (рис. 18, IV, V). Заканчивались же усы подпрямоугольными выкладками размерами 6,2×7,5 м (рис. 18, III, VI). Внутри них, на древней поверхности, также отмечены следы огня (прокал, зола, угли) [Боталов, Гуцалов, 2000. С. 204–206].

Комплекс кургана с «усами» Новокондуровский I включал центральную каменную насыпь шестиугольной формы, две гряды длиной до 236 м и шириной 1,5–2,2 м, сложенные из камня и ориентированные на восток, а также каменные округлые выкладки диаметром от 2–2,5 м до 5–6 м на началах и окончаниях «усов» (рис. 19, 1). Под центральной насыпью, в северо-восточном секторе, обнаружен красноглиняный кувшиновидный сосуд плохой сохранности (рис. 19, 2). Следов погребения, остатков жертвенных животных, прокала, угля под насыпью кургана и в выкладках на началах и окончаниях «усов» не обнаружено. Исходя из аналогий сосуду в керамическом комплексе Алтынасарского 4и некрополя, курган с «усами» Новокондуровский I может быть датиро-

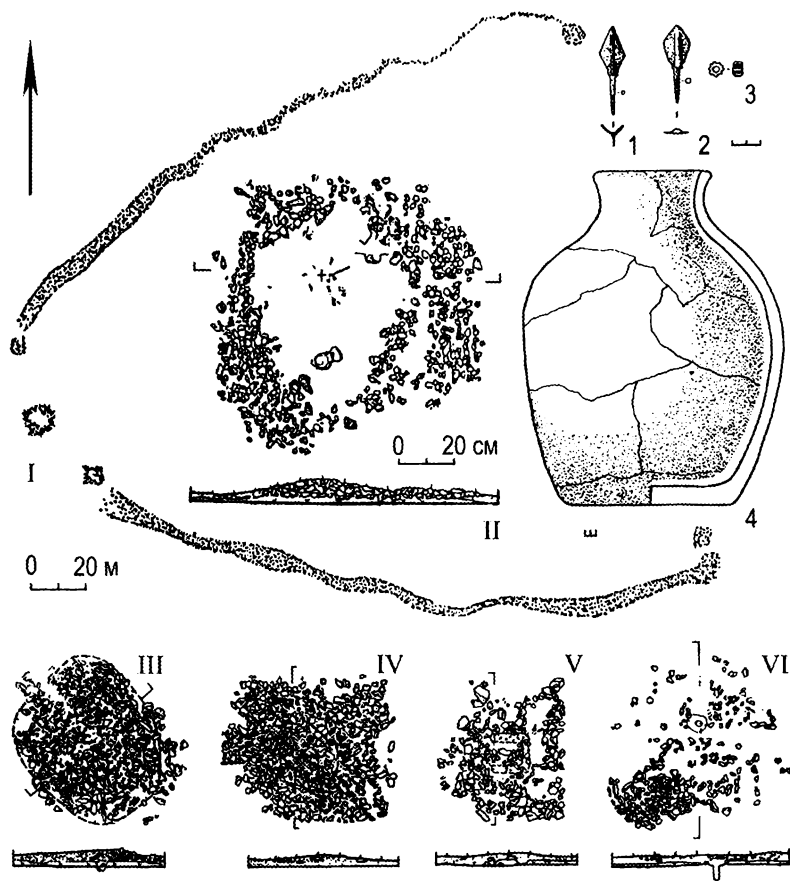

Рис. 18. Курган с «усами» Горищанский IX. 1 – общий план кургана; II – план и разрез центральной оградки; III – план и разрез выкладки на окончании северной гряды; IV – план и разрез оградки начала южной гряды; V – план и разрез оградки начала северной гряды; VI – план и разрез выкладки на окончании южной гряды. 1–5 – инвентарь из центральной оградки: 1, 2 – железо; 3 – стекло; 4 – керамика

ван V – первой половиной VII вв. н. э. [Любчанский, Бытковский, 2006].

Комплекс кургана с «усами» Оленина Отнога состоял из центральной каменной насыпи овальной формы размерами 8×10 м, двух каменных гряд-«усов» и каменных вымосток на их началах и окончаниях (рис. 20, II, 2–6). Длина каждой гряды незначительна – 51 и 57 м. В ходе исследования под центральной насыпью на дневной поверхности расчи-

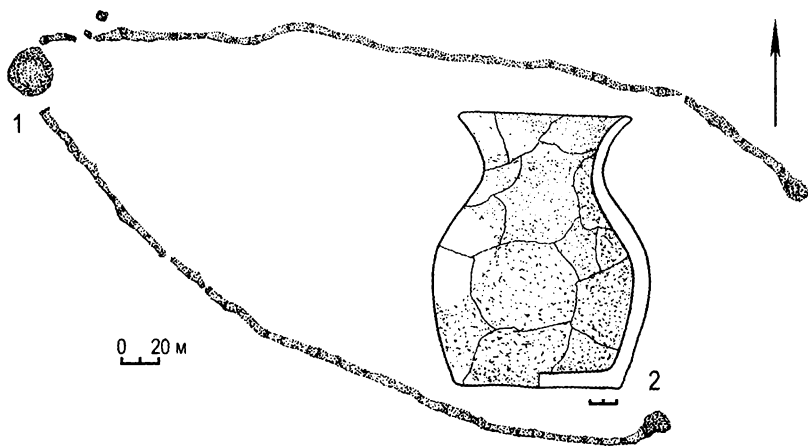

Рис. 19. Курган с «усами» Новокондуровский I. 1 – общий план; 2 – глиняный сосуд

щены остатки кострища (фрагменты обгорелого дерева, угли), грунт под которым носил следы интенсивного прокала. В северо-восточном секторе подкурганной площадки на древней дневной поверхности находился плоскодонный сосуд с орнаментированным венчиком (рис. 20, II, 1). Под каменными вымостками на «усах» остатков жертвенных животных, прокала или угля не обнаружено.

Могильник Новоактубинский I состоит из 19 разнотипных надмогильных сооружений, включающих каменные, земляные и каменно-земляные курганы, каменные площадки и два кургана с «усами». Курган 1 с «усами» находился несколько обособленно от остальных курганов некрополя. Комплекс состоял из центральный земляной насыпи овальной формы размерами 26×28 м и высотой 0,68 м, от которой на восток отходили две каменные дугообразные гряды длиной 111 и 99 м и шириной до 1,6 м. На началах и окончаниях гряд находились округлые каменные площадки диаметром 4–4,5 м (рис. 21, 1). Под земляной насыпью центрального кургана выявлен руинизированный подквадратный каменно-земляной массив, ориентированный по линии ВСВ–ЗЮЗ. Размеры этого массива 9,5×10,5 м при мощности 0,2 м. В грунте среди камней массива встречались мелкие угольки, зола и отдельные кости животных. Под ним, на уровне древней поверхности, выявлена площадка в форме равнобедренного треугольника размерами 9,5×8,6 м, ориентированная вершиной на северо-восток. Площадка образована неглубоким рвом шириной 1,7–2,0 м (рис. 21, 2). В центральной части площадки зафик-

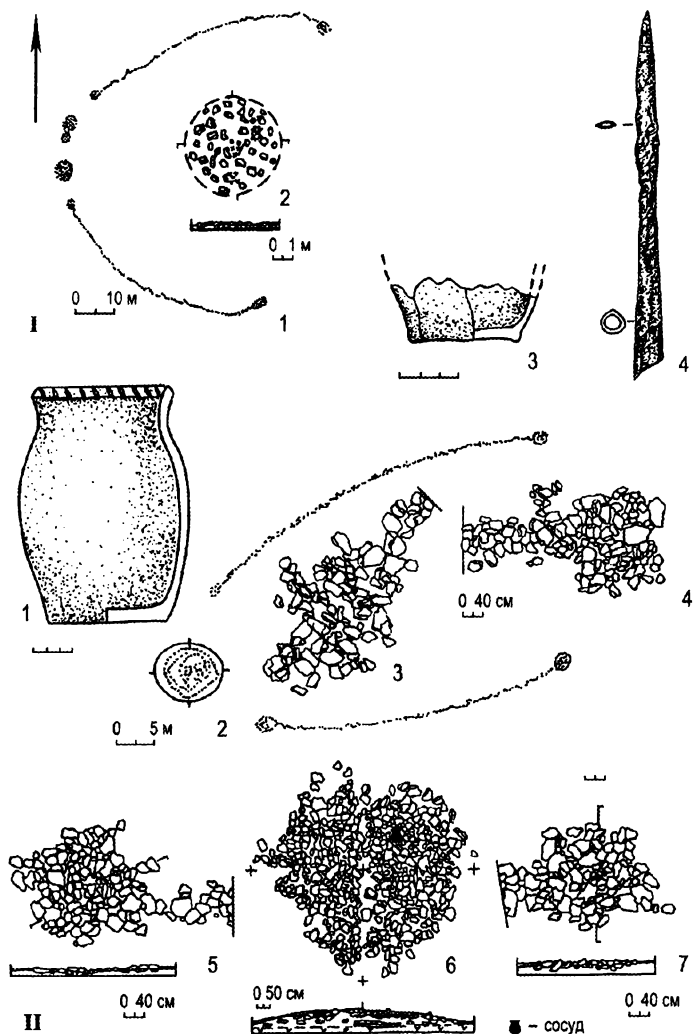

Рис. 20. Курганы с «усами» Южного Зауралья. I – Нижне-Давлетовский: 1 – общий план комплекса; 2 – план и разрез центрального сооружения; 3 – глиняный сосуд; 4 – железное копьё. II – Оленина Отнога: 1 – глиняный сосуд; 2 – общий план комплекса; 3 – план площадки на западном окончании северной гряды; 4 – план площадки на восточном окончании северной гряды; 5 – план и разрез площадки на западном окончании южной гряды; 6 – план и разрез центрального сооружения; 7 – план и разрез площадки на восточном окончании южной гряды

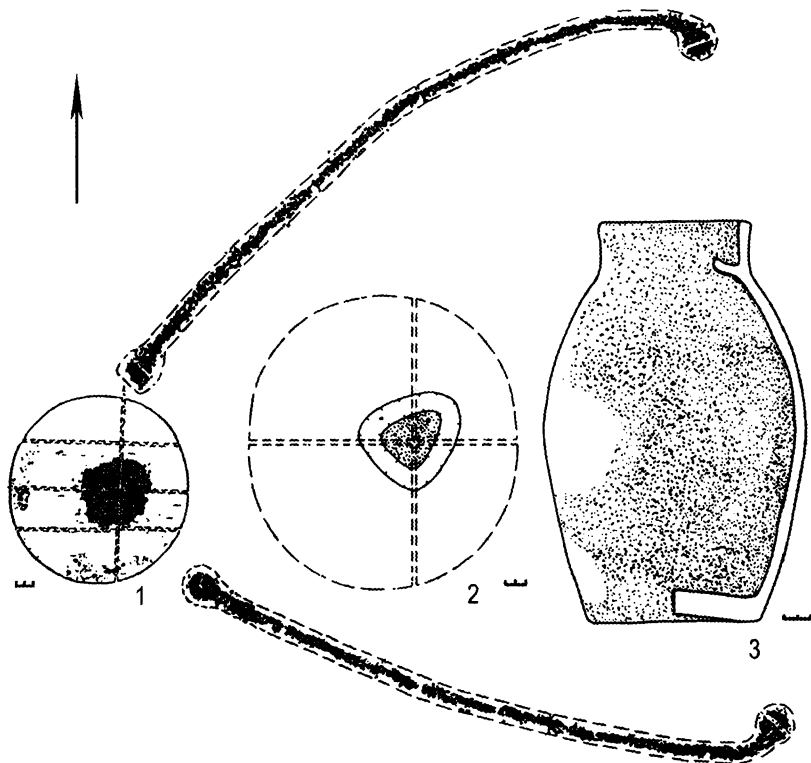

Рис. 21. Курган с «усами» Новоактюбинский I. 1 – общий план; 2 – общий план жертвенной площадки центрального кургана; 3 – глиняный сосуд

сированы остатки небольшого кострища в виде прокала мощностью до 0,1 м, при отсутствии золы и угля. Северо-восточнее кострища, ближе к вершине треугольника, в небольшом углублении находился плоскодонный сосуд вытянутых пропорций (рис. 21, 3). В северо-восточной части окружающего площадку рва находился жертвенник в виде расчлененной туши коровы без черепа. Под земляной насыпью кургана фиксировались разрозненные кости животных, а под северо-западной полкой находился жертвенный комплекс, состоящий из двух лопаток лошади и фрагмента речной раковины. Комплекс кургана с «усами» датирован V–VII вв. н. э. [Любчанский, Бытковский, 2006].

Комплекс кургана с «усами» Суходол состоял из центральной каменной насыпи, двух дугообразных каменных гряд («усов»), протянувшихся

от насыпи в восточном направлении, и каменных вымосток на их началах и окончаниях. Диаметр центральной насыпи 12 м, высота — 0,15–0,2 м. Состояла она из камней разного размера, уложенных в 1–3 слоя. Мощность слоя камней возрастала от периферии насыпи к ее центру. Под камнями в центре кургана зафиксирована глиняная площадка размерами 7×8 м и толщиной 5–10 см, лежащая непосредственно на древней дневной поверхности. В северо-восточной части площадки зафиксирован жертвенник в виде скопления сильно фрагментированных костей животного (череп лошади — ?). Рядом с жертвенником расчищен развал лепного неорнаментированного сосуда. Сосуд находился в углублении, прорезавшем глиняную площадку и погребенную почву до материка. Длина северного «уса» по дуге — 203 м, южного — 180,5 м или по прямой, соответственно, 194,5 м и 172 м. Ширина гряд от 1 до 2,5 м. Площадки на концах «усов» имели подпрямоугольную форму размерами от 4×4,5 м до 5,5×6 м или округлую (западная площадка южной гряды) диаметром 4 м.

С определенной долей уверенности к типу 1 курганов с «усами» можно отнести комплекс могильника Кызыл-Жар, исследованный Э. Р. Усмановой в окрестностях города Лисаковска (Костанайская область, правый берег р. Тобол). При раскопках памятника гряды четко проследить не удалось. Однако общая планиграфия и взаиморасположение курганов 3 (центрального), 2 и 4 (боковые), соответственно находящихся к северу и югу от центрального, а также вымостки из камней (сооружение 8), расположенной в 75 м к востоку от кургана 4, позволяет, на наш взгляд, относить весь комплекс к курганам с «усами» (рис. 22, I).

Курганы 2, 3 и 4 могильника Кызыл-Жар образуют компактную группу на вершине небольшой возвышенности. Курган 3 — центральный, курган 2 расположен к северу от него, курган 4 — к югу.

После удаления насыпи кургана 3 обнажился каменный «панцирь». В плане каменная выкладка округлой формы, диаметр ее около 4 м. Уложены камни плотно, в один слой на уровне древней поверхности (рис. 22, VI). В северной части насыпи наблюдалась линза светлорычневой супеси и золы с кальцинированными костями. Протяженность линзы — 2 м. В северо-восточном секторе, ближе к подошве кургана, под камнями найден сосуд, стоящий на материке. На глубине 40 см возле сосуда обнаружено несколько кусочков горелого дерева. В 1,25 м к востоку от центра бровки С–Ю обнаружена выкладка из костей лошади: задняя нога, ориентированная строго по линии север-юг, и передние,

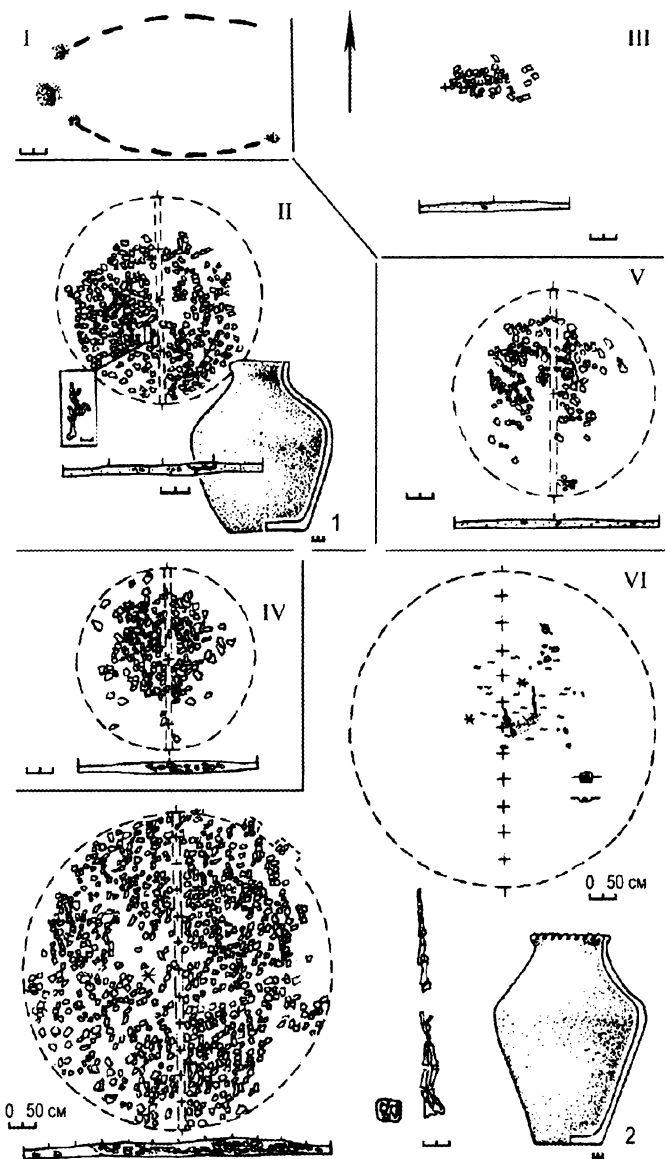

Рис. 22. Могильник Кызыл-Жар. I – общий план кургана с «усами»; II – курган 1; III – сооружение 8; IV – курган 2; V – курган 4; VI – курган 3. 1, 2 – глиняные сосуды

лежащие одна на другой, а также зубы, находившиеся к юго-западу от ног. При разборке камней отмечено, что в области предполагаемого туловища, имитируя его, лежали камни. В северном конце бровки на глубине 20 см найдена лопатка мелкого копытного (барана?).

При зачистке материка в юго-восточном секторе выявлены очертания подпрямоугольной в плане ямки. Глубина ее 20 см, стенки прямые.

Сосуд крупных размеров (высота 39,5 см), с высоким конусовидным туловом и ребром на плечике, с отогнутым венчиком. По верху венчика нанесены глубокие нарезки (рис. 22, 2). Тесто плохо отмученное, с примесью крупного песка и дресвы.

Курганы 2, 4 (рис. 22, IV, V). На поверхности фиксировались по выступающим камням сильно расплывшихся насыпей. Высота курганов около 0,1 м. Насыпи представляли собой каменные выкладки диаметром до 0,4 м. В плане каждая выкладка представляет собой неправильный овал 4×5 м, ориентированный по линии СЗ–ЮВ. После снятия камней подкурганные площадки были вскрыты до уровня материка. Никакого вещевого материала обнаружено не было.

Сооружение 8 расположено в 75 м к востоку от кургана 4. Представляло собой каменную выкладку подпрямоугольной в плане формы, размером 2×1,5 м, ориентированную в направлении север–юг. Никакого вещевого материала обнаружено не было (рис. 22, III) [Боталов, 1996. С. 152–155. Рис. 6]

Таким образом, из 19 исследованных комплексов курганов с «усами» типа 1 без погребения человека, или собственно курганов с «усами», достаточно надежно датированных немного. Восточноказахстанские комплексы отнесены Ф. Х. Арслановой к III–V вв. н. э. В Центральном Казахстане только в кургане 1 могильника Джанайдар найден вещевой материал тасмолинского времени VII–V вв. до н. э. Однако связь его с сосудами, стоящими на древней поверхности, сомнительна, ибо найден он в насыпи кургана. В Южном Зауралье лишь в одном кургане (Городищенский IX) вместе с сосудом на древней поверхности находился инвентарь V–VII вв. н. э. Однако в трех курганах (Солончанка IX, Новокондуровский I, Новоактюбинский I) обнаружены красноглиняные кувшины, аналогии которым в комплексах джетысарской культуры позволяют датировать их IV–VII вв. н. э.

Рассматривая комплексы курганов с «усами» типа 1, А. З. Бейсенов выделяет среди них группу курганов с погребением человека, хотя сам же и подчеркивает, что «за исключением главным образом впускных

захоронений, под центральным сооружением комплекса с каменными грядами захоронения человека отсутствуют» [Бейсенов, 1997. С. 18]. На наш взгляд, все комплексы типа 1 с погребением человека следует рассматривать как курганы, выделенные М. К. Кадырбаевым в типы III и IV — «совмещенный тип курганов с «усаами», который имеет две разновидности: малый сооружен на вершине большого и под одной насыпью сливаются два кургана» [Кадырбаев, 1966. С. 309, 310].

Всего исследованных курганов «совмещенного типа» десять: пять — в Центральном, два — в Западном, один — в Южном Казахстане и два — в Южном Зауралье.

Согласно А. З. Бейсенову, в Западном Казахстане погребение в кургане 1 могильника Усуп-1 относится к савроматскому, а погребение в кургане 1 могильника Каргалы-II к «среднесавроматскому» (вероятно, среднесарматскому — А. Т.) времени [Бейсенов, 1996. С. 38, 39]. М. К. Кадырбаев, характеризуя курганы с каменными грядами, исследованные им на севере Мугоджар, подчеркивал, что «архитектурно-строительный облик изученных сооружений является абсолютной копией памятников тасмолинской культуры Центрального Казахстана». Однако в грунтовой могиле одного кургана (курган 1 могильника Усуп-1 — ?) был найден типично «савроматский» плоскодонный глиняный сосуд. В то же время в погребении коня, входящего в комплекс кургана с каменными грядами, «находился горшок, типичный для тасмолинской ритуальной посуды» [Кадырбаев, 1975. С. 38].

Под каменно-земляной насыпью кургана с «усаами» могильника Каргалы-II (Каргалинский-II) выявлена каменная кольцевая ограда диаметром около 8,5 м и могильная яма, имевшая на уровне материка подпрямоугольную форму (рис. 23). На уровне дна эта яма имела подквадратные очертания (1,6×1,5 м) и ориентировку по линии ССВ-ЮЮЗ. На ее дне, на глубине 2,2 м, находилось безинвентарное погребение взрослого человека. Погребенный был уложен вытянуто на спине по диагонали могильной ямы, головой на юго-запад (рис. 23, 3). Это погребение разрушило более раннее захоронение, с которым связаны разрозненные кости человеческого скелета в заполнении ямы. Вероятно, с этим же разрушенным захоронением связаны фрагменты костей животных и конечностей человека, некоторые из которых находились в сочленении, обнаруженные в насыпи кургана, в 2–3 м к востоку от его условного центра, на глубине 0,2–0,25 м [Ткачев, 1994. С. 18, 19. Рис. 37; 38].

Курган комплекса Беркутты в Южном Казахстане содержал безинвентарное погребение в простой могильной яме, находящейся внутри ка-

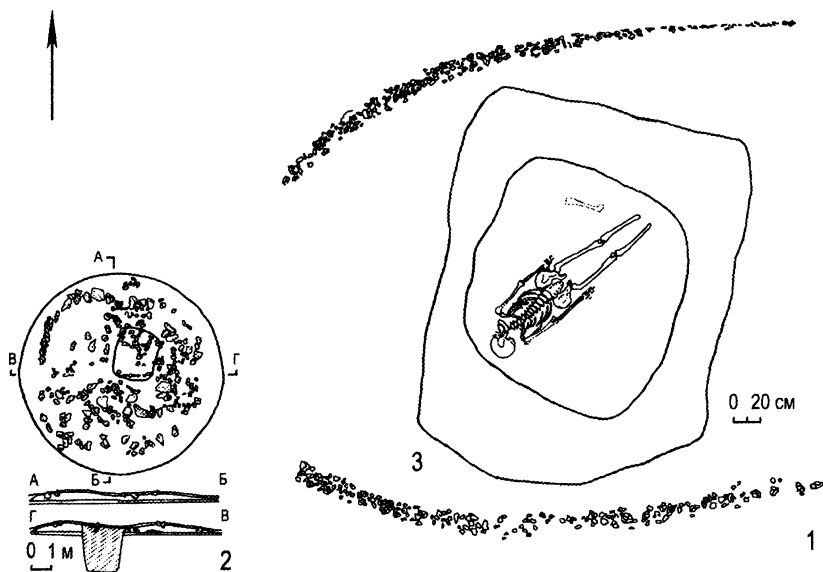

Рис. 23. Могильник Каргалы-II, курган 1. 1 – общий план комплекса кургана с «усами»; 2 – план и разрезы центрального сооружения; 3 – план могильной ямы

менного кольца диаметром 6 м. Под завалом камней, на уровне древней поверхности, близ могильной ямы найдены железные кольчатые удила, железная пряжка с подвижным язычком, фрагмент железной подвески. В восточной части подкурганной площадки внутри каменного кольца обнаружен глиняный гончарный кувшин (рис. 24). В круглой каменной выкладке на окончании левого «уса» найдены зубы лошади. Здесь же находился каменный ящик, на дне которого обнаружены разрозненные кости лошади и овцы, железные подпружная пряжка и предмет неопределенных очертаний. Внутри выкладки на окончании правого «уса» выявлены ребра животного, фрагмент керамики, зольное пятно и мелкие кусочки угля. По комплексу инвентаря курган с «усами» Беркутты датирован VII–VIII вв. [Ахинжанов, 1977. С. 75–80].

В Центральном Казахстане к курганам «совмещенного типа» или курганам с «усами» типа 1 с погребениями человека отнесены курган 4 могильника Егиз-Койтас, курган 19 могильника Тасмола I, курган 19 могильника Канаттас [Бейсенов, 1996. С. 39], а также комплекс Толагай и курган 1 могильника Кара-Бие.

Под насыпью кургана 4 могильника Егиз-Койтас, датированного

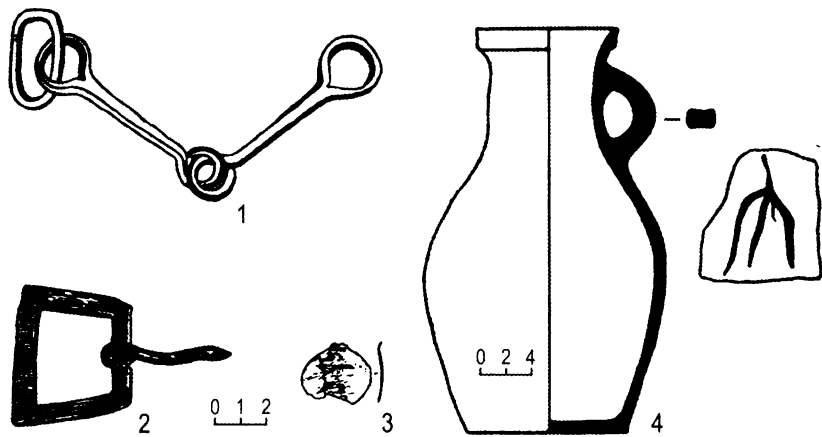

Рис. 24. Курган с «кусами» Беркутты. Инвентарь: 1 – двусоставные железные кольчатые удила; 2 – подпружинная железная пряжка; 3 – железная подвеска с обломанным ушком; 4 – кувшин (по: [Ахинжанов, 1977. Рис. 2])

вторым хронологическим этапом тасмолинской культуры, выявлена узкая овальная могильная яма, перекрытая каменными плитами и ориентированная по линии С–Ю. В ней находился неполный скелет подростка, судя по которому погребенный находился в вытянутом положении, головой на север (рис. 25). У левого его колена был поставлен небольшой сосудик (высота – 12 см, максимальный диаметр тулова – 13 см, диаметр дна – 8 см). У него отогнутый наружу венчик, короткое и широкое горло, переходящее в крутые плечики, и сферическое тулово с плоским дном. Так как в 10 м к западу от этого кургана находился большой курган диаметром 20 м и высотой 1,5 м, имевший широкий грабительский колодец и потому не исследованный, М. К. Кадырбаев отнес комплекс кургана 4 к тому типу, который А. З. Бейсенов обозначил как 2а [Кадырбаев, 1959а. С. 188, 189, 192. Рис. 22].

Курган 19 могильника Тасмола I (рис. 26, 1) включен в группу памятников первого хронологического этапа тасмолинской культуры. Здесь под юго-восточной частью насыпи найдены обломки двух сосудов (рис. 27), а в центральной части кургана вскрыта могильная яма с погребением женщины (рис. 26, 2, 3), которое хорошо датируется VII–VI вв. до н. э. богатым сопроводительным инвентарем (рис. 28). Следует, впрочем, заметить, что удалось четко зафиксировать только контуры северной половины могильной ямы, хотя глубина ее составляла 1,2 м. Данное

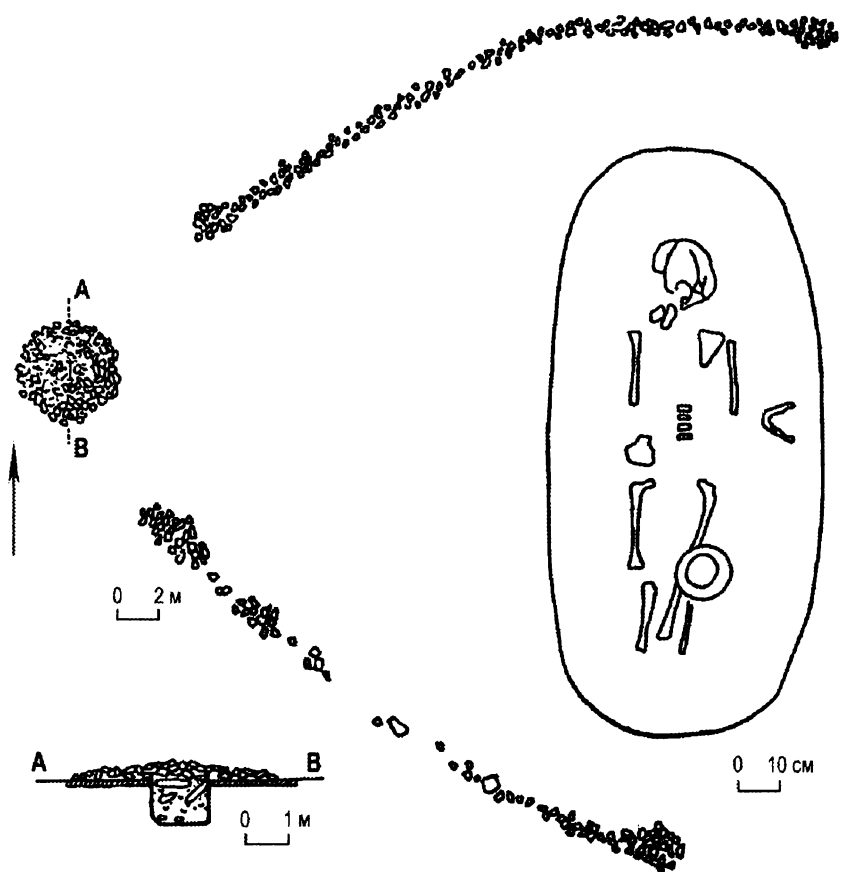

Рис. 25. Курган с «усами» № 4 (Егиз-Койтас) (по: [Кадырбаев, 1959а. Рис. 22])

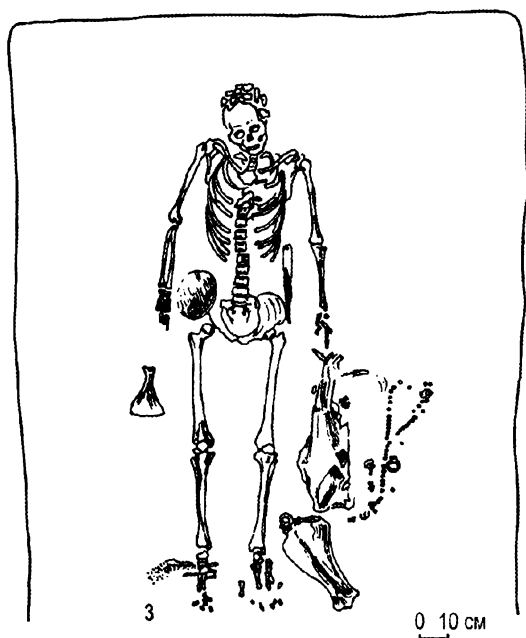
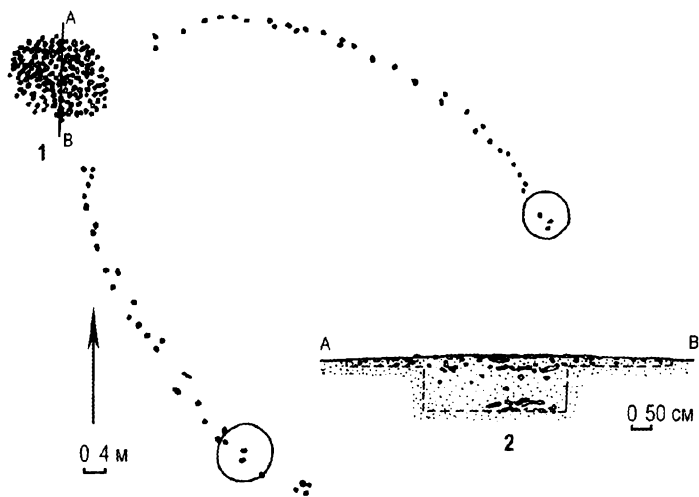

Рис. 26. Могильник Тасмола I, курган 19. 1 – общий план комплекса кургана с «кусами»; 2 – разрез центрального сооружения; 3 – план могильной ямы (по: [Кадырбаев, 1962. Рис. 2; 3; 1966. Рис. 4])

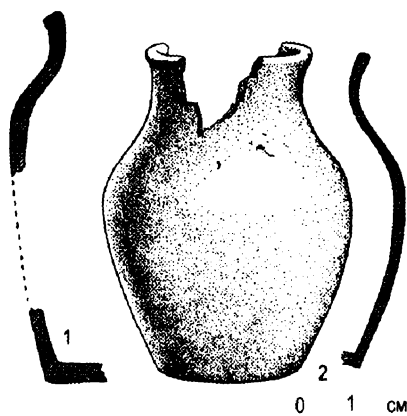

Рис. 27. Могильник Тасмола I, курган 19. Глиняные сосуды из насыпи (по: [Кадырбаев, 1962. Табл. III])

обстоятельство наводит на мысль о возможном разрушении южной половины ямы, что подтверждается и приводимым профилем кургана (рис. 26, 2) [Кадырбаев, 1962. С. 71–77. Рис. 2; Кадырбаев, 1966. С. 311–314. Рис. 4].

В центре кургана 19 могильника Канатгас находился завал из гранитных плит со следами прокаленности – они почернели и расстрескались. На них фиксировался слой золы и углей мощностью 7 см. Под завалом выявлена квадратная могильная яма, ориентированная по сторонам света (рис. 29). На ее дне у восточной стенки обнаружены отдельные кости и череп коро-

вы, череп, кости ног, ребра и хвостовые позвонки лошади. В западной половине ямы находилось погребение женщины с двумя детьми (рис. 30). В восточной части подкурганной площадки найден глиняный сосуд. Богатый погребальный инвентарь, обнаруженный в могильной яме (рис. 31–33), позволил датировать курган гуннским временем (IV–V вв. н. э.) [Кадырбаев, 1959а. С. 179–182, 197; 1959б. С. 93].

К «совмещенному типу» относится, вероятно, и курган с «усами» Толагай на реке Жанбай-Карасу. Впрочем, приводимый М. К. Кадырбаевым общий план (рис. 9, 3) не исключает его принадлежности к типу 2а. Под насыпью центрального кургана выявлена ориентированная по линии В–З каменная кладка прямоугольной формы размерами 3,2×2,3 м и толщиной 0,4 м. В юго-западном ее углу обнаружены зубы и отдельные кости лошади. Под кладкой находилась могильная яма длиной 4,2 м, шириной 3,6 м и глубиной 2,0 м, ориентированная аналогично каменной кладке. Погребальная камера была облицована и перекрыта крупными каменными плитами. Яма ограблена в древности и в ее заполнении найдены лишь мелкие кости барана, несколько ребер и позвонков человека. Однако, несмотря на ограбление, каменная кладка над могильной ямой, судя по приводимому рисунку (рис. 34), совершенно не потревожена. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что прямоугольная кладка, находящаяся на

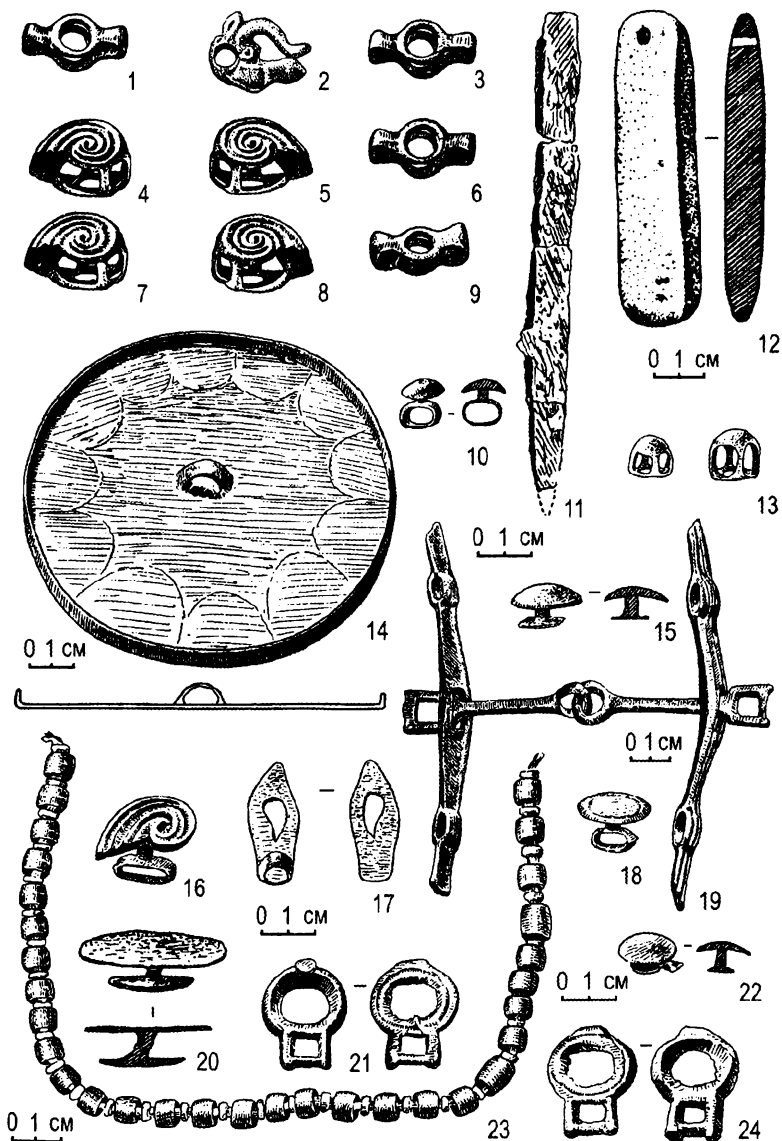

Рис. 28. Могилиник Тасмола I, курган 19. Инвентарь погребения. 1-10, 13-24 - бронза; 11 - железо; 12 - камень (по: [Кадырбаев, 1962. Табл. I; II; 1966. Рис. 5; 6; 1; 7, 1, 2, 5; 8, 1. 5, 7, 8, 10-14, 16, 20])

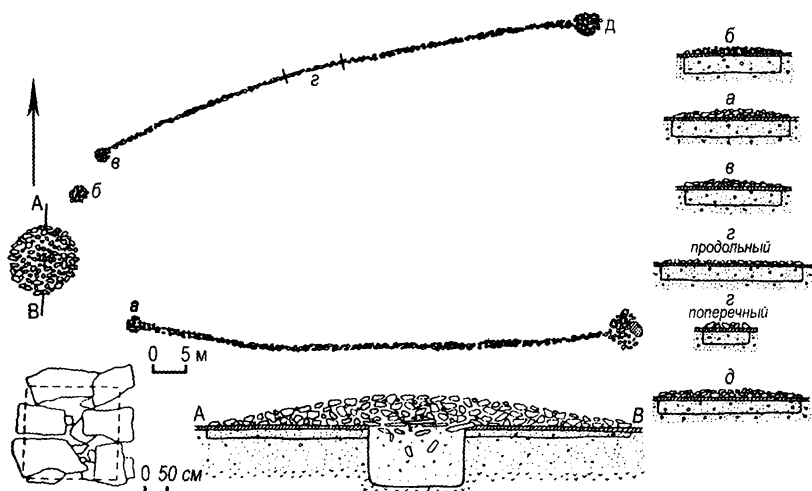

Рис. 29. План и разрез кургана с «усами» № 19 (Канаттас) (по: [Кадырбаев, 1959а. Рис. 13])

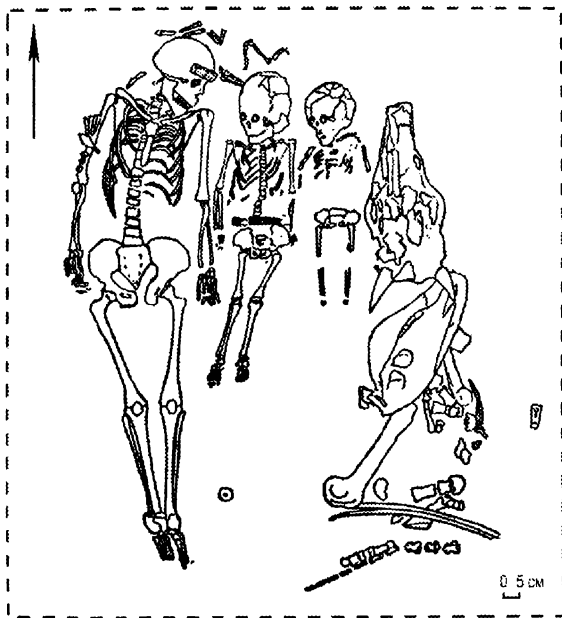

Рис. 30. План погребальной камеры кургана № 19 (Канаттас) (по: [Кадырбаев, 1959а. Рис. 14])

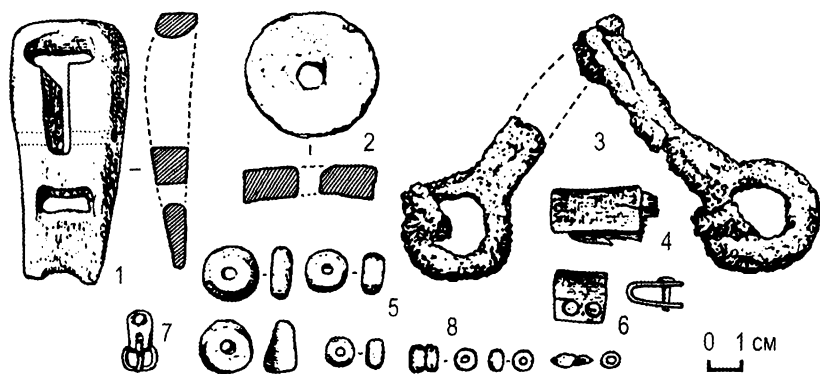

Рис. 31. Инвентарь из кургана № 19 (Канаттас): 1 – костяная пряжка; 2 – керамическое пряслице; 3 – железные щипцы; 4, 6 – серебряные обоймочки и пряжка; 7 – серебряная пряжка; 5, 8 – бусы (по: [Кадырбаев, 1959а. Рис. 15])

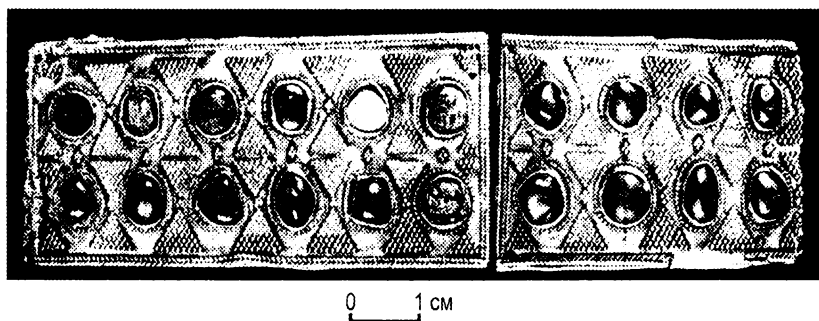

Рис. 32. Золотая диадема из кургана № 19 (Канаттас) (по: [Кадырбаев, 1959а. Рис.

уровне древнего горизонта, сооружена поверх уже давно ограбленной могильной ямы. Примыкающая с востока к центральному кургану плиточная оградка или малый курган не исследовались. Комплекс отнесен М. К. Кадырбаевым к первому хронологическому этапу тасмолинской культуры [Кадырбаев, 1958. С. 96, 97, 104. Табл. I, 3. Рис. 1; 1959в. С. 18].

К этому же типу курганов с «усами» относится и комплекс кургана 1 могильника Кара-Бие. Здесь, как отмечает М. К. Кадырбаев, «малый курган сооружался над центральным, образуя ступенчатую насыпь» (рис. 35). Под малым курганом, в восточной части, найден сосуд.

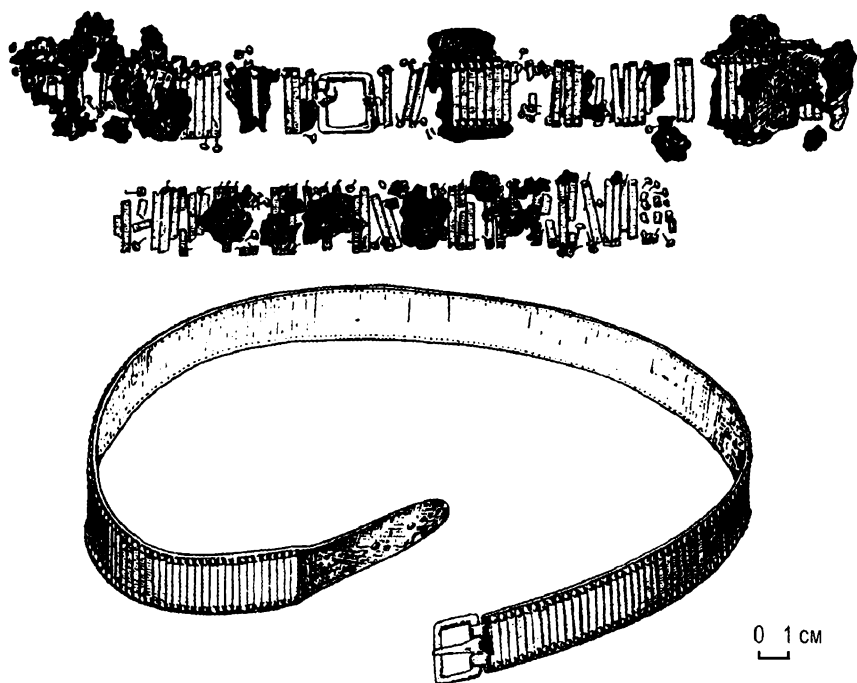

Рис. 33. Фрагменты серебряного пояса из кургана с «усами» № 19 (Канаттас) и его реконструкция (по: [Кадырбаев, 1959а. Рис. 25])

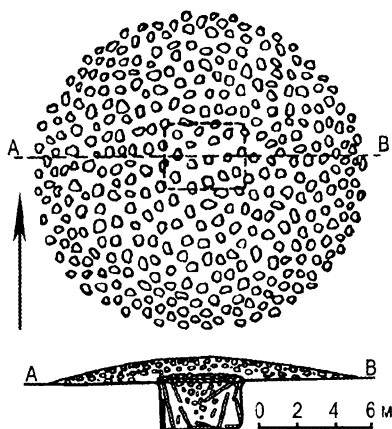

Рис. 34. Толагай. План и разрез центрального кургана (по: Кадырбаев, 1958. Рис. 1])

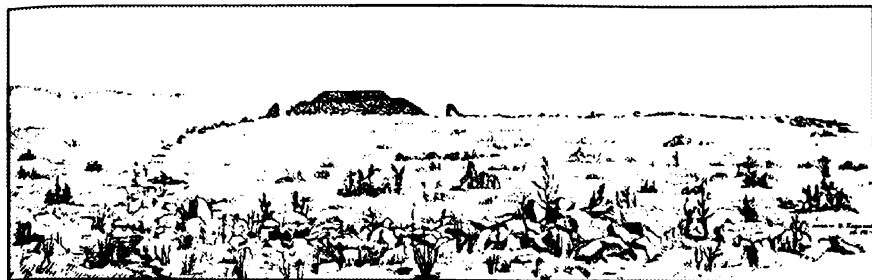

Рис. 35. Внешний вид кургана с «усами» № 1 (Кара-Бие) (по: [Кадырбаев, 1959а. Рис. 6])

Под большим центральным курганом выявлена разграбленная овальная могильная яма, перекрытая каменными плитами и ориентированная по линии север-юг. На дне ее находился в разбросанном состоянии скелет человека. Под костями скелета найдены две золотые поделки, одна в виде небольшой ленты, другая – в виде усеченного конуса, свернутого из тонкого листа, и небольшой обломок железа с деревянной обкладкой (рис. 36). Под концевыми выкладками «усов» выявлены прокаленный грунт, мелкие угольки, отдельные кости ног лошади и мелкие кости барана. Памятник отнесен ко второму этапу тасмолинской культуры [Кадырбаев, 1959а. С. 170–173, 192, 193. Рис. 6; 7; 1959б. С. 95].

В Южном Зауралье останки человека отмечены в кургане Султантимировский I и кургане 14 могильника Каинсай.

Комплекс кургана с «усами» Султантимировский I состоял из одного центрального кургана диаметром 8 м и высотой 0,6 м с каменно-земляной насыпью, от которого в северном направлении отходили две дугообразные каменные гряды длиной 52 и 58 м и шириной до 1 м (рис. 37, 1). На окончаниях гряд небольшие округлые каменно-земляные площадки диаметром до 2 м и высотой до 0,1 м (рис. 37, 3, 4). По мнению автора раскопок Ф. А. Сунгатова, под насыпью кургана выявлена неглубокая могильная яма, которая даже не заглублена в материковый слой. Размеры ее 1,5–1,6×2,2–2,3 м (рис. 37, 2, 5). На наш взгляд, данное углубление является не могильной ямой, а специальной площадкой со снятым дерновым слоем. В пределах ее очертаний были обнаружены разрозненные кости человека (фрагменты черепа и нижней челюсти, трубчатая плечевая кость). Здесь же найдены фрагменты керамического сосуда, 21 железный наконечник стрелы, железные колчанный крюк, двусо-

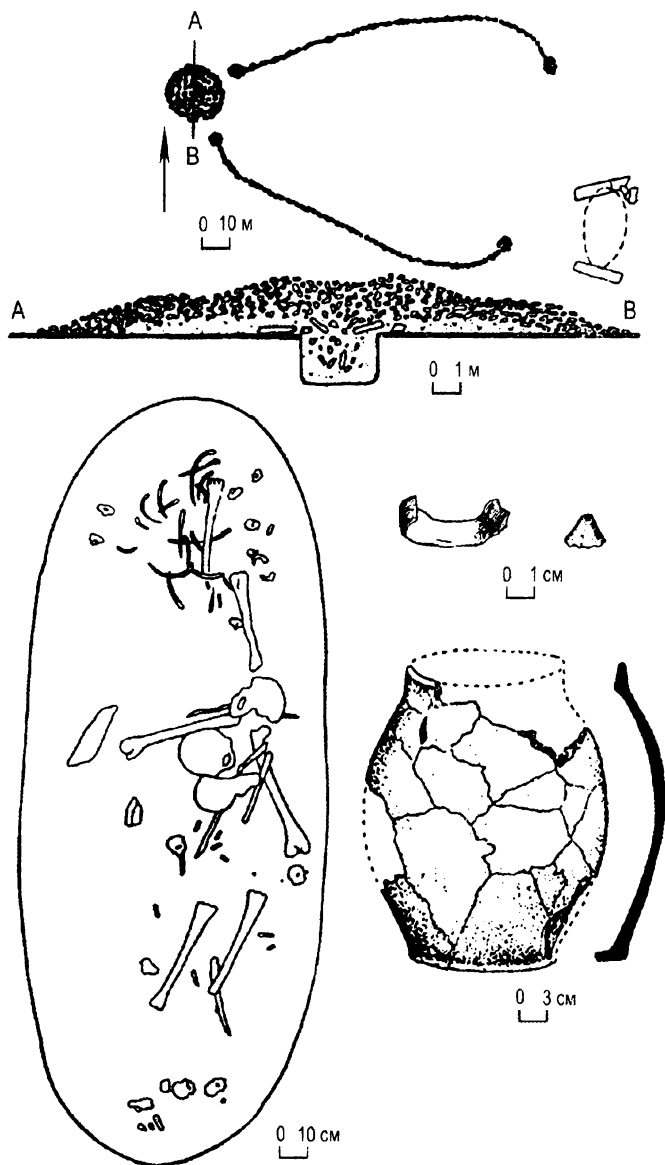

Рис. 36. Курган с «усами» № 1 (Кара-Бие). Золотые изделия и глиняный сосуд (по: [Кадырбаев, 1959а. Рис. 7])

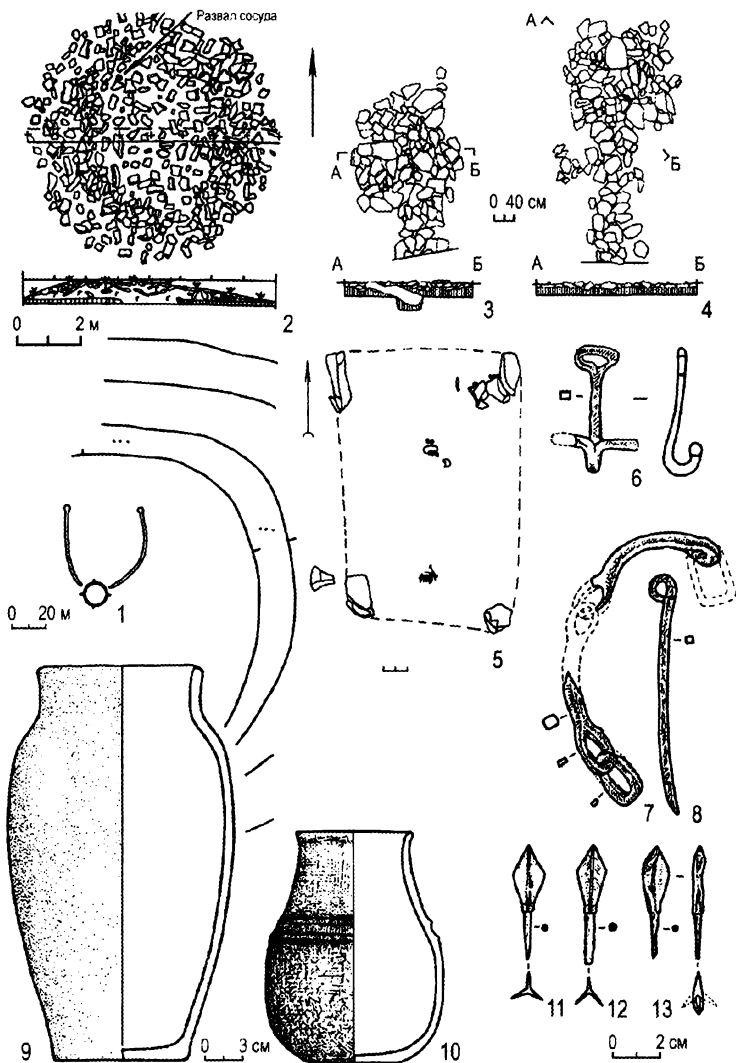

Рис. 37. Султантимировский I курган с «усами». 1 – план местонахождения кургана; 2 – план и разрез центрального сооружения; 3 – план и разрез площадки северного окончания восточной гряды; 4 – план и разрез площадки северного окончания западной гряды; 5 – план погребения; 6–13 – находки из погребения: 6 – колчаный крючок, 7 – удила, 8 – стержень, 9, 10 – сосуды, 11–13 – наконечники стрел (6–8, 11–13 – железо, 9, 10 – глина) (по: [Сунгатов, 2003. Рис. 1–5])

ставные удила и стержень с ушком в верхней части (рис. 37, 6–8, 10–13). В северо-западном секторе кургана найден вазообразный сосуд с плавно профилированным туловом, прямым и слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 37, 9). На основании аналогий инвентаря комплекс датирован V–VII вв. н. э. [Сунгатов, 2003. С. 216–224].

Комплекс кургана с «усами» 14 могильника Каинсай состоял из центрального кургана с земляной насыпью диаметром 18 м и высотой 0,7 м, подпрямоугольной каменной оградки размерами 6×8 м на восточной поле насыпи кургана, двух каменных гряд длиной 106 и 97 м, представляющих собой цепочки подпрямоугольных или округлых оградок и выкладок, подпрямоугольных каменных вымосток на началах и окончаниях «усов» (рис. 38, 1, 2, 3).

Внутри каменной оградки на восточной поле кургана найдены фрагменты двух сосудов — крупной вазы и тонкостенного сосудика кушнаренковской культуры (рис. 38, 4, 5).

В центре кургана, под его земляной насыпью, выявлено ограбленное в древности погребение, совершенное в катакомбе, вход в погребальную камеру которой закрывался крупными каменными плитами (рис. 38, 6). В процессе ограбления части тела погребенного были сложены на дне входной ямы. Судя по сохранившимся в камере костям, умерший укладывался вытянуто на спине головой на ЮЮВ (рис. 38, 7). Из инвентаря сохранился лишь железный колчаный крюк (рис. 38, 8). Форма могильной ямы, особенности погребального обряда и колчаный крюк позволяют датировать это захоронение III–II вв. до н. э.

Анализ стратиграфии и планиграфии центрального кургана приводит нас к выводу об использовании насыпи кургана раннего железного века в качестве площадки для сооружения подпрямоугольной каменной оградки, с которой, очевидно, связаны и каменные гряды — «усы». На основании аналогий обнаруженным сосудам, курган с «усами» датируется в пределах VI–VIII вв. н. э. [Боталов, 1996. С. 370; Боталов, Гуцалов, 2000. С. 206, 207].

Таким образом, если из 10 исследованных в урало-казахстанских степях курганов с «усами» «смешанного типа» исключить комплексы, в которых могильные ямы были полностью ограблены, то оставшиеся погребения культурно и хронологически распределяются следующим образом: тасмолинское VII–VI вв. до н. э. (Тасмола I, курган 19), савроматское (Усуп 1, курган 1), раннесарматское III–II вв. до н. э. (Каинсай, курган 14), среднесарматское (Каргалы 2, курган 1), эпоха переселения народов IV–V вв. н. э. (Канат-

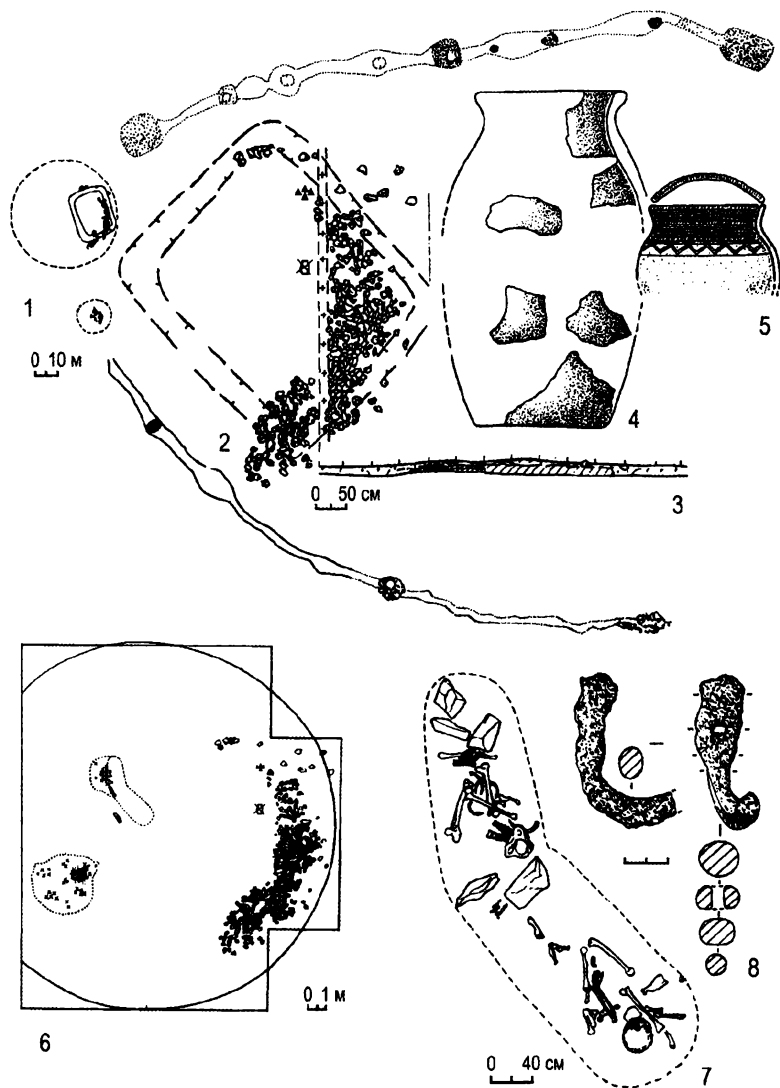

Рис. 38. Могильник Каинсай, курган 14. 1 – общий план кургана с «усами»; 2, 3 – план и профиль центральной оградки комплекса кургана с «усами»; 4, 5 – сосуды из оградки; 6 – общий план кургана раннего железа с фрагментом оградки; 7 – план погребения раннего железного века; 8 – колчанный крюк из погребения раннего железного века (4, 5 – глина, 8 – железо)

тас, курган 19), VI – начало VII вв. н. э. (Султантими́ровский I) и VII–VIII вв. н. э. (Берку́тты). Следует подчеркнуть, что в комплексе Берку́тты в могильной яме находилось безинвентарное погребение, а вещи VII–VIII вв. н. э. были помещены на древнюю дневную поверхность. В Султантими́ровском I кости человека и инвентарь находились в пределах площадки со снятым дерновым слоем. В кургане 4 Егиз-Койтас у колен погребенного стоял сосуд. Данное погребение «довольно нетипично для Тасмо́лы» [Бейсенов, 1996. С. 38, 39], так как для тасмолинской культуры совершенно не характерно помещение сосуда в могильную яму. М. К. Кадырбаев отмечал, что «в Центральном Казахстане выявлена также значительная серия глиняных сосудов, аналогии которых мне не известны. Особенность их состоит в том, что все они найдены в малых, восточных курганах комплекса курганов с каменными грядами. Вне этого комплекса глиняная посуда почти не встречается (выделено нами – С. Боталов и др.)» [Кадырбаев, 1966. С. 392]. Кроме того, параметры сосуда из погребения в Егиз-Койтас, прежде всего его небольшие размеры (высота – 12 см, диаметр тулова – 13 см, диаметр дна – 8 см, средняя толщина стенок – 5 мм), достаточно четко отличают его от остальной керамики из курганов с «усами». Исходя из этого, погребение в Егиз-Койтас вряд ли можно считать тасмолинским.

В двух случаях (курган 1 Кара-Бие, курган 14 Каинсай) стратиграфически и планиграфически зафиксирована разновременность кургана с могильной ямой и возведенного на нем центрального сооружения собственно кургана с «усами». Аналогичная ситуация, очевидно, имела место в кургане Толагай, а также, судя по форме насыпи, в кургане 19 могильника Тасмо́ла I. В кургане 14 могильника Каинсай под насыпью центрального сооружения собственно кургана с «усами», возведенного на восточной поле кургана III–II вв. до н. э., вместе с сосудом, типичным для курганов с «усами» урало-казахстанских степей, найден сосуд кушнареновского типа VI–VIII вв. н. э.

Из всего этого следует, что лишь в двух из 29 курганов типа 1 (по А. З. Бейсенову) и «смешанного типа» с двумя разновидностями (типы III и IV по М. К. Кадырбаеву) найдены материалы тасмолинской культуры VII–V вв. до н. э. Это курган 1 могильника Джанайдар и курган 19 могильника Тасмо́ла I. Отнесение же большинства остальных комплексов к тасмолинской культуре основывалось на конструкции самих курганов (курган с «усами») и находках под их насыпью керамики. Однако, как уже отмечалось, в кургане Джанайдар бронзовые предметы конской

узды находились в насыпи кургана и связь их с сосудами, стоящими на древнем горизонте в центральной части подкурганной площадки, довольно сомнительна. Овальная же, вытянутая по линии СЗ–ЮВ, форма кургана 19 могильника Тасмола I (рис. 26, 1) может свидетельствовать о том, что комплекс с каменными грядами устроен поверх насыпи уже существовавшего кургана, как это зафиксировано в кургане 1 могильника Кара-Бие (рис. 35; 36), на что и обратил внимание С. С. Сорокин. Правда, время возведения комплекса с «усами» он связывал с поминальными торжествами по усопшей, захороненной в центре кургана [Сорокин, 1981. С. 24, 25].

По данным А. З. Бейсенова, в Казахстане к типу 3 (типу II) курганов с «усами» относится 10 исследованных комплексов (5 – с погребением человека и 5 – без погребения), но доступными для нас оказалось лишь восемь. Кроме того, четыре кургана изучены в Южном Зауралье.

Тип 3а – комплекс состоит из разнотипных сооружений – в Казахстане представлен курганом 48 могильника Ботакара. Здесь под насыпью большого (южного) кургана, в западной половине, на уровне древней поверхности, лежал целый костяк лошади, в полутора метрах северо-восточнее которого находился раздавленный глиняной сосуд. Под насыпью малого (северного) кургана, также на уровне древнего горизонта, тоже лежал целый костяк лошади, а в 0,9 м к востоку от него найден раздавленный глиняной сосуд, аналогичный первому. Комплекс включен в круг памятников первого хронологического этапа тасмолинской культуры [Кадырбаев, 1966. С. 345, 346].

В Южном Зауралье к этому типу относится курган с «усами» могильника Сарбулат I, исследованный В. П. Костюковым на правом берегу р. Карагайлы-Аят. Комплекс составляли две каменные насыпи (северная и южная), от которых на восток отходили две каменные гряды (рис. 39, I). Диаметр северной насыпи 8,0 м при высоте до 0,3 м, южной – 11,0 м при высоте до 0,4 м. Расстояние между полами насыпей около 2,0 м (рис. 39, II). В 15,0 м к ССВ от центра северной насыпи начинался северный «ус», идущий на СВВ по дуге на расстоянии 164 м. Ширина гряды колебалась от 1,0 до 2,0 м, западное и восточное ее окончания оформлены в виде округлых площадок диаметром около 4 м и высотой до 0,2 м. Южный «ус», идущий от насыпей на ЮВВ, имел форму дуги длиной 138 м. Начинался он в 5 м к югу от края южной насыпи. Ширина его колебалась от 1,0 м до 2,0 м, окончания выполнены в виде округлых площадок диаметром 4 м и высотой до 0,2 м. Расстояние между центрами площадок на западных окончаниях северного и южного «уса» – 41,5 м.

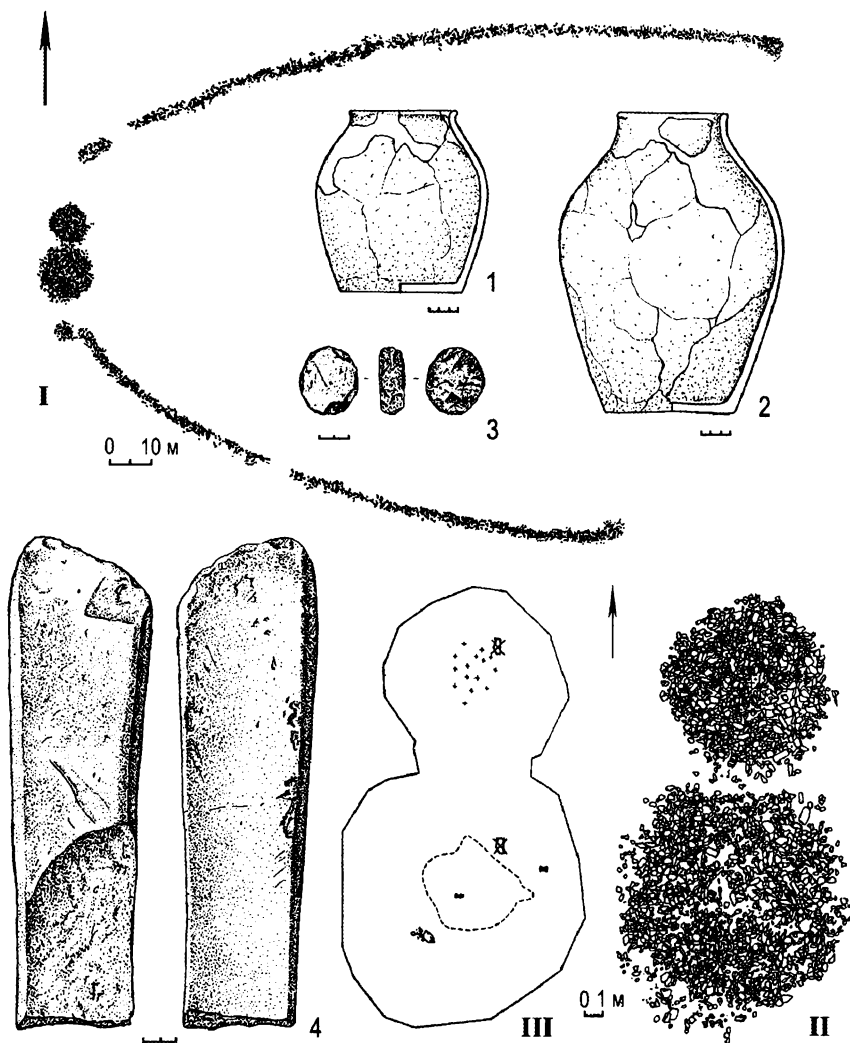

Рис. 39. Комплекс кургана с «усами» Сарбулат I. I – общий план комплекса; II – план северного и южного курганов; III – план подкурганых площадок на уровне материка; 1–4 – инвентарь: 1, 3 – северный курган; 2, 4 – южный курган (1, 2 – глина; 3, 4 – камень)

После полной расчистки северной насыпи обнаружилось, что в плане она представляет собой почти правильный квадрат с длиной сторон около 8,5 м, ориентированный углами по сторонам света. Под центром конструкции на поверхности погребенной почвы и в верхнем ее горизонте на площадке диаметром 2,5–3,0 м встречались отдельные угли и сажистые включения, нигде не образующие значительных скоплений (рис. 39, III). В 2,5 м к ССВ от центра насыпи обнаружен лепной сосуд, вкопанный в материк на глубину около 10 см. Устье его находилось, по-видимому, на уровне древней дневной поверхности. Сосуд плоскодонный, горшечной формы (рис. 39, 1). Тулово слабо раздутое, асимметричное, плечо покатое, шейка короткая, отогнутая наружу. Форма венчика на сохранившейся части изменяется от скругленно-подтреугольной до уплощенной, с отчетливым внешним наплывом. Высота сосуда, очевидно, не превышала 24 см, диаметр тулова равен 21 см.

После полной расчистки южной насыпи выявились очертания, позволяющие предположить, что сооружение создавалось, скорее всего, как более или менее правильный пятиугольник. Длина его северной стороны 8,5 м, северо-восточной — 7 м, юго-восточной — 8,5 м, юго-западной — 8 м, северо-западной — 8 м.

На поверхности и в верхнем горизонте погребенной почвы найдены небольшие скопления углей, отдельные угли и сажистые включения, более выразительные и многочисленные, чем под северной насыпью. Следы горения фиксировались на участке, простиравшемся с юга на север и с запада на восток на 4–5 м и несколько сдвинутом от центра кургана на северо-восток, что, вероятно, обусловлено грабительским вкопом в центр насыпи (рис. 39, III). Под насыпью найдены зернотерка (точильный камень — ?), сосуд и бабка лошади.

Зернотерка обнаружена в центре насыпи на уровне материка. Это крупный брусок (29,5×6,3–7,5×6,5 см) серого с коричневым тоном среднезернистого песчаника, одна из широких граней которого несет следы длительной полировки (рис. 39, 4).

Сосуд был вкопан в материк в 3,2 м к СВ от центра кургана, у границы остатков кострища (рис. 39, III). По-видимому, его устье находилось на уровне или несколько ниже древней дневной поверхности. Сосуд сравнительно крупный, плоскодонный, верхняя его часть, разрушенная в древности, не сохранилась. Форма горшечная, тулово асимметричное. Пропорции вытянутые, плечо длинное, покатое (рис. 39, 2). Высота — в пределах 33,5–34 см, диаметр тулова — 23 см, диаметр днища — 15,5 см. Горловина узкая, ее диаметр, по всей вероятности, не превышал 10 см.

На дне сосуда прослеживаются отверстия диаметром до 2 мм, сделанные изнутри еще по сырой глине. По меньшей мере 6 отверстий было сделано в центре днища по кругу диаметром около 8 см и какое-то количество — по периферии. Однако потом часть центральных и почти все периферийные отверстия были затерты, сквозными остались лишь три центральных и одно периферийное.

Тип 36 курганов с «усами» — несколько вытянутых по линии север–юг сооружений представлены однотипными объектами — включает десять доступных для анализа исследованных комплексов. Шесть из них содержали погребение человека: три в Центральном Казахстане и по одному в Восточном и Южном Казахстане и Южном Зауралье. В Южном Казахстане это курган Коктал (рис. 40), а в Восточном — курган 1 могильника Зевакино. Оба памятника датируются гуннским временем (IV–V вв. н.э.) [Кадырбаев, 1959б. С. 93; Арсланова, 1975. С. 128].

Курган 2 (южный) комплекса Коктал никаких находок и следов погребения не дал. Курган 1 (северный), как отмечает М. К. Кадырбаев, «заключавший в себе захоронение, имел в насыпи следы широкого грабительского раскопа. Могильная яма оказалась разрушенной, в результате чего остались невыясненными размеры, форма погребальной камеры и ряд вопросов, связанных с характером погребального обряда».

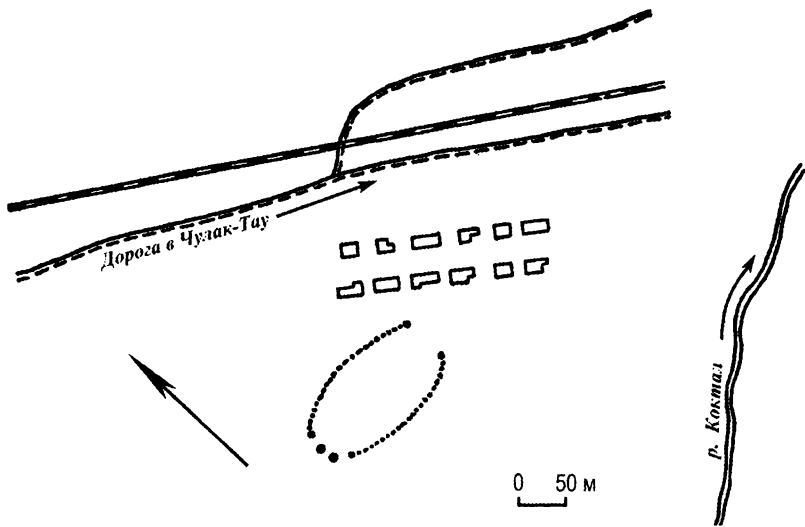

Рис. 40. План кургана с каменными грядами близ рудника Коктал (по: [Кадырбаев, 1959б. Рис. 1])

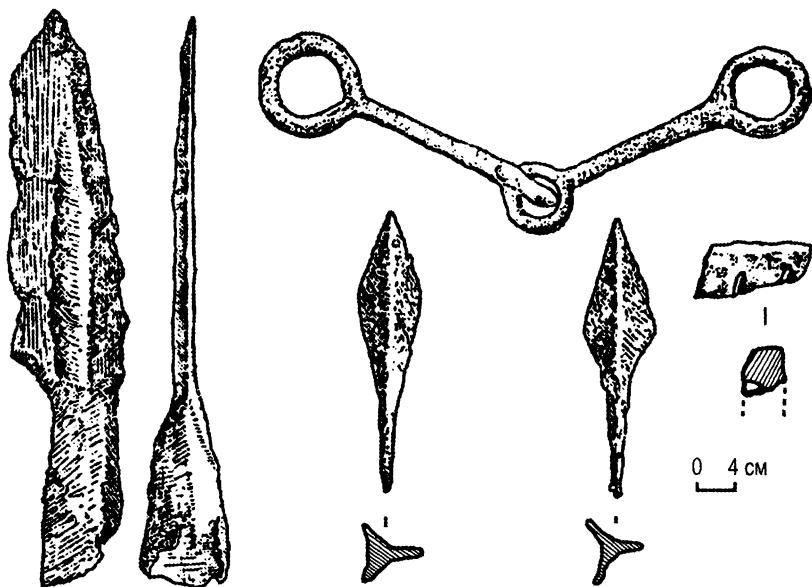

Рис. 41. Курган с «усами» Коктал. Железные предметы и фрагмент венчика от глиняного сосуда из кургана № 1 (по: [Кадырбаев, 1959б. Рис. 3])

Тем не менее, здесь были найдены железные кольчатые удила, наконечники стрел, наконечник копья, фрагмент золотой пластины с инкрустацией из полудрагоценных камней (рис. 41). Под насыпью восточной части кургана обнаружены фрагменты глиняного сосуда [Кадырбаев, 1959б. С. 90–93. Рис. 2; 3; 5]. Приводимый М. К. Кадырбаевым разрез кургана 1 (рис. 42) позволяет нам усомниться в существовании могильной ямы вообще. Вполне очевидно, что здесь имела место каменная оградка, типичная для ряда курганов с «усами», в центр которой на дневную поверхность помещался комплекс предметов, связанных с конем и вооружением. Тем более, что под этим курганом не найдено ни одной кости человека. Таким образом, курган Коктал следует исключить из числа комплексов курганов с «усами» с погребением человека.

В восточной половине насыпи южного кургана комплекса кургана 1 Зевакино найдены зуб и ребро лошади, обломки глиняного сосуда, кусочки древесного угля. Под насыпью северного кургана в восточной половине найдены обломки трубчатых костей овцы, фрагменты дна глиняного сосуда (рис. 6, 3). Здесь же зафиксирована подпрямоуголь-

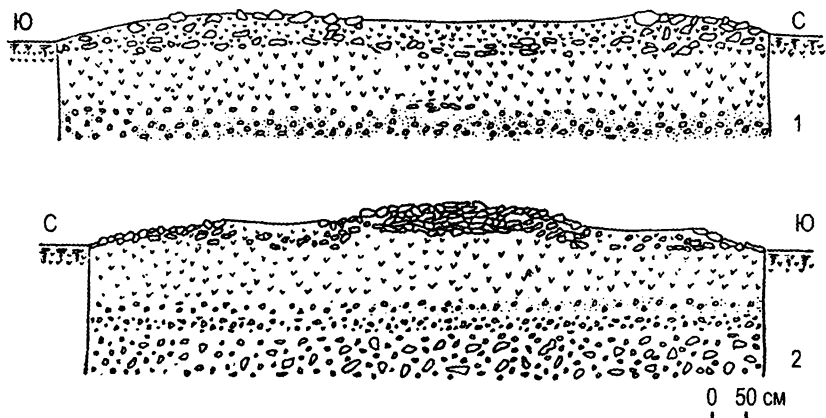
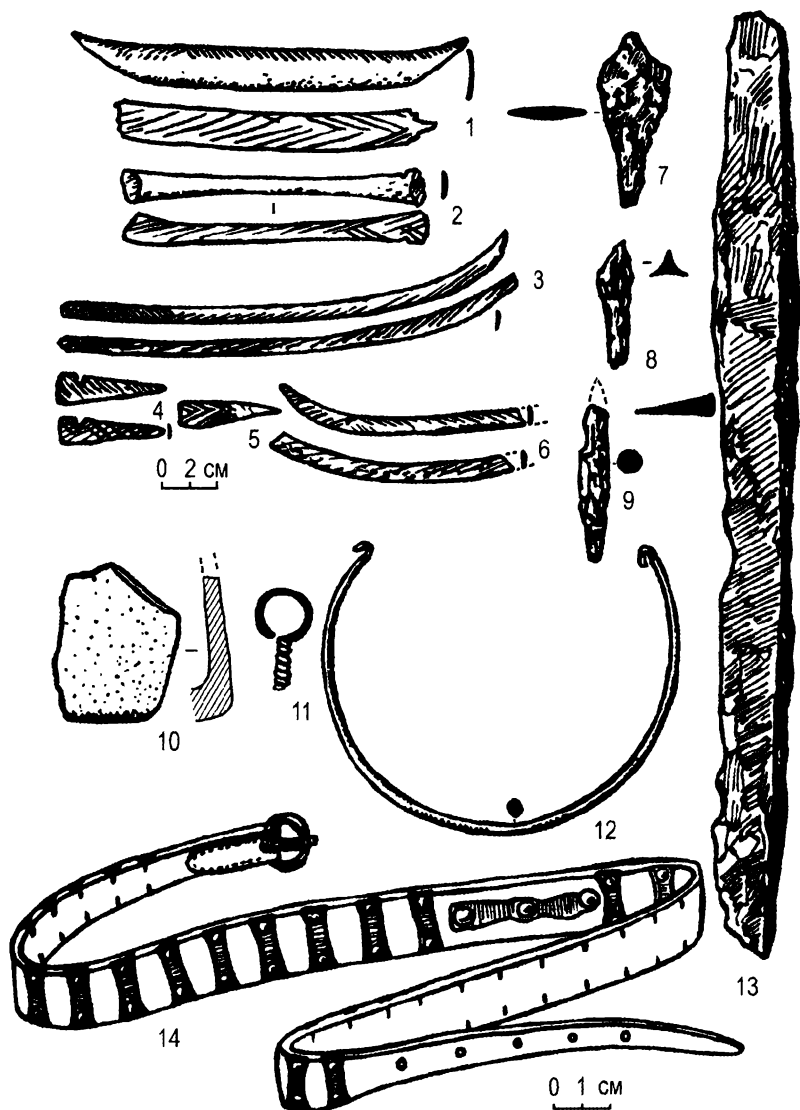

Рис. 42. Курган с «усами» Коктал. 1 – разрез кургана № 1; 2 – разрез кургана № 2 (по: [Кадырбаев, 1959б. Рис. 2])

ная могильная яма, ориентированная почти по линии север–юг. На дне ямы расчищено парное погребение (взрослый и ребенок). Умершие были уложены вытянуто на спине, головой на север. Сопроводительный инвентарь представлен бронзовыми серьгой и гривной, остатками кожаного пояса с железной округлой пряжкой с подвижным язычком, украшенного бронзовыми подпрямоугольными пластинчатыми бляхами и фигурной пластиной, обломками железного однолезвийного меча, железным ножом, железными наконечниками стрел, помещенными в кожаный колчан, остатками лука с десятью костяными накладками (рис. 43). По комплексу инвентаря курган датирован IV–V вв. н. э. [Арсланова, 1975. С. 117, 118, 128].

В Центральном Казахстане комплексы типа Зб с погребением человека включают курган у озера Большое Чебачье, датированный первым хронологическим этапом тасмолинской культуры (VII–VI вв. до н. э.), курган 4 могильника Карамурун I, отнесенный ко второму хронологическому этапу тасмолинской культуры [Бейсенов, 1996. С. 39], и курган с «усами» могильника Ижевский-2, который «следует считать памятником периода VII–IV вв. до н. э.» [Бейсенов, Волошин, 2002. С. 170].

Курган на берегу озера Большое Чебачье исследован в 1930 году Б. Н. Ждановым, краткая информация о нем опубликована М. П. Грязновым, а также приведена в кандидатской диссертации М. К. Кадырбаева. Комплекс состоял из двух невысоких курганов, расположенных «рядом вплотную так, что насыпи сливаются» по линии север–юг (рис.

**Рис. 43. Вещи из кургана 1 с «кусами» Зевакинского могильника: 1-6 – наклад-
ки лука; 7-9 – наконечники стрел; 10 – обломок сосуда; 11 – серьга; 12 – гривна;
13 – меч; 14 – пояс. (1-6 – кость; 7, 9, 13 – железо; 10 – глина; 11, 12, 14 – бронза)**
(по: [Арсланова, 1975. Табл. I])

10, 2). В северном кургане под северо-восточной частью насыпи «на поверхности почвы обнаружены лишь нижняя часть плоскодонного глиняного сосуда, черепок другого сосуда и лошадиные зубы и бабки».

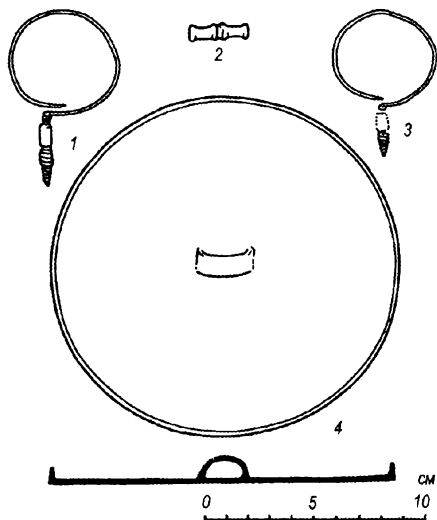

Рис. 44. Вещи из кургана на берегу озера Б. Чебачье. 1, 3 – золотые серьги с изумрудной бусиной; 2 – аргиллитовая застежка; 4 – бронзовое зеркало (по: [Грязнов, 1956. Рис. 2])

В южном кургане под насыпью вскрыта частично ограбленная грунтовая могильная яма овальной формы, перекрытая каменными плитами. На дне ямы расширены остатки погребения женщины, уложенной вытянуто на спине. Инвентарь, представленный бронзовым зеркалом с бортиком по краю и широкой петлей в центре, двумя сережками из золотой проволоки с изумрудной бусиной, аргиллитовой застежкой и каменными бусами (рис. 44), позволяет уверенно датировать погребение VII–VI вв. до н. э. [Грязнов, 1956. С. 9, 10. Рис. 2; Кадырбаев, 1959в. С. 15, 16].

Под северной насыпью («курган А») кургана 4 могильника Карамурун I (рис. 45) в центре площадки выявлена грунтовая могильная яма, перекрытая каменными плитами и ориентированная по линии СЗ–ЮВ. Яма ограблена, однако в ее заполнении и на дне встречены кости человека, среди которых найдена костяная игла с навершием в виде стилизованной головы хищной птицы. В восточной части подкурганной площадки находились обломки глиняного сосуда. Под насыпью южного кургана («курган Б»), ближе к восточной стороне, лежали обломки глиняного сосуда, а по площади кургана прослежены зольные полосы шириной 3–4 см, мощностью 3–5 см [Кадырбаев, 1966. С. 356, 357. Рис. 48; 49].

Приводимые планы могильника Карамурун I (рис. 45; 46) заставляет нас усомниться в том, что оба кургана составляют единый комплекс. Судя по планам, каменные гряды связаны только с южным курганом («курганом Б»). В таком случае мы имеем здесь дело с комплексом кургана с «усами» типа 1. Отметим также, что на конце северного «уса» исследо-

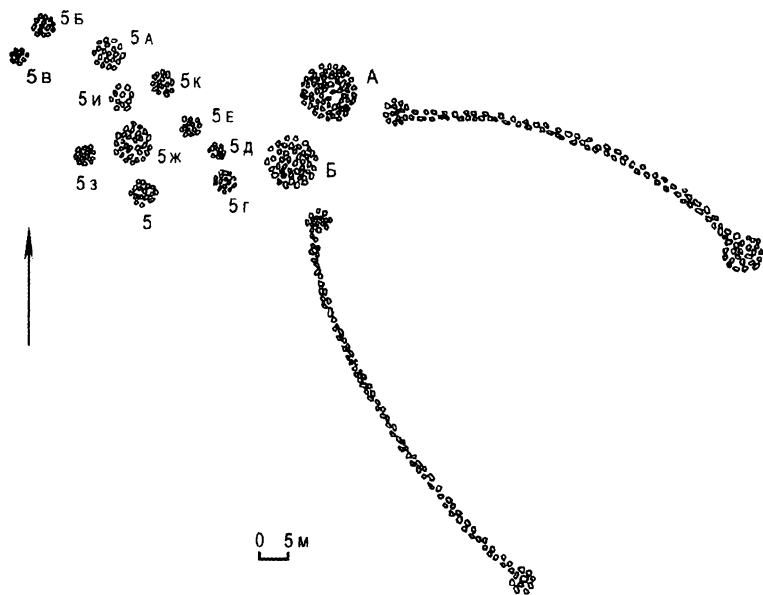

Рис. 45. План группы 5 могильника Карамурун I (по: [Кадырбаев, 1966. Рис. 48])

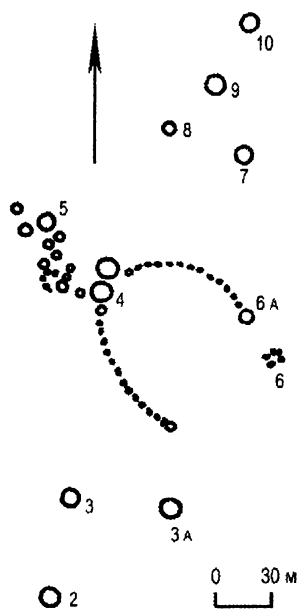

Рис. 46. План могильника Карамурун I (по: [Кадырбаев, 1966. Рис. 49])

ван курган ба, который имел овальную форму, вытянутую по линии север–юг. По основанию насыпи проходило кольцо из крупного камня. На дне овальной могильной ямы, ориентированной по линии СЗС–ЮВЮ, расчищено безинвентарное погребение (вытянуто на спине, головой на северо-запад) [Кадырбаев, 1966. С. 359].

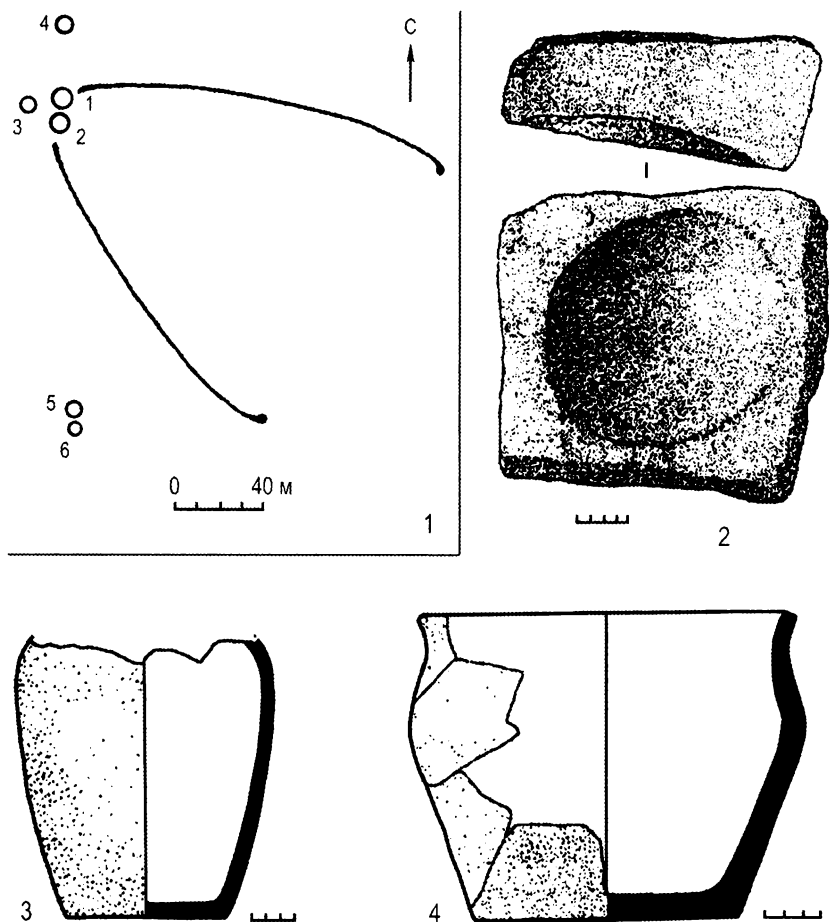

Рис. 47. Могильник Ижевский-2. 1 – план могильника Ижевский-2; 2, 3 – каменный жертвенник и глиняный сосуд из кургана 1; 4 – глиняный сосуд из кургана 2 (по: [Бейсенов, Волошин, 2002. Рис. 1])

Курган с «усами» могильника Ижевский-2 (Акмолинская область) включал в себя два каменных кургана, расположенных по линии север-юг, и отходящие от них каменные гряды (рис. 47, 1). При снятии камней верхнего слоя в центральной части северного кургана (курган 1) найдена подквадратная каменная плитка с округлым чашеобразным углублением в центре (жертвенник – ?) (рис. 47, 2). Под насыпью выявлена под-

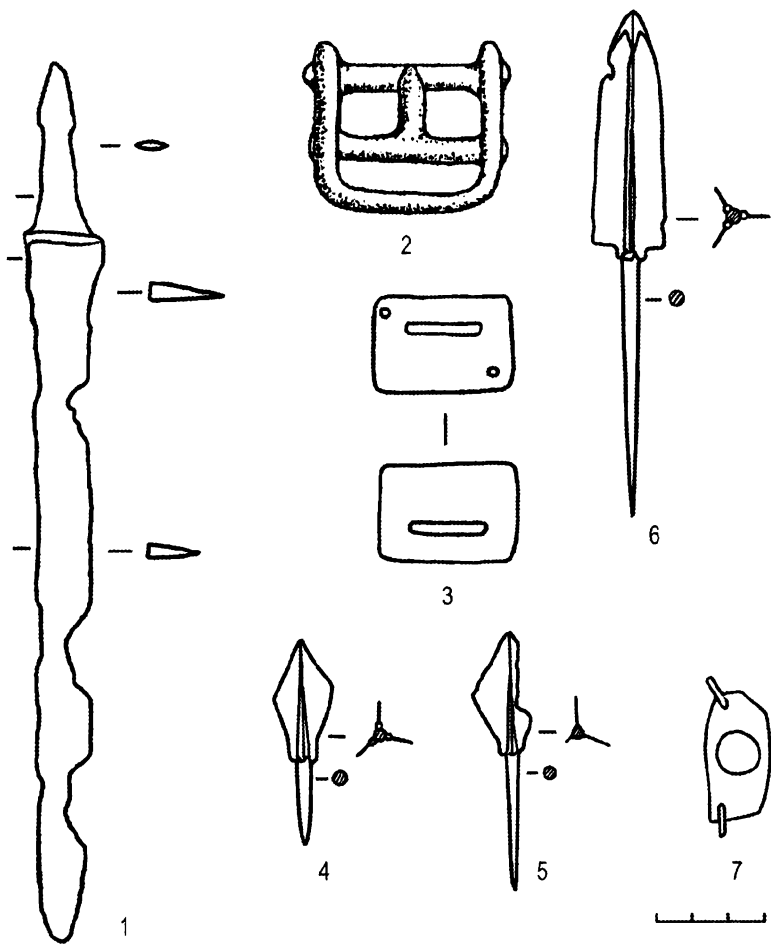

Рис. 48. Могильник Ижевский-2. Инвентарь курганов: «1, 2, 3, 5, 6, 7 – вещи из кургана 3; 4 – наконечник стрелы из кургана 2 (по: [Бейсенов, Волошин, 2002. Рис. 2])

прямоугольная яма глубиной 0,15 м, не содержащая никаких находок, по-видимому, аналогичная площадке со снятым дерновым слоем. Выше верхнего уровня ямы, но в пределах ее очертаний, найдены кости ног лошади. За пределами пятна, в 1 м к северу от нее, обнаружены зубы верхней и нижней челюсти лошади, а в 0,5 м к югу от ямы – «две тонкие длинные кости человека». На северо-восточной периферии подкурганной площадки обнаружен вкопанный в материк плоскостонный сосуд (рис. 47, 3). В насыпи южного кургана (курган 2) найдены мелкие кости животного и железный черешковый наконечник стрелы (рис. 48, 4). Типологически наконечник из южного кургана близок к одному из наконечников воинского захоронения кургана 3, расположенного в 10 м к западу от комплекса кургана с «усами» (рис. 48, 5). По мнению авторов публикации, наконечник помещен в насыпь уже существующего южного кургана преднамеренно в ходе совершения погребения в кургане 3. Погребение в кургане 3 датируется по комплексу инвентаря (рис. 48, 1–3, 5–7) второй половиной VII – первой половиной VIII вв. Сам же комплекс кургана с «усами» авторы публикации, на основании находки «жертвенника» и сосудов, относят к тасмолинской культуре VII–IV вв. до н. э. [Бейсенов, Волошин, 2002. С. 165, 170, 173]. Впрочем, в работе 1996 года А. З. Бейсенов при описании исследованных комплексов с «усами» типа 3 этот курган не включает в круг памятников тасмолинской культуры [Бейсенов, 1996. С. 39]. На наш взгляд, найденную в северном кургане плитку вряд ли можно считать законченным жертвенником. Ее форма и размеры никак не вписываются в традиционные параметры тасмолинских жертвенников без ножек. Очевидно, что курган 3 и примыкающий к нему курган с «усами» составляют единый культурный и хронологический комплекс VII–VIII вв.

В Южном Зауралье к этому же типу памятников (3б с погребением человека) относится комплекс кургана с «усами» Крутая Гора. Он состоял из трех каменных насыпей, вытянутых в цепочку по направлению ЮЮВ–ССЗ, и двух «усов» (рис. 49, 1). В начале и на окончании северного «уса», представляющего собой разреженную дугообразную выкладку из рваного камня длиной 100 м, находились круглые каменные вымостки до 2 м в диаметре. Южный «ус» длиной 105 м сооружался как из камня, так и из дерна. На его окончании зафиксирована каменная вымостка диаметром 3,5 м, а на начале – каменно-земляная площадка диаметром 5 м и высотой 0,1 м. Северный курган, насыпь которого сильно повреждена в результате добычи камня, не раскапывался (рис. 49, 2). Центральный курган диаметром 8 м и высотой 0,7 м сооружен на разрушен-

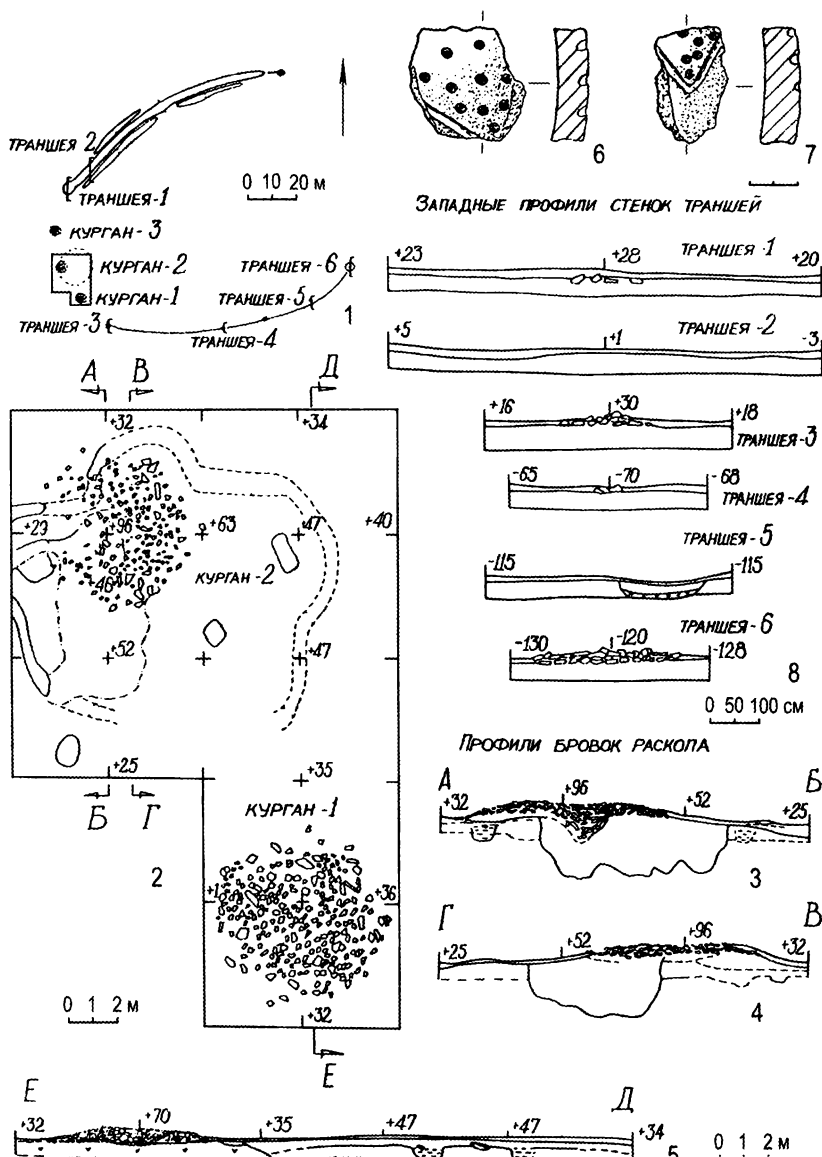

Рис. 49. Курган с «усами» Крутая Гора: 1 – общий план кургана; 2 – план раскопа; 3–5 – профили бровок раскопа; 6, 7 – керамика; 8 – профили стенок траншей (по: [Гаврилюк и др., 2004. Рис. 1])

ном кургане эпохи бронзы. В центре кургана под его каменной насыпью, но на поверхности кургана эпохи бронзы, найдены кости ног лошади. Здесь же обнаружены три фрагмента керамики (рис. 49, 6, 7) и пластинка золотой фольги. Под центром насыпи южного кургана (диаметр 7 м, высота 0,4 м) зафиксирован прокол (?), но без следов огня в виде угольков или золы. Среди камней площадки на начале южного «уса» найдены фрагменты керамики, которые по составу глиняного теста и орнаменту аналогичны фрагментам из центрального кургана [Гаврилюк, Любчанский, Иванова, 2004. С. 41–43].

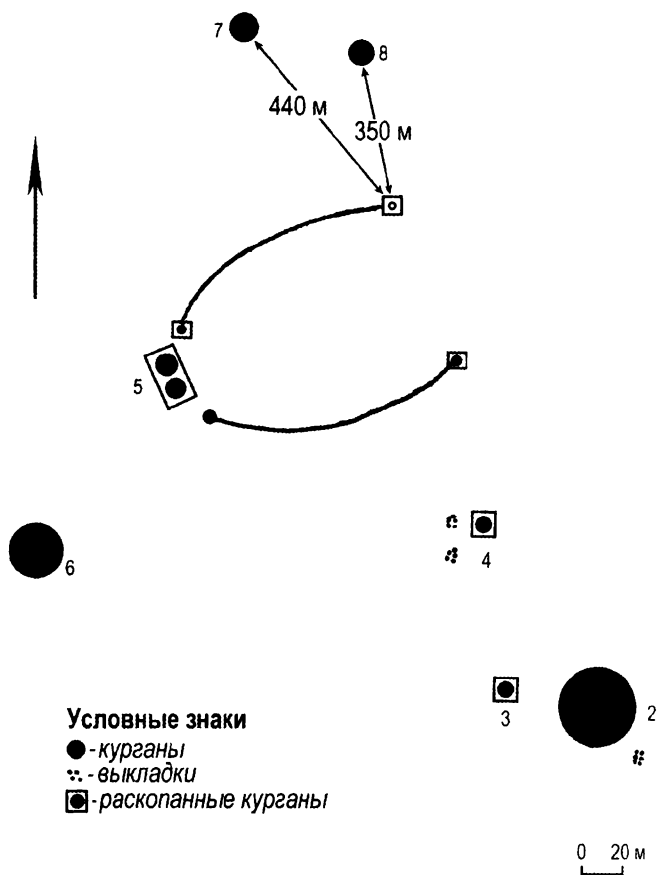

Рис. 50. План могильника Егиз-Койтас (по: [Кадырбаев, 1959а. Рис. 17])

В Центральном Казахстане к типу 3б (типу II) курганов с «усами», но без погребения человека, относится комплекс кургана 5 могильника Егиз-Койтас (рис. 50), датированный вторым этапом тасмолинской культуры. Оба кургана, как северный, так и южный, не имели могильных ям. Под насыпью обоих курганов найдены глиняные сосуды. Под южным, в центре, обнаружены фрагменты двух сосудов, под северным, в восточной части, – один сосуд [Кадырбаев, 1959а. С. 186–188, 192].

В этот же тип следует включить и комплекс кургана 1 могильника Батыр-Булак. Он состоял из трех каменных курганов, расположенных по линии СВ–ЮЗ; от крайних отходили «усы». Под насыпью центрального кургана, в юго-восточном секторе, обнаружены пятна сажи с угольками, истлевшая кость и сосуд, вкопанный в материк (рис. 51). Комплекс датирован тасмолинским временем [Усманова, 1987. С. 100. Рис. 1].

В Южном Зауралье к типу 3б (типу II) курганов с «усами» относятся комплексы Солончанка I и Нижне-Давлетовский, в которых погребений человека не обнаружено.

Комплекс кургана с «усами» Солончанка I состоял из трех каменно-земляных курганов, вытянутых цепочкой с севера на юг (рис. 52, 1). Диаметр их от 6,5–7 м до 9 м, высота 0,3–0,5 м. Центральный курган был окружен каменной кольцевой оградой диаметром 12 м. От крайних курганов на восток отходили два земляных вала («уса») длиной 190 и 157 м, шириной 8–10 м и высотой 0,1–0,3 м. На окончании валов–«усов» располагались округлые земляные площадки диаметром от 8 до 12 м.

Под насыпью каждого кургана на древней дневной поверхности находился костяк лошади, лежащей на боку в южной половине подкурганной площадки (рис. 52, 2–7). Центральный курган ограблен, поэтому под его насыпью помимо костяка лошади в северо-восточном секторе найден лишь большой плоскодонный кувшин (рис. 52, 34) в неглубокой ямке. В центре подкурганной площадки южного кургана на древней дневной поверхности, в пределах углисто-золистого пятна, выявлен многочисленный инвентарь: железные наконечники стрел, фрагменты колчана и сложносоставного лука, уздечный набор, золотые обкладки луки седла, предметы ременной гарнитуры и прочее. Среди камней насыпи обнаружен сильно деформированный бронзовый сосуд (рис. 52, 8–34). В северо-восточном секторе подкурганной площадки найдены остатки плоскодонного сосуда также в неглубокой ямке. В северном кургане среди камней насыпи находились железные наконечники стрел, фрагменты колчана и уздечный набор. В северо-восточном секторе подкурганной площадки найден развал плоскодонного сосуда в неглубокой

ямке. По набору инвентаря комплекс курган с «усами» Солончанка I был датирован V — первой четвертью VI в. н. э. [Любчанский, Таиров, 1999. С. 5–62].

Нижне-Давлетовский курган с «усами» исследован Н. А. Мажитовым в 1971 году. Представлял собой комплекс, состоящий из трех курганов, расположенных почти по линии север-юг, и отходящих от них на восток каменных гряд или «усов». Диаметр южного кургана 7 м, северного —

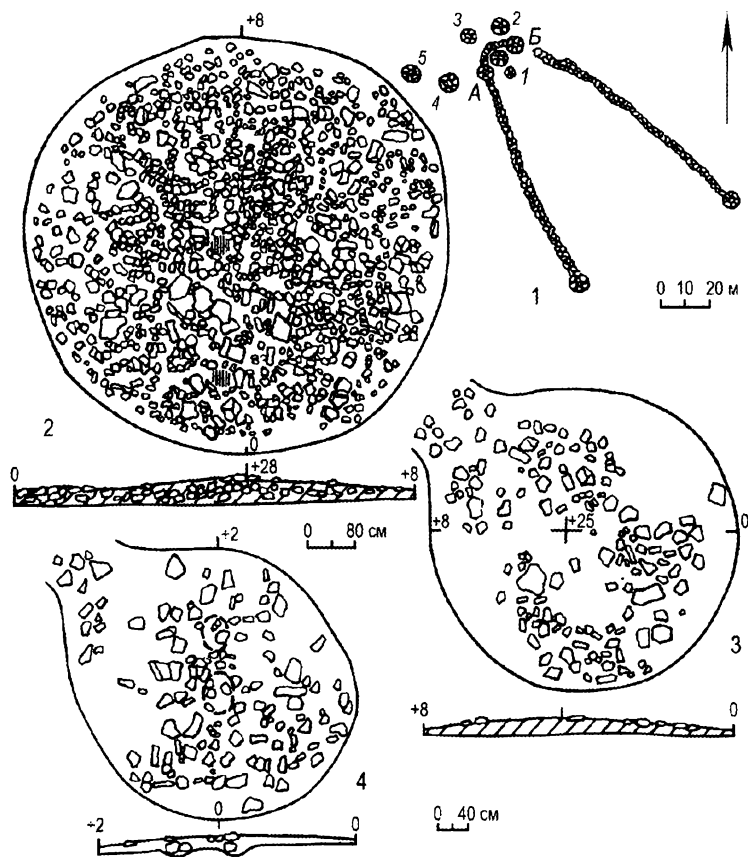

Рис. 51. Могильник Батыр-Булак: 1 — общий план могильника (А, Б — боковые курганы жертвенно погребального сооружения) 2 — план и разрез центрального кургана; 3 — окончание вымостки правого «уса»; 4 — окончание вымостки левого «уса» (по: [Усманова, 1987. Рис. 1])

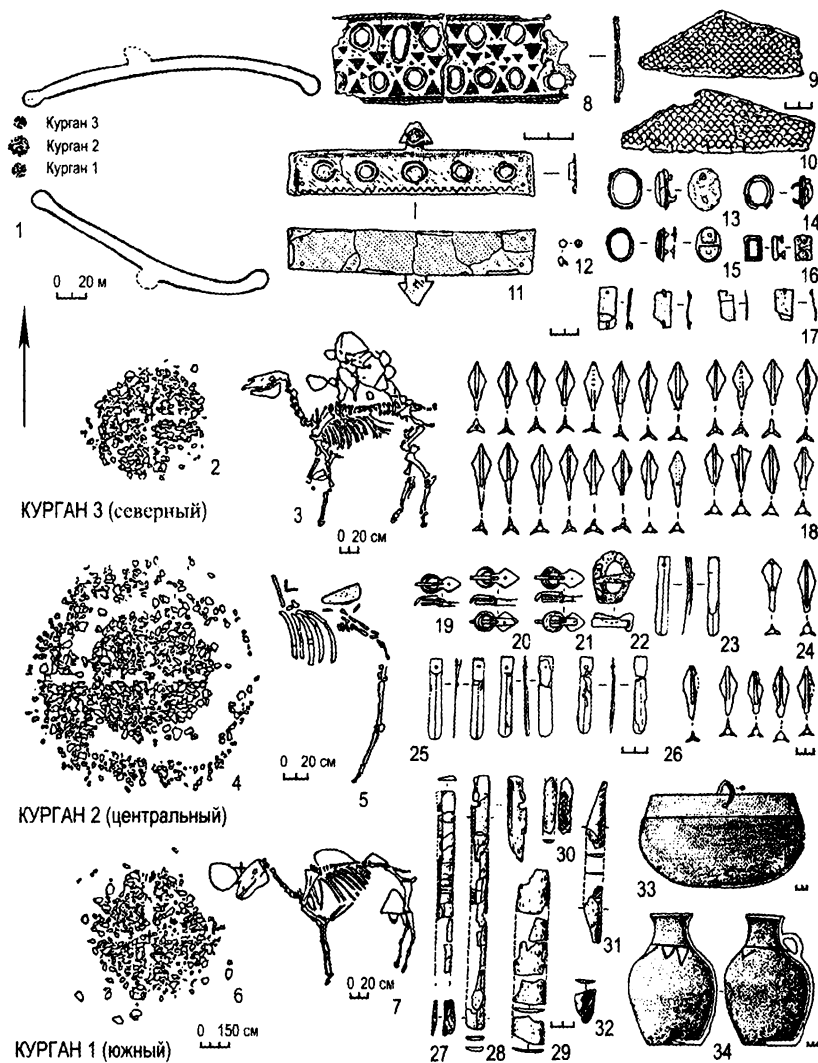

Рис. 52. Комплекс кургана с «усами» Солончанка I. I — общий план комплекса; 2, 3 — план кургана 3 (северного) и захоронения лошади в нем; 4, 5 — план кургана 2 (центрального) и захоронения лошади в нем; 6, 7 — план кургана 1 (южного) и захоронения лошади в нем. 8–34 — инвентарь: 8, 11, 13, 15 — бронза, золото, камень; 9, 10 — золото; 12, 19–21 — серебро; 14, 16 — бронза, камень; 17 — золото, серебро; 18, 22, 24, 26 — железо; 23, 25 — бронза, серебро; 27–32 — кость; 33 — бронза; 34 — глина

6 м. К южной поле северного кургана примыкал курган диаметром около 4 м (рис. 20, I, 1). Насыпи курганов сложены из земли и камня. На началах и концах каменных гряд находились овальные площадки диаметром 2–5 м. Длина северной гряды 90 м, южной – 75 м, ширина их не превышала 1 м. Под насыпями курганов на уровне древней поверхности выявлены следы прокалов, уголь и кальцинированные кости. Под южным курганом в центре площадки найден железный наконечник копья с длинной конусовидной втулкой и ланцетовидным лезвием, а в северо-восточном секторе фрагменты небольшого плоскодонного сосуда (рис. 20, I, 2–4). Датирован VI–VII вв. н. э. [Боталов, 2003в. С. 164. Рис. 45, III].

Таким образом, из 12 доступных нам комплексов с «усами» типа 3 (типа II) лишь два дали материалы тасмолинского времени – курган Большое Чебацье (VII–VI вв. до н. э.) и курган 4 могильника Карамурун I (V–IV вв. до н. э.). Четыре комплекса по вещевому инвентарю датируются: Коктал и курган 1 Зевакино – IV–V вв. н. э., Солончанка I – V– начало VI вв. н. э., Нижне-Давлетовский – VI–VII вв. н. э. В кургане с «усами» Ижевский-2 помимо сосудов, вкопанных в материк, в насыпи найден железный наконечник стрелы, аналогичный наконечнику из соседнего кургана, датированного второй половиной VII – первой половиной VIII вв. н. э. В остальных курганах типа 3 (типа II) найдены только сосуды. В кургане 4 Карамурун I могильная яма находилась под северной насыпью («курган А»). Однако, судя по планам могильника и кургана, каменные гряды («усы») связаны только с южным курганом («курганом Б»), в котором найдены обломки глиняного сосуда и прослежены зольные полосы [Кадырбаев, 1966. С. 359]. В кургане Большое Чебацье обращает на себя внимание нетипичное для комплексов типа 3 (типа II) расположение курганов – «рядом вплотную так, что насыпи сливаются» [Грязнов, 1956. С. 9, 10].

Самую многочисленную группу исследованных в Казахстане курганов с «усами», включающую 24 объекта, составляют курганы типа 2 (типа I). Это комплексы, состоящие из западного (основного) кургана с погребением человека и восточного (малого) кургана, содержащего кости лошади, глиняные сосуды, следы разведения огня. От восточного (малого) кургана на восток отходят каменные гряды – «усы» [Бейсенов, 1996. С. 38].

Из 16 доступных для анализа курганов с «усами» этого типа два исследованы в Восточном Казахстане, один – в Южном Зауралье и 13 – в Центральном Казахстане.

В Восточном Казахстане к данному типу относятся комплексы кур-

гана 2 могильника Зевакино и кургана 1 могильника Кызылтас. Под насыпью большого кургана Зевакино в пределах грабительской воронки обнаружены разрозненные кости человека и подпрямоугольная могильная яма глубиной 3,1 м, ориентированная по линии З–В. В могиле на разной глубине встречены обломки костей человека и вырезанные из листового золота нашивки в виде треугольника, овала и четырехугольных полос. На дне ямы находился каменный ящик. На уровне его перекрытия в северо-западном углу могилы встречены кости лошади. На дне ящика лежали разрозненные кости двух человек вперемешку с костями двух–трех лошадей. В малом кургане найден плоскодонный глиняный сосуд ручной лепки с удлинено-цилиндрическим туловом (рис. 6, 5).

Под основной (западной) насыпью кургана 1 могильника Кызылтас выявлена подпрямоугольная могильная яма, ориентированная по линии З–В, внутри которой, возможно, находился каменный ящик (рис. 53). В заполнении ямы найдены череп лошади, кости овцы и человека, фрагменты двух глиняных сосудов (рис. 6, 6, 8). Еще один сосуд найден под насыпью малого (восточного) кургана (рис. 6, 10). Датированы оба комплекса III–V вв. н. э. [Арсланова, 1975. С. 118–121, 129].

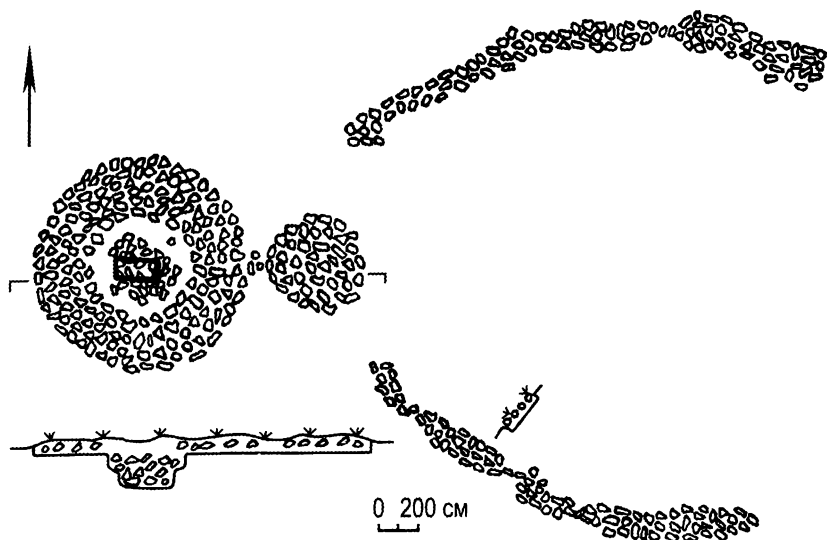

Рис. 53. План и разрез кургана 1 с «кусами» могильника Кызылтас (по: [Арсланова, 1975. Рис. 2])

В Центральном Казахстане к типу 2 (типу I) курганов с «усами» относятся комплексы кургана 1 могильника Ботакара, кургана 4 могильника Нурманбет II, курганов 1, 2 и 3 могильника Сангуыр II, кургана 6 могильника Нуркен 2, кургана 1 могильника Киик-Су, кургана Ельшибек, кургана 15 могильника Кара-Бие, кургана 12а могильника Канатгас, кургана Бесоба, кургана 1 могильника Ак-Булак II, а также комплекс «37 воинов».

Курган 1 могильника Ботакара отнесен М. К. Кадырбаевым к первому хронологическому этапу тасмолинской культуры. Под насыпью основного (западного) кургана выявлена овальная грунтовая могильная яма, на дне которой на глубине 1,9 м находился ящик, составленный из каменных плит и ориентированный по линии ЗСЗ–ВЮВ. Дно и стенки его прокалены. На дне, в центральной части ящика, лежали остатки полусожженного черепа человека. Других находок не обнаружено. В конструкции этого ящика, как отмечал М. К. Кадырбаев, «прослеживаются те же традиции строительной техники центральноказахстанских племен эпохи бронзы, которые отмечались в других памятниках первого этапа эпохи ранних кочевников. В связи с этим их можно датировать VII–VI вв. до н. э.». Каменные ящики, близкие Ботакаринскому, исследованы в кургане 1 на реке Карасай, курганах 2 и 5 комплекса «37 воинов». В заполнении ящика кургана Карасай найдены лишь кости барана, собаки, орла и шейные позвонки лошади. В ящиках комплекса «37 воинов» обнаружены только отдельные кости барана [Кадырбаев, 1966. С. 345].

В комплексе «37 воинов», отнесенном М. К. Кадырбаевым к первому этапу тасмолинской культуры, исследовано пять курганов, часть из которых располагалась на расстоянии 80–100 м от центрального кургана 1. Под сильно поврежденной грабителями насыпью центрального кургана на уровне древней поверхности обнаружены лишь фрагменты глиняного сосуда и оселок. Исследовался ли примыкающий к нему с востока малый курган – не ясно. Но, судя по сосуду (рис. 7, 1; 8, 1), найденному под каменной насыпью, им мог быть курган 4. Рядом с сосудом в этом кургане находился позвонок барана, а ниже этих находок выявлен разрушенный каменный ящик. Каменные ящики выявлены также в курганах 2 и 5, причем в последнем внутри ящика встречены разрозненные кости барана. Отдельные бараньи кости найдены и под насыпью кургана 3 [Кадырбаев, 1958. С. 99, 104. Рис. 2; 1959в. С. 16, 17].

Курган 4 могильника Нурманбет II включен М. К. Кадырбаевым в число памятников второго хронологического этапа тасмолинской культуры. Под насыпью основного (западного) кургана, в восточной части,

найлены фрагменты глиняного сосуда. Разграбленная могильная яма, находившаяся в центре подкурганной площадки, имела овальную форму и ориентировку по линии С–Ю. В ее заполнении встречены фрагменты костей человека, череп барана и зубы лошади. Инвентарь представлен бронзовой круглой пряжкой с рамковидным выступом и штырьком на конце. Под насыпью малого (восточного) кургана находок не было [Кадырбаев, 1966. С. 367, 368].

Под центральной частью насыпи большого (западного) кургана комплекса 1 Сангуыр II выявлена ограда из вертикально установленных плит, внутри которой находилось семь каменных ящиков, составленных из гранитных плит и расположенных в два ряда. Найденная в ящиках керамика и вещевой инвентарь относятся к эпохе бронзы. При вскрытии кургана под каменным панцирем, покрывавшем его земляную насыпь, на глубине 0,5 м от верха насыпи обнаружен слой смешанного грунта,

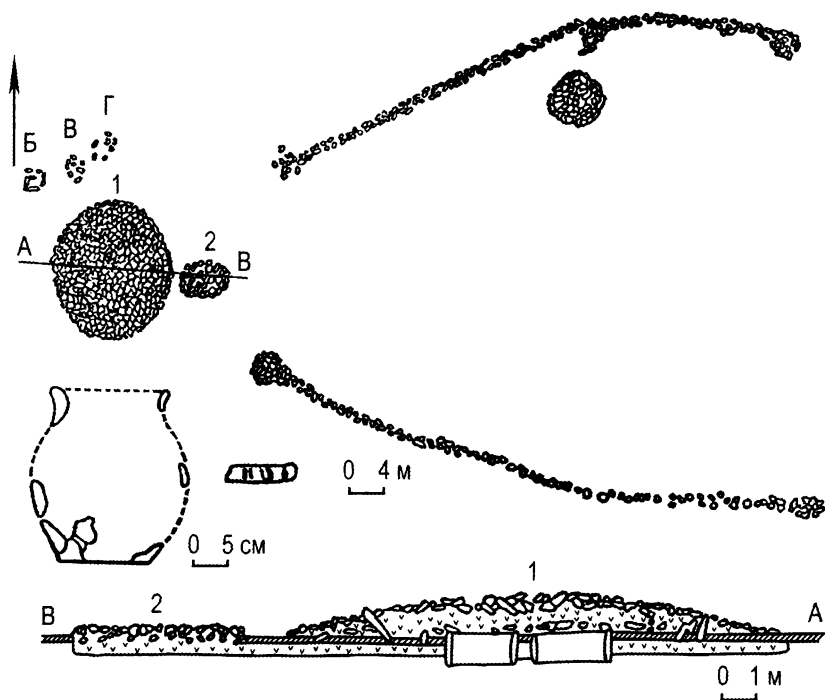

Рис. 54. Могильник Сангуыр II. План и разрез кургана № 1, глиняный сосуд: 1, 2 – номера курганов (Сангуыр II) (по: [Кадырбаев, 1961. Рис. 2])

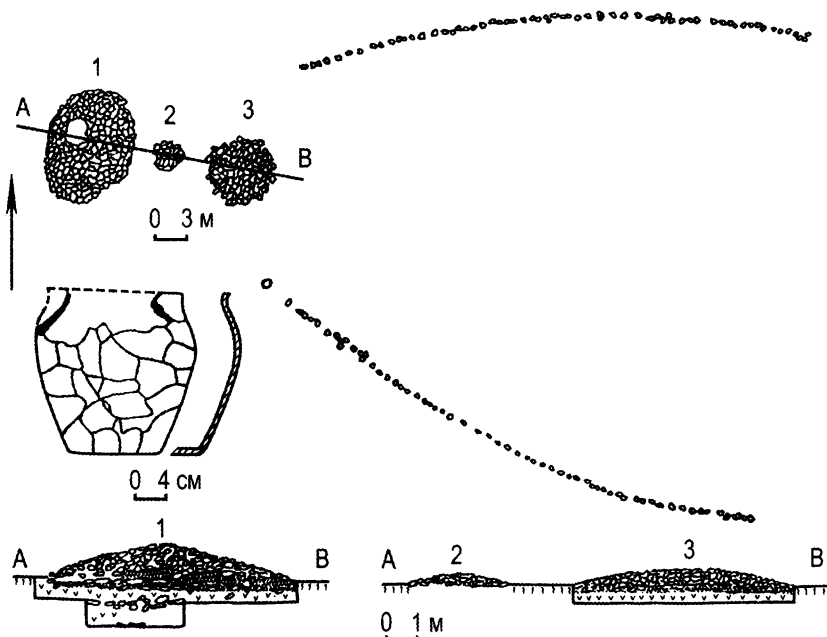

Рис. 55. Могильник Сангуыр II. План и разрез кургана № 2, глиняный сосуд: 1–2 – номера курганов (Сангуыр II) (по: [Кадырбаев, 1961. Рис. 6])

а ниже (0,9 м) — отдельные кости человека (позвонок, ключица, ребра). Под каменной насыпью малого (восточного) кургана находились кости лошади и глиняной сосуд (рис. 54). По мнению М. К. Кадырбаева, «в результате раскопок этого памятника выявлен случай вторичного захоронения раннекочевнического времени над андроновской оградкой эпохи бронзы» [Кадырбаев, 1961. С. 49–54].

Комплекс кургана с «усами» 2 могильника Сангуыр II состоял из центральной каменной насыпи овальной формы (размеры 8×11 м) и прилегающих к ней с востока в линию двух малых насыпей: первая диаметром 3 м, вторая, крайне восточная, — 6 м (рис. 55). Западная часть насыпи центрального кургана и край овальной могильной ямы повреждены грабительским раскопом. На дне ямы в неповрежденном положении сохранились лишь кости ног погребенного, судя по которым умерший был уложен головой на юго-запад. Справа от костей стопы расчищены кости задних ног барана с хвостовыми позвонками. В крайнем восточном кургане под насыпью найден глиняный сосуд (рис. 55).

Средний курган, вероятно, не исследовался [Кадырбаев, 1961. С. 55, 56].

Комплекс кургана 3 могильника Сангуыр II состоял из двух прилегающих друг к другу по линии СЗ–ЮВ каменных насыпей одинакового диаметра (6 м) и высоты (0,6 м), но разных по конструкции. Под тридцатисантиметровым слоем камня, покрывавшем центральную часть северо-западного кургана, обнаружилась кладка из плит, идущих наклонно от основания насыпи к центру. Могильная яма овальной формы, ориентированная по линии СЗ–ЮВ, повреждена грабителями. На ее дне найдены лишь отдельные кости человека. Юго-восточный курган был, без сомнения, пристроен к уже существовавшему северо-западному кургану, о чем красноречиво свидетельствует его план и разрез, приводимый

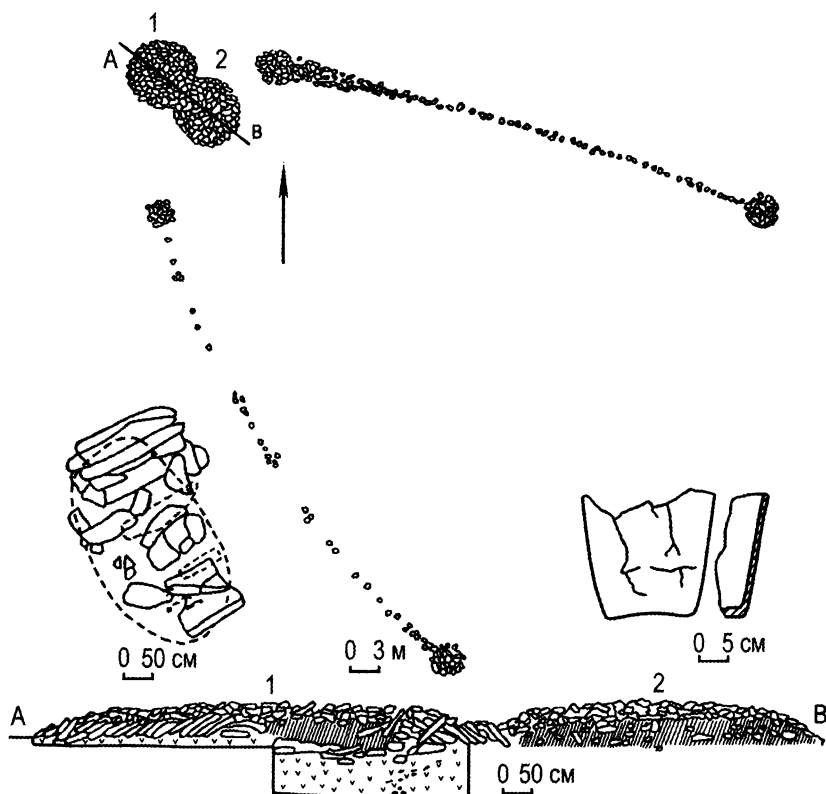

Рис. 56. Могильник Сангуыр II. План и разрез кургана № 3, глиняный сосуд: 1, 2 – номера курганов (Сангуыр II) (по: [Кадырбаев, 1961. Рис. 2])

М. К. Кадырбаевым. Это бессистемная наброска камня, под которой найден глиняный сосуд (рис. 56). Других находок не обнаружено [Кадырбаев, 1961. С. 56. Рис. 7]

Комплекс кургана 1 могильника Киик-Су отнесен М. К. Кадырбаевым ко второму этапу тасмолинской культуры. Под центральным (западным) курганом выявлена разграбленная могильная яма овальной формы, перекрытая каменными плитами и ориентированная по линии С–Ю. У верхнего края ямы найден каменный жертвенник без ножек, отдельные кости человека и несколько костей барана. Под насыпью малого (восточного) кургана на древней поверхности находились фрагменты черепа лошади [Кадырбаев, 1959а. С. 163–165, 192].

Под центральной, западной, насыпью кургана Ельшибек (второй этап тасмолинской культуры) выявлена овальная могильная яма, перекрытая каменными плитами, на дне которой находилось безинвентарное погребение (вытянуто на спине, головой на северо-запад). Под восточной частью малого кургана найден глиняный сосуд (рис. 57). К западу от большого кургана, вплотную к нему, находился еще один курган небольшого диаметра – 4 м. Под его насыпью в небольшом углублении с нечеткими контурами найдены лишь кости ног ребенка [Кадырбаев, 1959а. С. 166–168, 192]. Несмотря на то, что, как отмечает М.К. Кадырбаев, «определить высоту насыпей не удалось, так как камень с них разобран местными жителями для строительства», приводимый им план комплекса свидетельствует, на наш взгляд, о неодновременности большого (центрального) и малого (восточного) курганов [Кадырбаев, 1959а. Рис. 3]. На плане (рис. 57) четко видно, что малый курган, имеющий более плотную кладку с достаточно четкими границами, ложится поверх расползшейся насыпи большого кургана. Причем погребение человека находилось не под центром большого кургана, а под его восточной полкой, почти на границе с насыпью малого.

Под центральной, западной, насыпью кургана 15 могильника Кара-Бие (второй этап тасмолинской культуры) выявлена разграбленная могильная яма. Она имела овальную форму, перекрытие из каменных плит и была ориентирована по линии С–Ю. В заполнении ямы встречены разрозненные кости человека. Под западной частью малого, восточного, кургана найдены зубы и обломки костей ног лошади, а под восточной – глиняный сосуд (рис. 58) [Кадырбаев, 1959а. С. 174–176, 192].

Под центральной, западной насыпью кургана 12а могильника Канаттас выявлена сильно разрушенная грабителями овальная могильная яма, перекрытая каменными плитами, ориентированная по линии СВ–

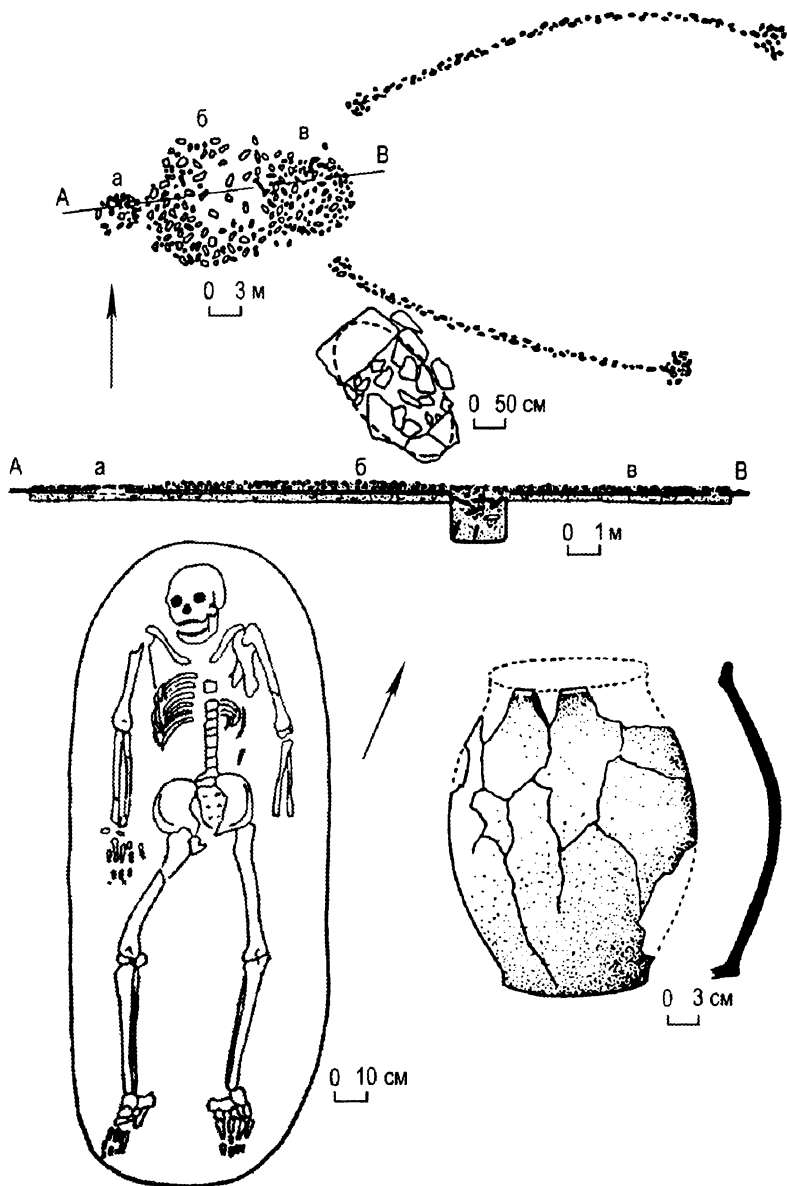

Рис. 57. Курган с «усами» (Ельшибек). Глиняный сосуд (по: [Кадырбаев, 1959а. Рис. 3])

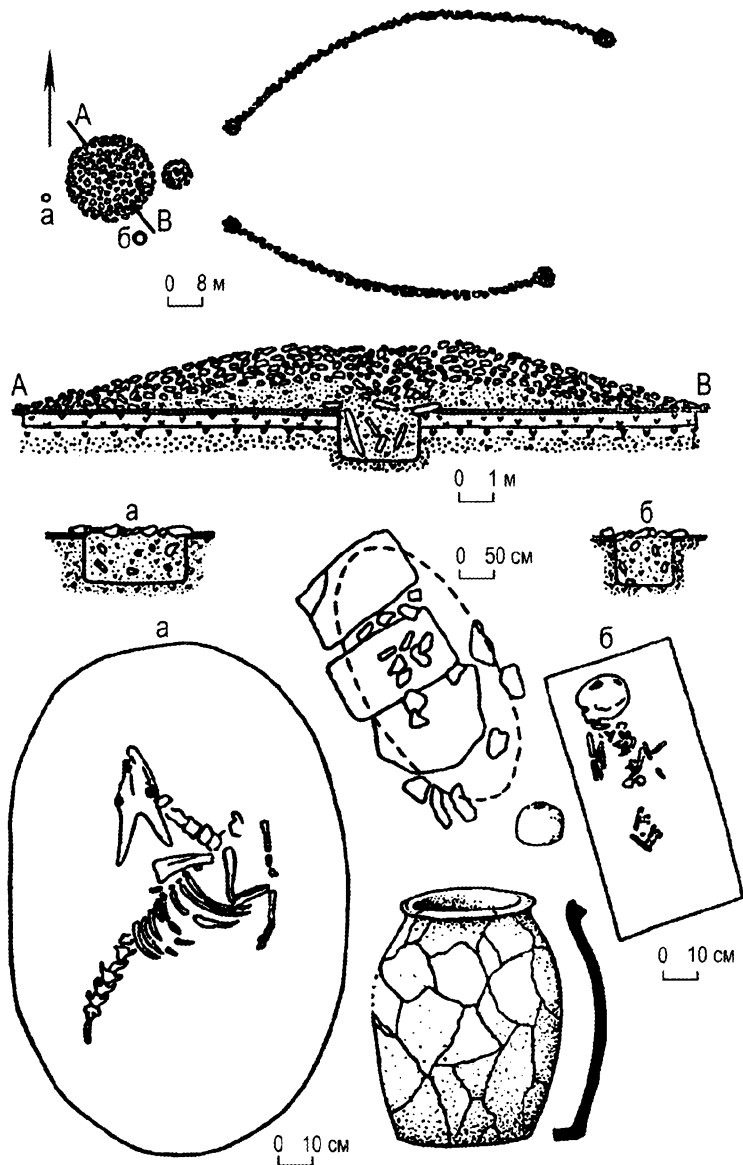

Рис. 58. Курган с «усами» № 15 (Кара-Бие). План и разрез центрального кургана, курганов а и б. Пастовая бусина, глиняный сосуд (по: [Кадырбаев, 1959а. Рис. 10])

ЮЗ. В малом, восточном, кургане на древней поверхности, в северо-восточной поле, найдены фрагменты глиняного сосуда [Кадырбаев, 1959а. С. 178].

Могильник Нуркен 2 курган 6 (Карагандинская область). Под основной (западной) насыпью вскрыта большая овальная яма, на дне которой на глубине 2,2 м сооружен каменный ящик, в котором совершенно парное захоронение мужчины и женщины. Умершие были уложены вытянуто на спине, головой на запад. Погребение потревожено, судя по заполнению ямы и отсутствию инвентаря. Хотя, на наш взгляд, не исключен и его вводный характер. К северо-западу от могильной ямы на уровне древнего горизонта выявлен небольшой каменный ящик из вертикально установленных плит, не содержащий ни находок, ни костей человека или животных. Под малой (восточной) насыпью, примыкающей к западной, найден каменный шар, фрагменты черепа лошади, немногочисленные мелкие фрагменты глиняного сосуда. «На основании погребального обряда курган датируется VII–VI вв. до н. э.», хотя сам А. З. Бейсенов отмечает необычность погребения: «это первый случай, когда обнаружено парное захоронение мужчины и женщины в памятниках тасмолинской культуры» [Бейсенов, 2002. С. 37, 38].

Комплекс Бесоба включал большой курган диаметром 20 м и примыкающий к нему с востока малый курган диаметром 6 м, от которого на восток отходили каменные гряды. Все сооружение в 6 м от основного, большого, кургана окружено кольцом шириной 1,3 м из положенных плашмя камней. С восточной стороны большой курган соединен с каменным кольцом плоской кладки в два ряда камней шириной 3 м. Под насыпью большого кургана выявлена могильная яма нечетких очертаний. В ней найдено каменное изваяние из обломка розового гранита. Камень прямоугольной формы. На нем скульптурно выражены черты лица: несколько выдающиеся глаза овальной формы и прямой узкий нос. Изображение рта отсутствует. Голова отделена от основной части камня небольшой выемкой [Кадырбаев, 1959в. С. 22, 23].

К типу 2 (типу I) в Центральном Казахстане относится и курган 1 могильника Ак-Булак II, включенный в круг памятников первого хронологического этапа тасмолинской культуры. Под насыпью западного кургана (диаметр 9 м) выявлена могильная яма, четкие контуры которой установить не удалось ввиду ее сильной разграбленности. Под насыпью восточного кургана (диаметр 7,5 м), в восточной половине, найден лишь глиняный сосуд [Кадырбаев, 1966. С. 348, 349].

Тип 2 (тип I) комплексов курганов с «усами» в Южном Зауралье

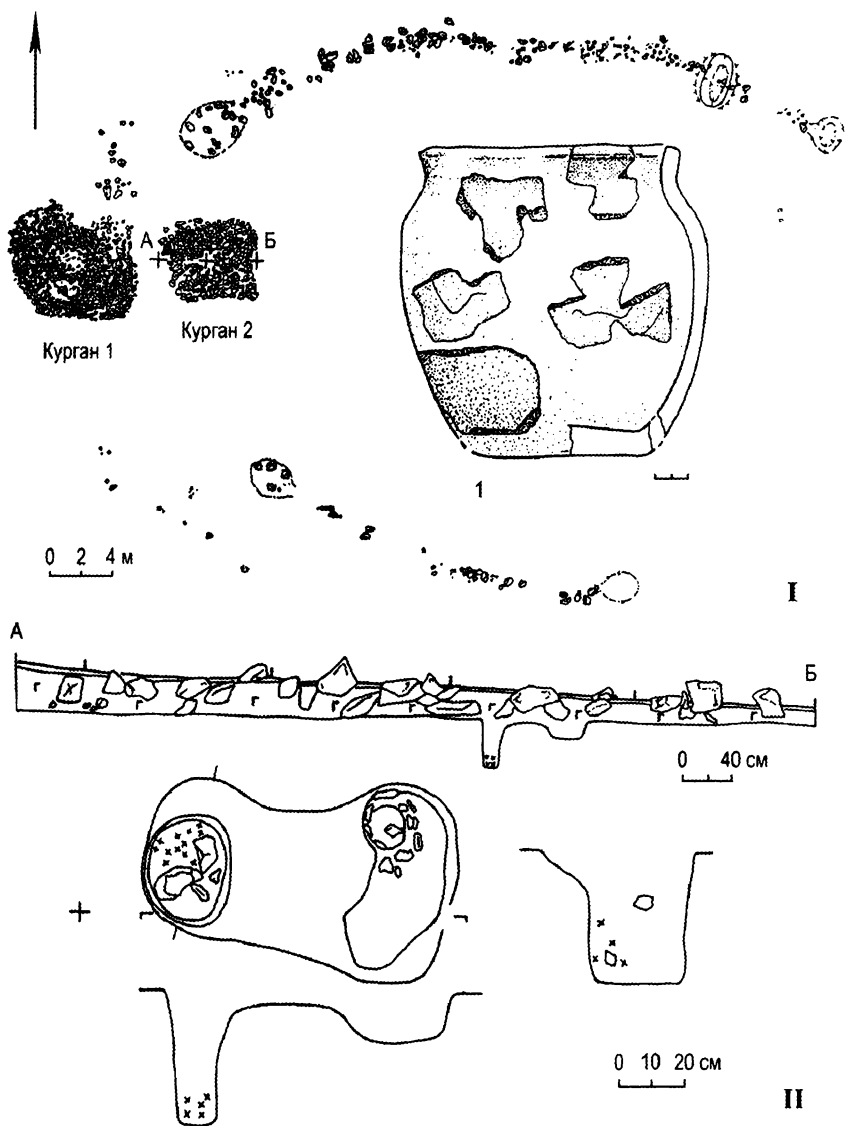

Рис. 59. Комплекс кургана с «усами» Елизаветпольский. I – общий план комплекса и разрез кургана 2 (малого); II – план и разрез углубления в центральной части малого кургана. 1 – глиняный сосуд

представлен курганом Елизаветпольский. Комплекс состоял из двух курганов (большого и малого), вытянутых по линии восток–запад, и отходящих от них на восток двух дуговидных каменных гряд или «усов» (рис. 59, I). Большой курган (курган 1) представлял собой округлую насыпь, сложенную из земли и камня, диаметром до 9 м и высотой до 0,4 м. Малый курган (курган 2) находился в 1 м к востоку от кургана 1 и представлял собой подквадратную вымостку размерами 5,2×5,2 м и высотой до 0,1 м, сложенную из крупных камней и ориентированную по сторонам света с небольшим отклонением. От малого кургана на восток отходили две гряды длиной 45 и 26 м. На началах гряд находились овальные оградки, на окончаниях – слабо заметные подовальные площадки. При исследовании большого кургана выявлено, что часть его первоначальной насыпи была разобрана. Это отчетливо фиксировалось как планиграфически, так и стратиграфически. В частности, было замечено, что верхняя часть насыпи большого кургана состояла из камня мелких и средних размеров, крупные же камни остались лишь в основании ее центральной части. В то же время оградки на началах «усов», да и сами «усы» сложены в основном из камней крупных размеров или их развалов. Под насыпью большого кургана выявлена могильная яма овальной формы, ориентированная по линии ЮЗЗ–СВВ. На краях, стенках и дне ямы фиксировались следы прокала, а в заполнении встречались мелкие угли и зола. В яме, не содержащей никаких останков человека, найдены три керамических сосуда, ряд изделий из бронзы (два зеркала, крюк, наконечники стрел, фрагменты браслетов), стеклянные и пастовые бусы и т. п. (рис. 60). Полученные материалы позволяют уверенно датировать центральный курган серединой V в. до н. э. Под центральной частью подквадратной каменной вымостки малого кургана, на уровне материка, зафиксированы очертания углубления гантелевидной формы, ориентированные с отклонением по линии запад–восток (рис. 59, II). В восточной части углубления, в небольшой ямке, находился глиняный сосуд (рис. 59, 1), а в западной – ямка глубиной 0,4 м от уровня материка, в заполнении которой встречены камни и значительное количество угля. Под площадкой окончания северного «уса» выявлена яма подпрямоугольной формы со скругленными углами глубиной 0,25 м. В верхней части заполнения ямы отмечены следы прокала и зола. Ни на дне ямы, ни в ее заполнении ничего не найдено.

Итак, если исключить керамику, найденную под малыми насыпями, то только в пяти из 16 доступных для анализа курганов с «усами» типа 2 (типа I) зафиксирован датирующий инвентарь, связанный только с мо-

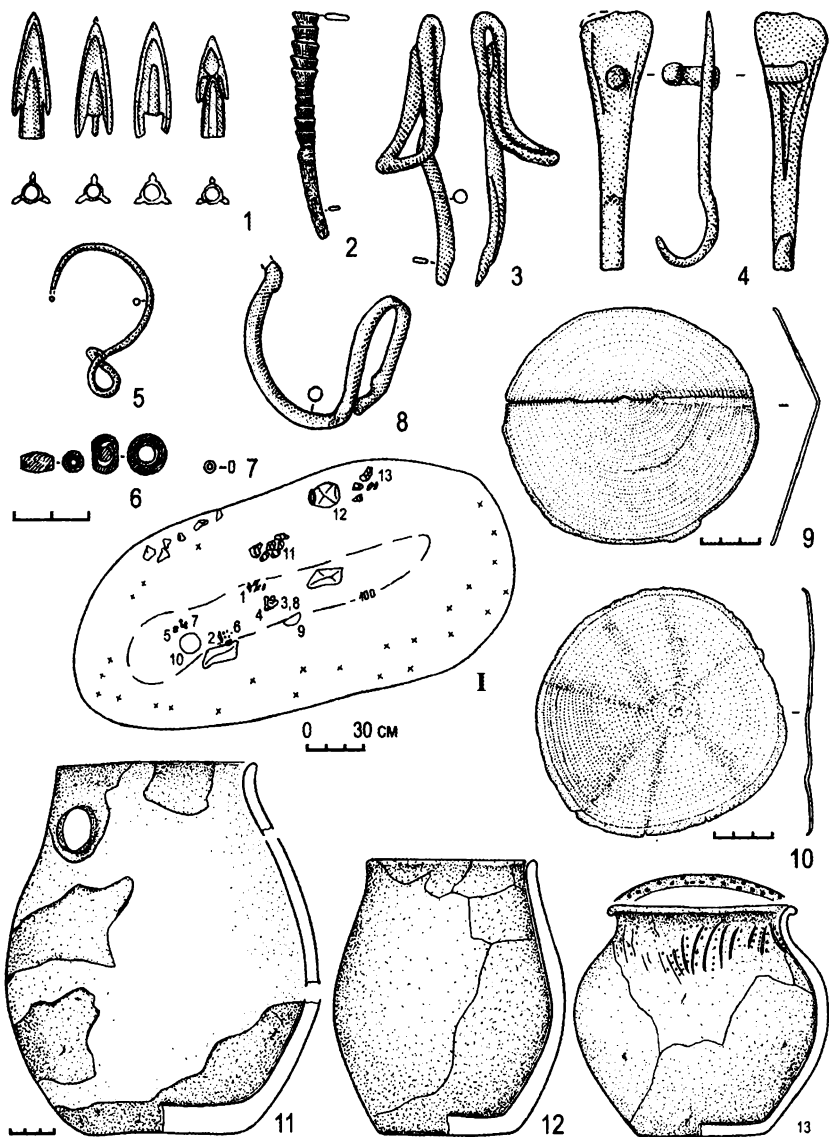

Рис. 60. Комплекс кургана с «усами» Елизаветпольский. Курган 2. I – общий план могильной ямы. 1–13 – инвентарь (1, 3–5, 8, 9, 10 – бронза; 2 – дерево; 6, 7 – стекло; 11–13 – глина)

гильными ямами под большими насыпями. Датируются они следующим образом: курган 1 Сангуыр II – эпоха бронзы; курган 4 Нурманбет II (по бронзовой пряжке) и курган 1 Киик-Су (по каменному жертвеннику) – тасмолинское время (VII–V вв. до н. э.); Елизаветпольский – савроматское (середина V в. до н.э.); курган 1 Кызылтас (по керамическому котлу из могильной ямы) – IV–V вв. н. э. Остальные курганы, за исключением кургана 2 Зевакино (IV–V вв. н. э.), отнесены к тасмолинской культуре на основании, во-первых, мнения о принадлежности курганов с «усами» тасмолинской культуре и, во-вторых, на основе конструкции могильных ям. Последние представлены грунтовыми ямами овальной формы, часто перекрытыми каменными плитами, и каменными ящиками.

Каменные ящики выявлены в шести комплексах курганов с «усами». В пяти случаях они находились под насыпями больших (западных) курганов и в одном – комплекс «37 воинов» – под насыпью малого (курган 4). Ящики под насыпями больших курганов ориентированы по линии В–З или ВЮВ–ЗСЗ. В Восточном Казахстане оба комплекса с каменными ящиками (Зевакино, курган 2; Кызылтас, курган 1) Ф. Х. Арсланова датировала III–V вв. н.э., основываясь при этом на анализе керамики. Наличие каменных ящиков ею, вероятно, не учитывалось, вследствие полной их ограбленности, а также отсутствия четкой привязки к комплексам собственно курганов с «усами».

В Центральном Казахстане каменные ящики под насыпями больших курганов выявлены в кургане 1 могильника Сангуыр, кургане 1 могильника Ботакара, кургане 6 могильника Нуркен 2. Как уже указывалось, курган 1 Сангуыр датируется эпохой бронзы, выявленные же в его насыпи лишь разрозненные кости человека никак не могут служить основанием для определения времени вводного погребения. Вывод М. К. Кадырбаева о том, что здесь «выявлен случай вторичного захоронения раннекочевнического времени над андроновской оградкой эпохи бронзы» [Кадырбаев, 1961. С. 54], основан только на его убежденности в принадлежности курганов с «усами» тасмолинской культуре.

В кургане 1 Ботакара на дне ящика с прокаленными стенками «лежали остатки полупережженного черепа человека» [Кадырбаев, 1966. С. 345]. Однако обряд трупосожжения ни разу не встречен в памятниках тасмолинской культуры. Принадлежность комплекса кургана 6 могильника Нуркен 2 к тасмолинской культуре основана лишь на том, что в центральном кургане выявлены безинвентарные погребения вытянуто на спине, головой на запад, а к насыпи кургана с могильной ямой примыкает собственно курган с «усами». Центральный курган комплекса

«37 воинов» вообще не имел погребального сооружения. Отнесение к Тасмолу каменного ящика малого кургана 4 этого комплекса, который не содержал никаких находок, основано опять же на постулате о тасмолинской принадлежности курганов с «усами».

В восьми случаях под насыпью центрального кургана выявлены грунтовые могильные ямы овальной формы с перекрытием из каменных плит. Принадлежность к тасмолинской культуре одних (Нурманбет II, курган 4 и Киик-Су, курган 1) не вызывает сомнений, других, безинвентарных или разграбленных, – вполне вероятно. Вызывает сомнение лишь одновременность кургана с погребением человека и собственно кургана с «усами». Основанием для этого служат стратиграфия и планиграфия кургана 3 могильника Сангуыр II и кургана Ельшибек в Центральном Казахстане, а также кургана Елизаветпольский в Южном Зауралье.

При исследованиях зауральских курганов с «усами», базирующихся на анализе аэрофотоснимков, выявлены интересные особенности в их распространении и расположении. В результате совместных исследований с сотрудниками специализированного природно-ландшафтного и историко-археологического центра «Аркаим» И. М. Батаниной и Н. В. Левит выяснено, что в степях Южного Зауралья абсолютно преобладают комплексы курганов с «усами» только двух типов – типа 1 (совмещенный тип III и IV) и типа 3 (варианты а и б) (тип II). Причем из 112 комплексов тип 3 составляет 10% от общего числа, соответственно тип 1 комплексов курганов с «усами» является преобладающим и составляет почти 90% от общего числа памятников этой категории. Комплексы же типа 2 (типа I) единичны.

При анализе аэрофотоснимков комплексов курганов с «усами» также обращает на себя внимание то обстоятельство, что курганы с «усами» типа 3 (типа II) занимают места весьма специфичные, нехарактерные для расположения могильников кочевников раннего железного века – на первых надпойменных террасах небольших зауральских речушек. Комплексы курганов с «усами» типа 1 (типа III и IV) расположены в основном, на водоразделах и высоких сопках, что вполне соответствует традиционному расположению могильников кочевников Южного Зауралья. Небезынтересно и наблюдение об «одиночестве» комплексов курганов с «усами» – они не располагаются на погребальных площадках других синхронных могильников.

Итак, из 58 исследованных комплексов курганов с «усами» 27 содержали, помимо сосудов, культурно и хронологически определимый

инвентарь, который распределился следующим образом: эпоха бронзы — два, тасмолинская культура — шесть, савромато-сарматская эпоха Южного Урала — четыре, эпоха средневековья — 15. Почти во всех памятниках I тыс. до н. э. зафиксирован в той или иной степени значительный хронологический разрыв между возведением погребального сооружения и собственно кургана с «усами». Следует подчеркнуть, что практически вся относимая к тасмолинской культуре керамика найдена в комплексах собственно курганов с «усами». «Вне этого комплекса глиняная посуда почти не встречается» [Кадырбаев, 1966. С. 392]. В то же время керамический комплекс курганов с «усами» при всем его разнообразии представляет единое целое и достаточно хорошо вписывается в ареал керамической традиции, характерной для культур эпохи поздней древности и средневековья.

Приведенный выше анализ комплексов курганов с «усами», выполненный с опорой на ранее существующие типологические разработки, убеждает нас в том, что, вероятно, основными и определяющими типами являются два — II и IV М. К. Кадырбаева, или 1 и 3 А. З. Бейсенова. Остальные типы — I и III М. К. Кадырбаева и 2 А. З. Бейсенова, а также их производные демонстрируют, как правило, либо двойную стратиграфию, либо разнокультурную и разновременную планиграфию. Исключением, вероятно, является комплекс кургана с «усами» могильника Ижевский-2, где, на наш взгляд, смешиваются два типа. Центральную часть комплекса составляют три кургана, которые располагаются относительно друг друга по линии север–юг (курганы 1 и 2) и запад–восток (курганы 3 и 1) (рис. 47, 1). Таким образом, комплекс объединяет традиции курганов с «усами» типа 3б и 2б с погребением человека. Вещевой материал, полученный в результате исследований этого комплекса (рис. 47, 2–4; 48), позволяет относить данный памятник к эпохе средневековья.

Глава II

ОСНОВНЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ И КУЛЬТОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

§1. Курганы с усами

В большинстве исследованных комплексов курганов с «усами» центральный или боковые курганы, а также площадка на началах гряд представляли собой ограду подпрямоугольной (курган 3 Зевакино, курган 14 Каинсай, Городищенский IX, Новоактюбинский I, Елизаветпольский, северный курган Сарбулат I), многоугольной (пяти, шести или восьмиугольной) (курган 2 Солончанка I, Оленина Отнога, южный курган Сарбулат I, Новокодуровский I, Султантимировский I) или, чаще всего, округлой (Беркутты, курган 3 Кызыл-Жар, курган 1 Кызылтас, Нижне-Давлетовский и др.) формы. Впрочем, условия раскопок и их методический уровень не всегда точно позволяют определить первоначальную конструкцию насыпи. Каменные квадратные ограды ориентированы, как правило, по сторонам света своими углами (Оленина Отнога, курганы 1 и 3 Солончанка I, Солончанка IX, Городищенский IX, Кызыл-Жар, северный курган Сарбулат I) или стенками (Городищенский IX, курган 2 Солончанка I).

Внутри оград и на площадках, перекрытых впоследствии камнем (вымостки), на уровне древней дневной поверхности совершался жертвенно-поминальный ритуал, связанный с использованием огня. При раскопках курганов выявлено, что остатки прокалов, уголь, зола, кальцинированные кости, обожженные камни и вещевой инвентарь чаще всего находились сразу же под камнями в центре площадки, оконтуренной границами наземной конструкции.

При исследовании курганов с «усами» Городищенский IX и Солончанка I отмечено, что наиболее интенсивно огонь горел на площадках начала «усов» или в боковых курганах. Здесь фиксировались довольно мощные прокалы, крупные фрагменты обгоревших плах, наблюдалось сильное воздействие огня на нижнюю часть камней. Центральные же

курганы, как правило, содержали лишь продукты горения, причем в значительно меньшем объеме. Складывается впечатление, что на площадках или внутри оградок, с которых начинаются гряды, сначала разжигали костер, а затем на эти площадки укладывались жертвенные лошади и сверху все забрасывалось камнем. На центральных площадках или внутри центральных оградок огонь не разжигался, сюда помещались лишь продукты горения (угли, кальцинированные кости). В нескольких исследованных комплексах зафиксированы не случайные, а специально созданные элементы подкурганых площадок. Так, при исследовании комплекса кургана с «усами» Городищенский IX под выкладкой на начале северной гряды-«уса» зафиксирован прокол подпрямоугольной формы размерами 1,8×2,2 м [Боталов, Гуцалов, 2000. С. 206]. В комплексе Оленина Отнога под центральной насыпью на уровне древней дневной поверхности зафиксированы углисто-сажистые пятна овальной и неправильной формы, а рядом с ними – фрагменты деревянных плашек [Костюков, 1989. С. 52]. Углисто-сажистое пятно прокала в виде выпуклой линзы аморфной в плане формы выявлено и в кургане 1 (южный) комплекса Солончанка I. Особенно интенсивным и насыщенным цвет прокала был в той его части, где температура горения была максимальной, а мощность его достигала 2,5 см [Любчанский, Таиров, 1999. С. 8. Рис. 6].

Не совсем понятно назначение подпрямоугольных ям, обнаруженных под окончаниями гряд-«усов» Новокондуровского I кургана. Здесь же под окончанием южной гряды зафиксированы три круглых столбовых ямки и три ямки подквадратной формы, которые, возможно, использовались для ориентирных камней при возведении всего комплекса. Прямоугольное углубление размерами 0,5×0,3 м зафиксировано и под вымосткой на окончании северной гряды кургана с «усами» Елизаветпольский. Однако наиболее интересными, на наш взгляд, являются небольшие ровики под центральной насыпью и каменными грядами Новоактюбинского I кургана. Как считает автор раскопок О. Ф. Бытковский, с восточной стороны первоначально выкапывались два дугообразных линзовидных в сечении ровика, над которыми затем сооружались каменные оградки из одного–двух колец со стоящим камнем в центре, а уже из этих оградок формируется сама гряда-«ус».

Основным жертвенным животным рассматриваемых памятников является лошадь. При этом внутрь ритуальной площадки помещалась либо целая туша лошади, либо ее макет (шкура, набитая камнем), либо модель в виде небольших деревянных фигурок лошадей, обтянутых зо-

лотой фольгой [Любчанский, Таиров, 1999. Рис. 5, 9, 10, 11]. Поэтому наиболее частыми находками в курганах с «усами» являются предметы конской упряжи (удила, уздечные и подпружные пряжки, обкладки седел, накладки и т.п.).

Обязательными элементами комплекса являлись также жертвенники из отдельных частей овцы, которые, как правило, располагались неподалеку от керамического сосуда и в обособленных оградках.

В Южном Зауралье палеозоологическим исследованиям подверглись материалы только двух комплексов курганов с «усами» – Солончанка I и Новоактюбинский I. Результатом работ с костными остатками комплекса Солончанка I стало выделение пяти тафономических групп. В первую вошли полные скелеты лошадей из центральных курганов комплекса. Причем все они были специально погребены. Вторую группу составили кости волка и лисицы. В третью попали обгорелые кальцинированные позвонки и ребра овцы. Четвертую составили дробленые кости лошади, скорее всего это пищевые остатки. И в пятую группу включены единичные кости овцы и лошади, случайно попавшие в насыпь. Таким образом, комплекс костных материалов Солончанки I формировался четырьмя способами – погребения лошадей, жертвоприношение, трапеза и случайное попадание [Косинцев, Ражев, 1999. С. 68, 69].

Анализ костных остатков из комплекса кургана с «усами» Новоактюбинский I проводился Л. Л. Гайдученко в лаборатории исторической экологии ЧелГУ. Из представленного материала выделены остатки двух особей коровы, двух особей лошади, одной особи верблюда, а также четырех особей овцы. Установлено, что одна особь коровы была предварительно расчленена.

Существуют определенные закономерности в размещении костей жертвенных животных и вещевого инвентаря на подкурганной площадке.

1. В 11 курганах с «усами» обнаружены целые скелеты лошадей или их части. Все они находились в центре кургана, в непосредственной близости от прокалов или продуктов горения. В восьми случаях зафиксирована ориентировка лошадей: они лежали мордами на запад (курганы 1–3 Солончанка I, Солончанка IX), на запад с отклонением к юго-западу (Городищенский IX), северо-запад (курган 2 Бес-оба), север (Ботакара, курган 48, «южный») или северо-восток (Ботакара, курган 48, «северный») (рис. 18, II; 52, 3, 5, 7). В кургане 3 Кызыл-Жар выявлен макет лошади в виде шкуры, заполненной камнем в брюшной полости, лежащий мордой на запад с отклонением к юго-западу (рис. 22, VI).

2. Из 48 установленных случаев фиксации места сосудов, их раз-

валов или отдельных фрагментов керамики в 19 случаях (39,6%) они находились в северо-восточных, в 15 случаях (31,3%) – в восточных секторах, половинах подкурганых площадок или в двух случаях к востоку или юго-востоку от центра подкурганной площадки. В 10 случаях (20,3%) упоминается о нахождении фрагментов сосудов в центре (4 случая) или в заполнении насыпи без точной привязки (6 случаев).

В комплексе кургана с «усами» Солончанка IX найдено два сосуда. Красноглиняный кувшин находился в западном секторе подкурганной площадки, а горшок ручной лепки – в восточном.

В комплексе Султантимировский I сосуд находился в северо-западной части подкурганной площадки. Однако гряды («усы») этого кургана направлены на север (рис. 37, 1), и потому горшок в пространственном смысле занимает положение, аналогичное положению сосуда в курганах с грядами, направленными на восток, – северо-восточный сектор.

В 11 случаях (Солончанка I, курганы 2 и 3; Солончанка IX, восточный и западный сектора; Городищенский IX; Елизаветпольский; Сарбулат I, северный и южный курганы; Ижевский-2, курган 1; Батыр-Булак; Шедерты) удалось проследить, что сосуды устанавливались в специальных ямках, вырытых в материке.

Интересную информацию удалось получить благодаря детальному исследованию «усов» или гряд. Они составляют наиболее грандиозный архитектурный элемент рассматриваемых комплексов. Размеры их варьируют от 15–20 до 400 (!) метров. Несмотря на то, что в большинстве случаев исследователи не уделяли им должного внимания (зачастую «усы» изображались схематично), на сегодняшний день можно вполне определенно утверждать, что в их сооружении наблюдаются определенные конструктивные особенности.

Первая и наиболее значительная из них состоит в том, что наряду с камнем при сооружении «усов» применялась и земля. Сегодня известно несколько комплексов (Солончанка I, Крутая Гора, Кызыл-Жар, Рымникский и др.), в которых «усы» либо полностью сложены из грунта, либо частично из грунта, а частично из камня. При тщательной расчистке каменных гряд нескольких комплексов курганов с «усами» Южного Зауралья выяснилось, что выкладки из камней или грунта на «усах» в ряде случаев не представляли собой непрерывные цепочки. Гряды в комплексах Городищенский IX и Новокудуровский I имели множественные изгибы, которые образовались в результате сооружения небольших овальных каменных площадок, пристроенных друг к другу, что придавало форме «усов» некую «змеевидность» (рис. 18, I;

19, 1). Подобные площадки-«розетки» выявлены и при расчистке гряд комплекса Новоактюбинский I (рис. 21, 1). «Усы» кургана 14 могильника Каинсай представляли собой цепочку пристроенных друг к другу либо связанных небольшими дорожками подпрямоугольных оградок, ориентированных стенками по сторонам света (рис. 38, 1, 1). Нечто подобное зафиксировано и для грунтовых «усов» комплекса Солончанка I, где в средней части гряд (валов) наблюдались небольшие округлые земляные площадки диаметром около 10 м, примыкающие к внешней

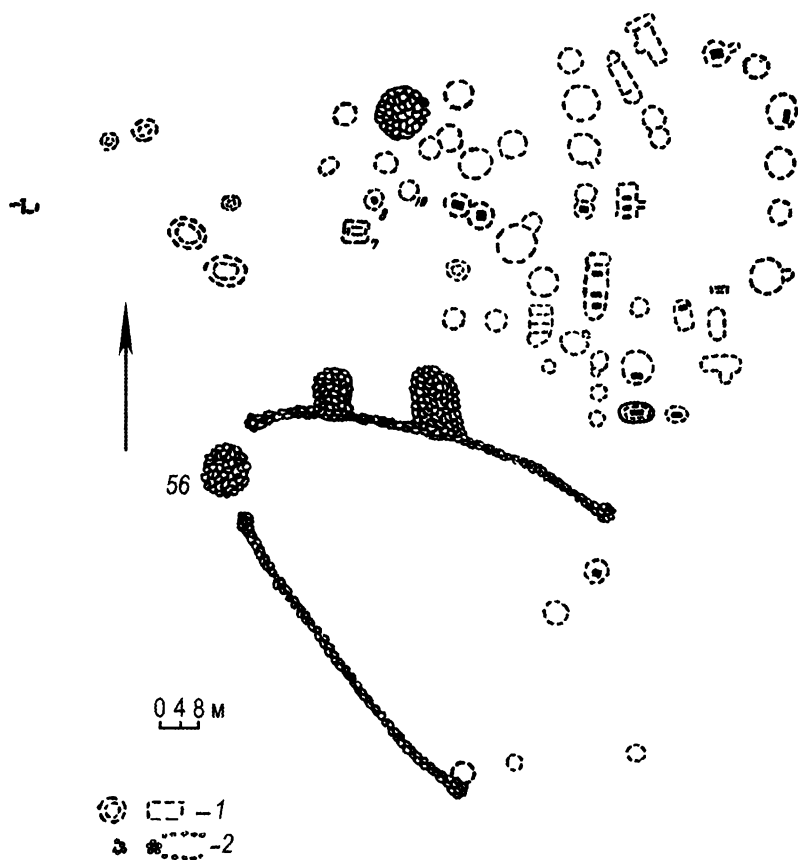

Рис. 61. План комплекса Былкылдак I в долине реки Талды-Нуры (по: [Маргулан и др., 1966. Рис. 35])

стороне обоих валов (рис. 52, 1) [Любчанский, Таиров, 1999. С. 7. Рис. 3].

Изгибы гряд-«усов», а также небольшие округлые или овальные площадки на них отмечены и в комплексах курганов с «усами» Центрального Казахстана – курган 56 Былкылдак I, курган 1 Сангуыр II, возможно курган 4 Егиз-Койтас (рис. 25; 54; 61).

В кургане 1 могильника Сангуыр II по всей длине «усов» были вкопаны с различными интервалами вертикальные камни [Кадырбаев, 1961. С. 49. Рис. 2]. Вертикально стоящие плоские каменные плиты на «усах» были и в кургане 1 могильника Кара-Бие. «Две такие плиты возвышались у начала каменных гряд на круглых выкладках. Длина их, исключая вкопанную часть, доходила до 1,5 м, ширина – 0,9 м и толщина – 0,3 м. По обеим грядам также были расположены вертикально стоящие плиты, но гораздо меньших размеров» [Кадырбаев, 1959а. С. 170]. Около восточного конца южного «уса» кургана в урочище Былкылдак (верховья р. Токрауна) поставлена стела высотой около 2,2 м и шириной 0,6 м. Две такие же стелы были поставлены на небольшом расстоянии от западных краев центрального кургана [Маргулан, 1949. С. 11].

В кургане Шедерты гряды были сложены из небольших, примыкающих друг к другу насыпей диаметром 2–2,5 м [Пересветов, 2001. С. 283].

Весьма своеобразна и конструкция «усов» кургана 1 Джанайдар (рис. 62). «Оказалось, что “усы” представляют собой коридорообразные строения, проложенные, начиная с концевых сооружений, из параллельно вкопанных на ребро каменных плит. Ширина между параллельно поставленными плитами 70–80 см. На всем протяжении стенки “усов” перегорожены поперечно поставленными каменными плитами на расстоянии друг от друга 1,2–1,5 м, что, по-видимому, придавало устойчивость “коридору”. Концевые сооружения как бы сообщались посредством такого символического «коридора», покрытого сверху также плитами» [Оразбаев, 1969. С. 180–182].

В Восточном Казахстане в кургане 1 Зевакино «в южной гряде прослеживается семь плотно примыкающих друг к другу округлых выкладок, сложенных из обломков гранита, белого кварца и серого сланца. Последняя выкладка в конце раздваивается, образуя как бы коридор-дорожку, свободную от камней. Аналогична по сооружению и северная гряда, однако очертания ее выкладок менее четки». В кургане 3 этого же могильника «северная гряда сложена из двух параллельных рядов камней, образующих как бы коридорообразное сооружение (рис. 5). На одном участке плиты стояли одна против другой на расстоянии 40 см

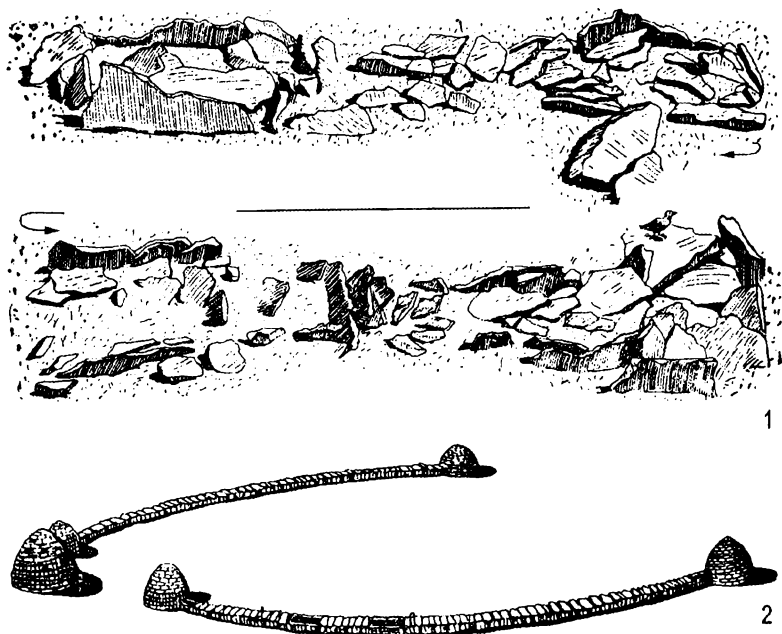

Рис. 62. Могильник Джанайдар. Комплекс кургана 1 с «усами». 1 – Детали в «усах» кургана (южный «ус»); 2 – реконструкция комплекса (по: [Оразбаев, 1969. Рис. 5, 7])

без перекрытия. Южный «ус» состоял из пяти овальных выкладок, примыкающих одна к другой». В кургане 1 Кызылтас южный «ус» также «состоит из пяти овальных выкладок, примыкающих друг к другу. Северный «ус» более монолитен, хотя в некоторых местах заметно значительное сужение, передающее, по-видимому, конструкцию каменной гряды» (рис. 53). Из отдельных выкладок состояли гряды-«усы» и в кургане 2 Кызылтас [Арсланова, 1975. С. 117, 120, 121].

Каменные гряды кургана с «усами» Новокондуровский I сложены в основном из двух пород – красного гранита и темно-зеленого туфо-базальта. Причем уложены они в определенной последовательности, как бы секторами: сектор из гранитов, сектор из туфо-базальтов. Длина секторов в «усах» не превышает 4–5 м. В «гранитных» секторах были зафиксированы удлиненные, как правило, до 0,8 м гранитные «стелы» или специально подготовленные углубления между камнями для таких «стел». Использовался, правда в ограниченном количестве, и темно-серый известняк – для создания площадки на окончании южной гряды.

При сооружении гряд кургана Суходол также использовались различные по цвету породы камня – гранит, кварц, сланец, габро, гипербазит. При расчистке гряд в ряде случаев замечено расположение камней одной породы компактной, почти однородной группой. Так, около 60 м гряды от западного конца северного «уса» выложены практически только гранитом. Преимущественно кварцем выложены концевые площадки южного «уса». Чередующиеся полосы однородных пород камня (кварц, сланец) длиной 6–9 м фиксируются в восточной половине северной гряды.

Следующим составным компонентом комплексов курганов с «усами» являются каменные оградки на началах и окончаниях гряд-«усов». В целом, конечно, можно говорить об их стандартности в размерах и формах, но все же они имеют свой индивидуальный набор характеристик.

Рассмотрим конструкции на началах и окончаниях гряд тех комплексов курганов с «усами», материалы исследований которых полностью опубликованы или доступны авторам.

В комплексе кургана с «усами» Солончанка IX сохранились все четыре вымостки (рис. 17, 3–5, 7). Развал каменной конструкции начала южной гряды-«уса» представлял собой подпрямоугольное сооружение размерами 7,0×6,5 м, а окончания – панцирное сооружение, сложенное из крупного плоского камня. На начале северного «уса» находилась каменная конструкция квадратной формы размерами 4×4 м, а на его окончании – каменная конструкция в виде равнобедренного треугольника с длиной основания 4 м и сторон по 5 м. В центре оградки на окончании северной гряды-«уса» под камнями была обнаружена лопаточная кость животного (возможно, козы или овцы), а под камнями западной части – небольшое скопление угля. В южной части оградки окончания южного «уса» выявлены фрагменты древесного угля.

Три из четырех выкладок на началах и окончаниях гряд комплекса Оленина Отнога имели квадратную или близкую к квадрату форму со сторонами 2–2,3 м (рис. 20, II, 4, 5, 7). Четвертая выкладка на начале северной гряды имела форму ромба со сторонами около 2 м (рис. 20, II, 3). Сооружены оградки из плоских камней среднего размера, уложенных в 1–2 слоя на древнюю дневную поверхность. Под камнями ничего не было.

Из четырех возможных сооружений на началах и окончаниях «усов» комплекса Новокундуровский I хорошо сохранились только два. Конструкция на начале южного «уса»-гряды полностью разрушена. От

нее сохранились только четыре крупных гранитных плиты, которые обозначали место соединения разрушенной ограды и самой гряды-«уса». Конструкция на начале северного «уса» вообще отсутствовала, и, скорее всего, она вообще не была предусмотрена «архитектурным планом» сооружения. Поэтому строители обозначили ее небольшим каплевидным расширением шириной от 3,6 до 4,5 м, сложенным из камней малых и средних размеров. Окончание северной гряды-«уса» представляло собой каменную подпрямоугольную (или почти квадратную) конструкцию размерами 6,0×5,5 м, ориентированную сторонами по линии ВЮВ–ЗСЗ. Сложена она из базальтовых камней средних и мелких размеров. Причем самые крупные и массивные из них находились к западу-юго-западу от центра конструкции. В центральной ее части расчищены два больших удлиненных камня, лежащих в 0,3–0,4 м от двух неглубоких ямок между камнями кладки. Возможно, первоначально камни были поставлены вертикально в эти ямки. Остальные камни конструкции уложены горизонтально в два слоя на древнюю дневную поверхность. Причем между слоями камней находится слой базальтовой «крошки» – мелко дробленого базальта. После расчистки всей конструкции и удаления развалов камня сооружение приобрело форму подпрямоугольной площадки размерами 4,5×4,0 м. Конструкция окончания южной гряды менее мощная, нежели предыдущая. Сложена она в основном из камней средних размеров в два слоя. Фундамент конструкции представлен плоскими гранитными блоками, уложенными на древнюю дневную поверхность и очерчивающими квадратную площадку размерами 3,5×3,5 м. В центре площадки обнаружено углубление в камнях размерами 0,2×0,3 м, в котором, возможно, стоял стеловидный камень, обнаруженный в 7 м от раскопа на пашне.

В кургане Султантимировский на северном окончании восточного «уса» выявлена площадка подквадратной формы с длиной сторон около 2 м, ориентированная по сторонам света. Плитняковые камни размерами в среднем 30–40 см были уложены в два слоя на дневную поверхность. В центре площадки находилась стеловидная каменная плита длиной 1,2 м, шириной около 0,4 м. После удаления камней на уровне материка в центре площадки выявлено углубление подпрямоугольной формы размерами 30×50 см и глубиной 30 см (рис. 37, 3). Видимо, каменная стела при сооружении комплекса была вкопана и первоначально находилась в вертикальном положении. Размеры площадки на окончании западного «уса» 1,9–2,0 м. Ориентирована она по сторонам света (рис. 37, 4). В отличие от площадки восточного «уса» здесь каменная стела

отсутствовала и нарушения материкового слоя не зафиксировано. Находки отсутствовали [Сунгатов, 2003. С. 216, 217].

Две каменные плиты возвышались у начала каменных гряд на круглых выкладках в комплексе кургана 1 Кара-Бие [Кадырбаев, 1959а. С. 170]. На конце правого «уса» кургана Беркутты выявлена слабо заметная несомкнутая кольцевая оградка диаметром 5 м. Кольцевая оградка диаметром 6 м и высотой 0,2 м находилась и на конце левого «уса» этого же комплекса. Ширина каменной стенки кольца, состоящей из булыжника, в некоторых местах достигала 1,6 м. В центре кольца имелся завал из камней, под которым выявлена яма с опущенным в нее каменным ящиком. На дне ящика находились остатки взнузданной лошади и жертвенной овцы [Ахинжанов, 1977. С. 77, 78].

После снятия дерна с каменных насыпей округлой формы диаметром 4 м и высотой 0,2 м на концах «усов» кургана Батыр-Булак обнаружилось, что камни лежат в один слой в коричневом суглинке и образуют овальную выкладку, вытянутую по линии ССЗ–ЮЮВ [Усманова, 1987. С. 100].

В кургане 1 Джанайдар, отмечает А. М. Оразбаев, «...при раскопке концевых круглых сооружений курганного типа нам удалось обнаружить, что концевые завалы “усов” не просто набросок камней, а представляют собой определенные сооружения, выложенные из плиточных камней в форме неправильного круга. Толщина стен сооружения 50–60 см. По нашим наблюдениям, стены сооружения с восточной стороны на расстоянии 80–90 см не смыкались, образуя как бы вход или выход из него в так называемые “усы”... Если сделать реконструкцию, т. е. сложить все камни, которые лежали на концах “усов” в виде завала курганного типа, то получается, что концевые завалы в свое время представляли сооружения неправильной круглой формы, выложенные из каменных плит, с выходом на восток, “в коридор” (рис. 61, 2). Диаметр их около 3 м, высота 1,2–1,3 м. Возможно, верх этих сооружений имел сводчатую форму...» [Оразбаев, 1969. С. 180–182].

Рассмотрение доступных материалов по каменным выкладкам в начале и в конце каменных гряд позволяет говорить не только об их индивидуальных чертах, но и об общих закономерностях их устройства, к которым можно отнести следующие: во-первых, геометрию формы фундаментов площадок (прямоугольник, квадрат). Во-вторых, все конструкции имеют два ряда камней, которые образуют их насыпь; в-третьих, на всех оконечностях гряд зафиксированы стоящие либо лежащие крупные стеловидные камни, или места, где они могли быть установлены.

Таковы основные конструктивные и архитектурные особенности комплексов курганов с «усами», прослеживаемые на основании доступных нам материалов. Эти особенности, с нашей точки зрения, являются весьма важными элементами не только в реконструкции самого культового комплекса курганов с «усами», но и в плане объединения их с памятниками, ранее охарактеризованными как комплексы селенташского типа [Боталов, 1996. С. 148–158].

§2. Памятники селенташского типа

На сегодняшний день на территории Южного Зауралья, Западного и Центрального Казахстана исследовано 14 курганов селенташского типа.

Александровские курганы, курган 1 (рис. 63, 1–4). Диаметр 8 м, высота 0,24 м. Насыпь, сложенная из камня, имела шестигранную форму. На уровне погребенной почвы обнаружены уголь, кальцинированные кости, кости лошади и два сосуда в восточном и северо-восточном секторах кургана.

Курган 2 (рис. 63, 5–7). Диаметр 6,5 м, высота 0,4 м. Насыпь, сложенная из камня, имела овальную форму. В северо-восточной части подкурганной площадки выявлено углубление прямоугольной формы, размером 60×50 см и глубиной до 10 см, ориентированное по линии СЗ–ЮВ. На уровне погребенной почвы обнаружены уголь, кальцинированные кости, а в северной части подкурганной площадки – сосуд.

Могильник Елантау, курган 4 (рис. 64). Насыпь округлой формы, диаметром до 8 м. На поверхности насыпи – овальная впадина 3,5×1,5 м, глубиной до 0,15 м. На глубине 0,2 м по краю насыпи расчищена каменная ограда, имеющая разрывы в юго-западном и юго-восточном секторах. На уровне погребенной почвы в центре насыпи найдены колчанная петля, геральдическая и бисердцевидная накладка (рис. 64, 1–3), челюсти и кости лошади. Здесь же обнаружены кальцинированные кости, следы прокала, зола и угли. По центру кургана зафиксировано углубление размером 0,7×0,3 м, ориентированное по линии СЗ–ЮВ.

Могильник Крутой Овраг, курган 2 (рис. 65, I). Насыпь прямоугольной формы сложена из земли и камня, размеры 7×4,7 м, высота 0,3 м, ориентирована по сторонам света. В восточной и северо-восточной части насыпи найдены фрагменты сосуда баночной формы (рис. 65, I).

Курган 3 (рис. 65, II). Насыпь сложена из камня, размеры 2,5×3 м, высота 0,4 м. В центральной и западной части насыпи найден сосуд баночной формы.

Курган 4 (рис. 65, III, IV). Насыпь сложена из земли и камня, оваль-

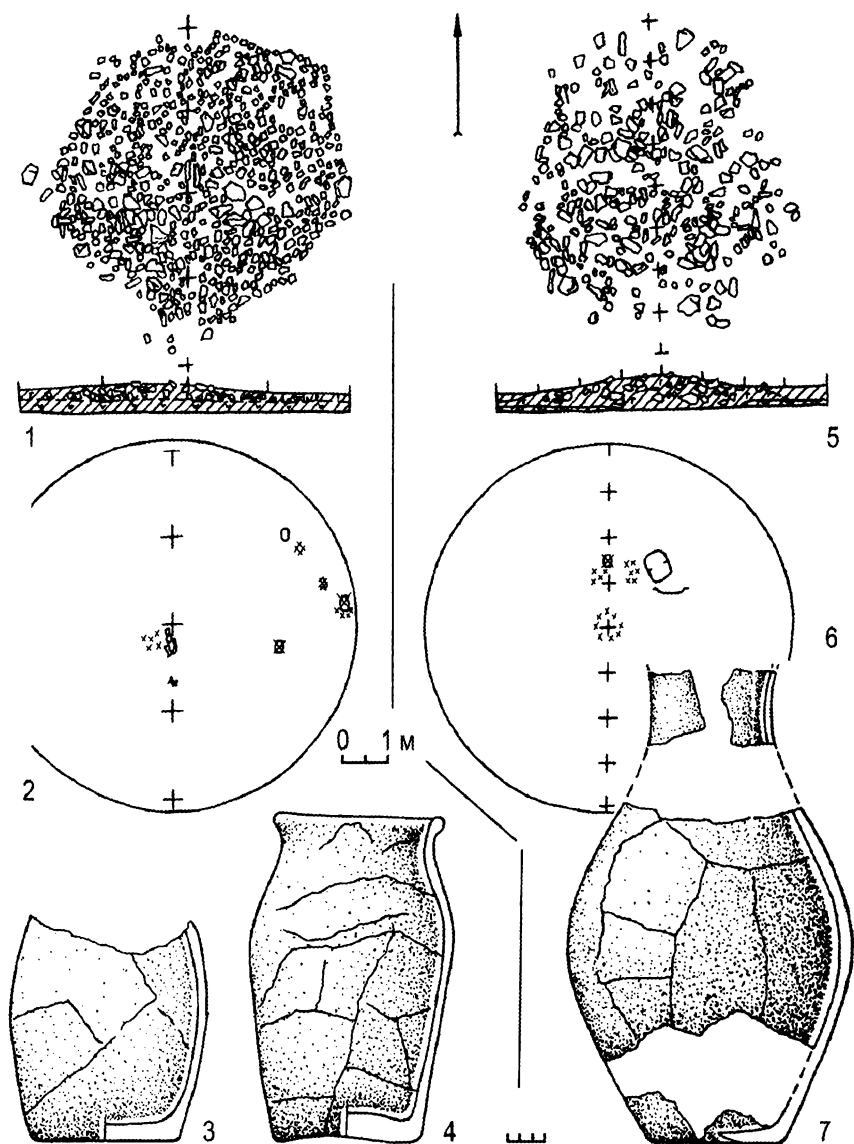

Рис. 63. Александровские курганы. 1-4 - курган 1; 5-7 - курган 2: 3, 4, 7 - керамика

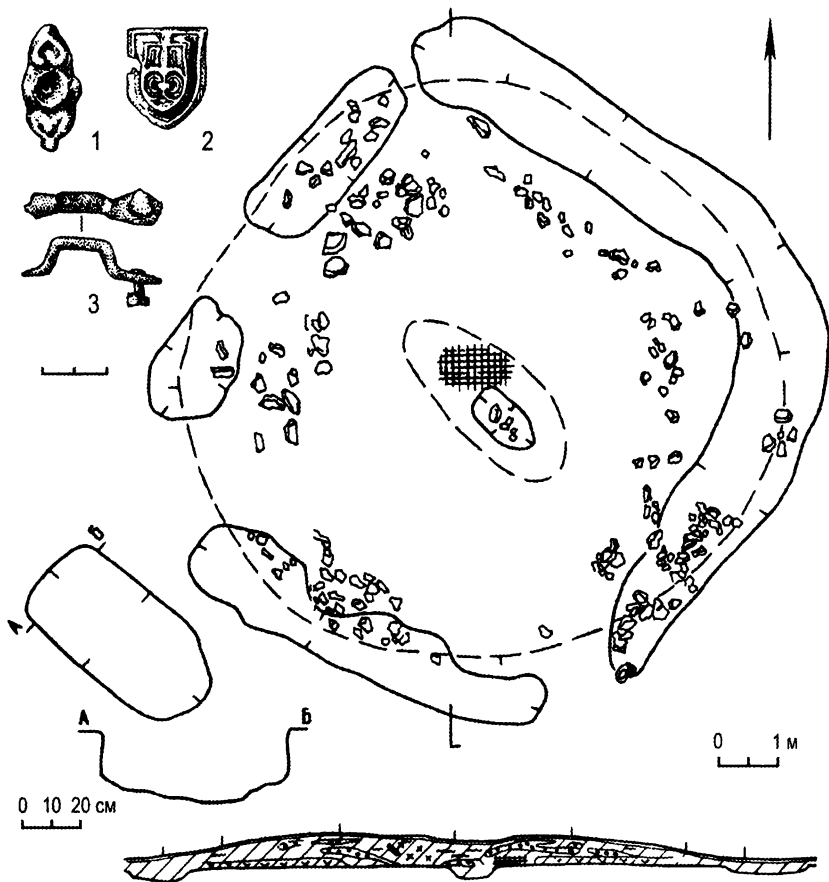

Рис. 64. Могильник Елантау, курган 4. Общий план и разрез. Инвентарь: 1 – бронза; 2 – бронза, золото; 3 – железо

ной формы, вытянута с севера на юг, размер 9×13 м, высота 0,2 м. В центре подкурганной площадки выявлены остатки обгорелой деревянной конструкции. На уровне погребенной почвы найдены железные черенковый наконечник и пряжка.

Курган 5. Насыпь сложена из камня, размер $2 \times 2,5$ м, высота 0,15 м. В центре расчищено безынвентарное детское погребение, ориентированное по линии СВ–ЮЗ.

Могильник Селенташ, курган 4 (рис. 66, I). Диаметр 14,8 м, высота 0,25 м. При снятии дерна обнаружена каменная ограда подпрямо-

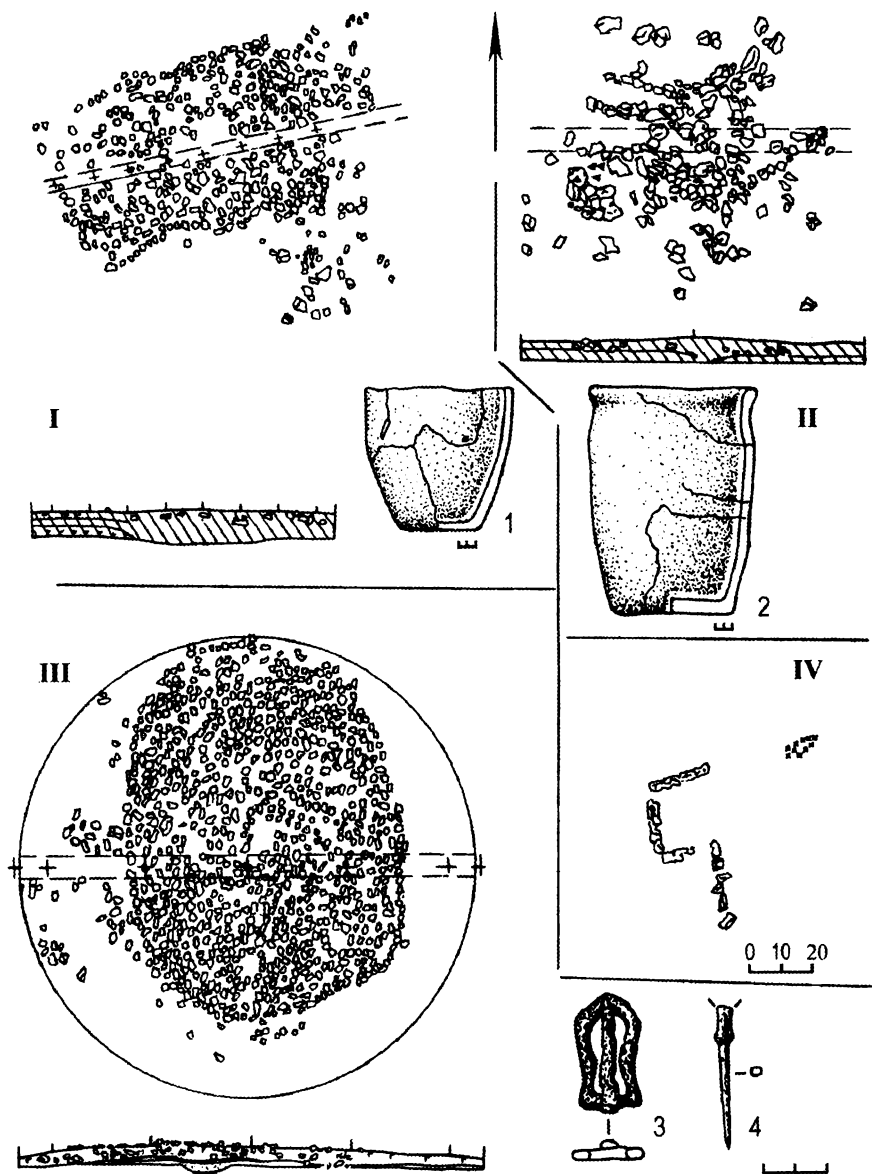

Рис. 65. Могилиник Крутой Овраг. I – курган 2; II – курган 3; III – курган 4; IV – план расположения деревянной конструкции кургана 4. 1, 2 – керамика; 3, 4 – железо

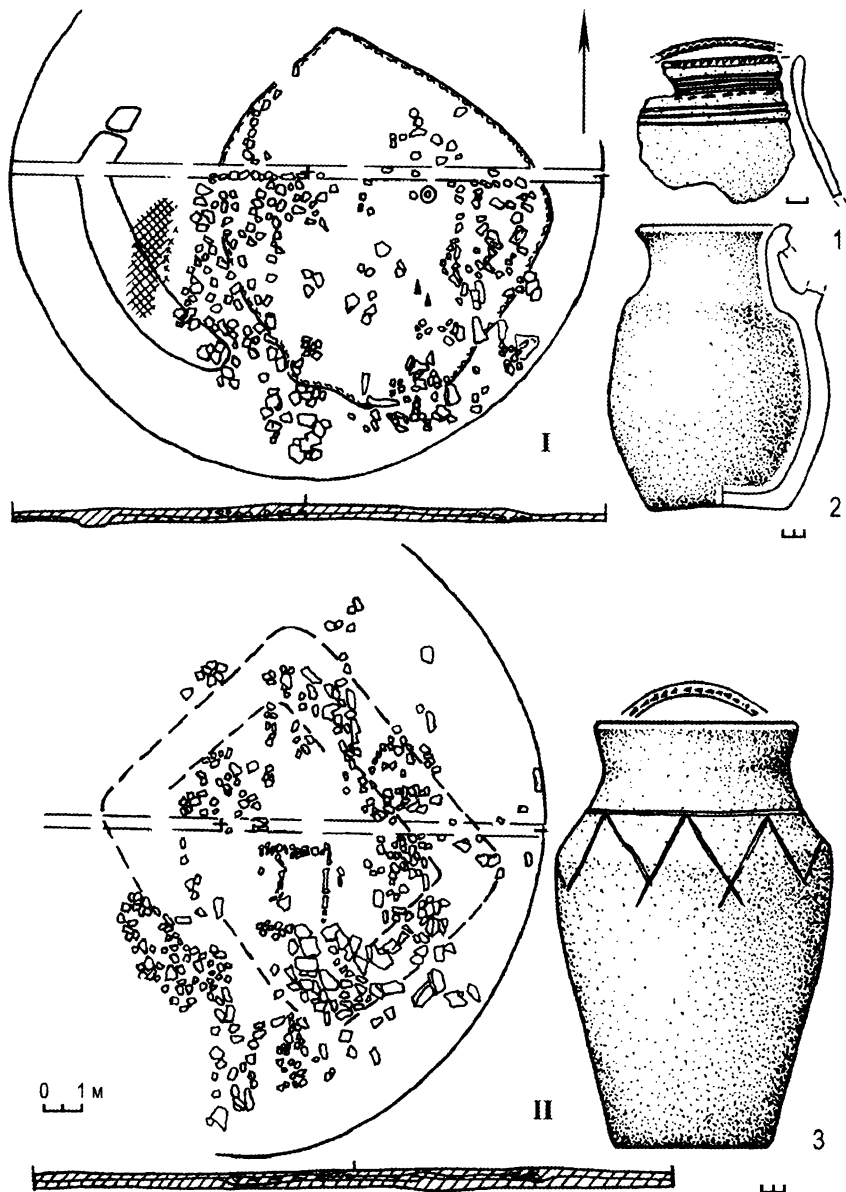

Рис. 66. Могильник Селенташ. I – курган 4; II – курган 5. 1–3 – керамика

угольной формы размером 8×6,5 м, ориентированная по линии СВ–ЮЗ. В центре, со смещением в восточный сектор, подкурганной площадки в слое зольника расчищен жертвенник из костей барана и лошади. В 0,5 м к югу от него найден красноглиняный гончарный кувшин. В насыпи встречены фрагменты лепного сосуда, орнаментированного по шейке горизонтальными прочерченными линиями.

Курган 5 (рис. 66, II). Диаметр 16, высота 0,3 м. Под дерном расчищена конструкция в виде подпрямоугольной ограды размерами 7,5×5,5 м, ориентированной углами по сторонам света. По внешнему краю ограды прослежен неглубокий прямоугольный в плане ровик. В центре насыпи найдены кости лошади и лежащие рядом с ними камни, представляющие макет лошади. В северо-восточном секторе подкурганной площадки в небольшом углублении расчищен большой вазообразный сосуд с косым зигзагом по плечу и насечками по венчику.

Курган 8. Насыпь сложена из земли и камня, диаметр ее 6 м, высота 0,3 м. На погребенной почве найдены кости человека и лошади.

Могильник Кызыл-Жар расположен в окрестностях города Лисаковска, на правом берегу реки Тобол, недалеко от скалы, называемой Кызыл-Жар.

Курган 1. Насыпь в виде округлой вымостки-оградки, диаметром 6 м, с шириной кольца 1–2,5 м. Высота ее достигала 0,7 м. Насыпь сложена из камней средних размеров.

После снятия дерна обнажился каменный «панцирь» шестигранной формы (рис. 22, II). Размеры колотых камней варьируют от 20×30 до 30×50 см. Уложены они плотно, только в центральной части кургана наблюдался небольшой провал размером 1,8×1 м, в котором камни отсутствовали. После снятия насыпи в северо-восточном секторе подкурганной площадки, непосредственно за линией развала камней обнаружен сосуд (рис. 22, II, 1), врытый в материк на глубину 20 см. В юго-западном секторе площадки, ближе к центральной части кургана, под камнями на глубине 20 см расчищена вытянутая по линии север-юг выкладка из костей лошади (?): крестец, лопатки и ребра.

Сосуд крупных размеров (высота 32,5 см) горшечной формы, с раздутым в области плеч туловом и отогнутой шейкой, изготовлен из грубого теста с примесью дресвы [Боталов, 1996. С. 148–152].

Могильник Восточно-Курайлинский II. Актюбинская область Республики Казахстан, правый берег реки Илек

Курган 2, исследованный В. А. Ивановым, представлял собой небольшую округлую каменную вымостку диаметром 5 м, высотой

5 см (рис. 16, II). В центре ее находилась могильная яма размерами 1,05×2,1 м, глубиной 0,70 м, ориентированная по линии З–В. В северо-восточном секторе подкурганной площадки на уровне древней дневной поверхности найдены фрагменты сосуда (рис. 16, II, 2), дерево и кость барана. В заполнении ямы обнаружены фрагменты от этого же сосуда и кости человека.

Курган 3, исследованный С. Ю. Гуцаловым, представлял собой каменную ограду подовальной формы размерами 2×3 м, ориентированную по линии З–В (рис. 67, 1). Под камнями ограды обнаружены обломки костяного двудырчатого псалия и железных удил (рис. 67, 3, 4). Ограда, вероятнее всего, была сооружена на грунтовой кургане, относящемся к гунно-сарматскому времени. Под насыпью этого кургана обнаружено разграбленное погребение в узкой подбойной подпрямоугольной яме 0,5×1,8 м (рис. 67, 2). Судя по расположению остатков скелета, погребенный был ориентирован головой на С [Боталов, Гуцалов, 2000. С. 79. Рис. 27, III].

Вероятнее всего к этой группе памятников можно отнести часть сооружения **в могильнике Измайловка ограда 9**, исследованном в зоне Шульбинской ГЭС [Археологические памятники..., 1987. С. 66–68. Рис. 29]. Здесь над каменным ящиком бегазы-дандыбаевской культуры на современной поверхности была сооружена каменная ограда подпрямоугольной формы, сохранившиеся северная и восточная стенки которой достигали 2,4×2,8 м (рис. 15, 1). В северо-восточном углу ее, почти на поверхности, обнаружен вкопанный в землю высокий вазообразный сосуд, верх кото-

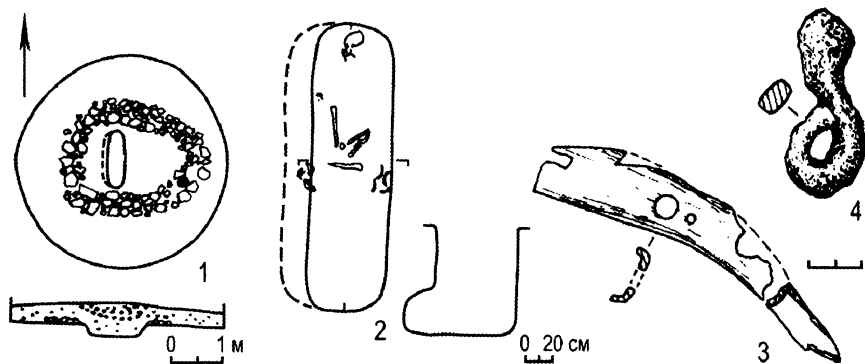

Рис. 67. Могильник Восточно-Курайлинский II, курган 3. 1 – план и разрез кургана; 2 – план и разрез могильной ямы; 3 – костяной псалий; 4 – фрагмент железных удил

рого был отбит, так как возвышался над поверхностью. Сосуд (рис. 15, 5) имел сосцевидные налесты на уровне плеча и прочерченный зигзагообразный орнамент в нижней части шейки.

Таким образом, насыпи курганов селенташского типа имеют шестигранную (Александровские, курган 1; Кызыл-Жар, курган 1), подпрямоугольную, оконтуренную ровиком (Елантау, курган 4; Селенташ, курган 5), а также овальную или округлую (Восточно-Курайлинский II, курганы 2 и 3; Александровские, курган 2; Селенташ, курган 4; Крутой овраг, курган 4) форму. Кости лошади и барана (в сочленении или разрозненные) находятся в центральной части подкурганной площадки. В одном случае (Селенташ, курган 5) зафиксирован макет лошади в виде шкуры, полость которой заполнена камнем. В центральной части подкурганной площадки выявлены также прокалы и продукты горения. В семи случаях из десяти целые сосуды или их развалы находились в небольшом углублении в материке в северо-восточном секторе подкурганной площадки. В двух случаях фрагменты керамики были найдены в центральной и восточной частях насыпи, а в одном (Александровские, курган 2) сосуд был вкопан в северном секторе подкурганной площадки. Вещевой инвентарь помимо керамики не богат и представлен предметами конской упряжи, вооружения и поясной гарнитуры. Находился он, как правило, в центре площадки вместе с продуктами горения.

Приведенные описания позволяют прийти к выводу, что селенташские памятники представляют собой сооружения, по основным своим признакам повторяющие вариации конструкций, присущих центральным курганам комплексов курганов с «усами». Отличительной же особенностью их является отсутствие гряд-«усов». Данное обстоятельство позволяет, на наш взгляд, рассматривать комплексы курганов с «усами» и памятники селенташского типа в едином культурно-хронологическом аспекте.

Глава III

ВЕЩЕВОЙ ИНВЕНТАРЬ КУРГАНОВ С «УСАМИ» И ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Предметы вооружения представлены железными наконечниками стрел, костяными накладками на лук, двумя кинжалами и двумя железными наконечниками копий.

Наконечники стрел железные, трехлопастные, ромбические, с коротким, утончающимся к низу черенком обнаружены в комплексах Городищенский IX; Султантимировский I; Коктал; кургана 1, Зевакино; Солончанка I (рис. 18, 1; 37, 11–13; 41; 43, 8; 52, 18, 24, 26). Такие наконечники широко представлены в кочевнических комплексах, датированных от рубежа эр и вплоть до конца первого тысячелетия [Худяков, 1986. С. 215. Рис. 96]. Наиболее ранние из них встречены в комплексах I в. до н. э. – I в. н. э. Западной Монголии, Южного Забайкалья и Алтая (Ильмовая Падь, могилы 53, 54; Черемуховая Падь, могила 49; Ноин-Улы; Тэбт-Улы, могила 2; Кокэльский могильник; Хара-Дог-Бажи, погребение 1 и др.) [Коновалов, 1976. Табл. I, 1; II, 20, 28; Худяков, 1986. Рис. 5, 7–9; 25, 12, 20, 28; Вайнштейн, 1970. Рис. 29, 10; 40, 6; 42, 8]. В период существования позднесарматской культуры и особенно в период раннего средневековья этот тип наконечников получает распространение в Южном Приуралье (погребение Кызыл-Адыр), Нижнем Поволжье (курган 17 у города Покровска; курган 4, погребение 2 у села Владимирское и др.) и южнорусских степях (курган 8, погребение 2 в урочище Кубей; погребение у села Новая Маячка; могилы VIII, IX у села Новогригорьевка) [Засецкая, 1994. Табл. 3, 2–6; 5, 3–5, 7; 9, 8; 31, 2; 31, 3; 35, 2; 35, 4; 37, 1–5; 47, 6]. Наиболее поздние экземпляры подобных наконечников встречены в алтайских памятниках кыргызского круга (Гилево IV, VII, XII; Караболиха II, X), где они датируются в рамках IX–XI вв. [Могильников, 2002. С. 124. Рис. 32, 1, 2; 37, 4, 5; 82, 2–4; 142, 9, 10; 190, 7–9].

Крупный, трехлопастной наконечник стрелы из кургана 3 Ижев-

ского-2 могильника (рис. 48, 6) имеет утяжеленную концевую часть и прямосрезанные лопасти. Наконечники такой формы встречены в комплексах Южной Сибири VII–X вв. [Худяков, 1986. Рис. 63, 11, 12; 71]. На западе подобные им появляются в раннеболгарских памятниках Самарской Луки (Брусяны II; Брусяны IV, курган 2; Шиловский, курган 1, погребение 1), где датируются VIII–IX вв. [Багаутдинов и др., 1998. С. 166. Табл. VII, 15; XLV, 1–3; LXIX, 3–6, LXXIII, 7, 8].

Плоские и двухлопастные наконечники стрел из кургана Городищенский IX и кургана 1 Зевакино (рис. 18, 2; 43, 7) имеют широкий диапазон бытования – от V до XIII века.

Таким образом, из приведенного перечня аналогий следует, что наборы стрел из колчанов, обнаруженных в курганах с «усами», имели довольно широкое в хронологическом и пространственном смысле хождение. Попытаемся установить, когда наиболее вероятно появление эти колчаных наборов в урало-казахстанских степях.

В гунно-сарматский период среди железных наконечников на данной территории наиболее распространенными были трехлопастные с прямо или под углом срезанными нижними концами лопастей. Хотя в единичных случаях встречены и трехлопастные ромбические наконечники [Мошкова, 1989. Табл. 81, 40, 41]. Надо отметить, что удельный вес этой категории инвентаря среди предметов вооружения гунно-сарматского времени невысок. В комплексах курганов с «усами», а также в восточноевропейских кочевнических памятниках конца V–VII вв. (Новогригорьевка, курганы VIII, IX; Новая Маячка; Кызыл-Адыр; Ровное, курган 42; Покровка, курган 17; Федоровка; Владимирское; Шипово, курганы 2, 3; Кубей) [Засецкая, 1994] количество наконечников этого типа резко возрастает, что приводит к их абсолютному преобладанию. Этот тип наконечников является наиболее распространенным и среди материалов погребальных комплексов джетысарской культуры [Левина, 1996. С. 287. Рис. 92, 21, 24, 26, 35–52, 56–68], датируемых в основном концом V–VIII вв.

Отсюда следует предположение, что рассматриваемый тип наконечников появляется в урало-казахстанских степях, вероятно, в конце IV в. и существует здесь до VIII в. После чего ему на смену приходят другие типы наконечников: двухлопастные, боеголовые, томары и др. (Нуриновское, Бобровский, Ата II) [Боталов, Ткачев, 1990; Арсланова, 1969; Гуцалов, 1993. Рис. 2, 21, 22].

Наиболее близкими восточными параллелями рассматриваемой группе наконечников (трехлопастных ромбических и ярусных) являются

ся наконечники из могильника Кокэль, а также из алтайских комплексов гунно-сарматского времени (Кок-Паш, Булан-Коба) [Васютин и др., 1985. Рис. 3, 4; Глоба, 1983. Табл. V, 3; Das Gräberfeld..., 1984. Abb. 20, B1, D2, g2, 3; 22, D3; 23, F2; 25, B2; 28, g5; j 4, 6, 7; 29, D4, 5; 30, D5, 6; 33, D2–6; 35, A2–6; 41, A1–3, L1, 2; 42, D1–4; 43, C1–4]. Эта параллель явно не случайна, на что указывает схожесть еще одной категории вещевого инвентаря, обнаруженного вместе с колчанами, содержащими трехлопастные ромбические и ярусные наконечники. Речь идет о **колчаных крюках** с петлевидным щитком для подвязывания и «Т»-образной изогнутой нижней частью. В урало-казахстанских степях они найдены в кургане с «усами» Султантими́ровский (рис. 37, 6) и в пещерном погребении Кызыл-Адыр. Такие же крюки обнаружены и в комплексах Восточной Европы – Кубей, курган 8, погребение 2 и Новогригорьевка, могила VIII [Засецкая, 1994. Табл. 5, 12; 46, 19]. Создается впечатление, что эти предметы являются своеобразной категорией инвентаря, маркирующей памятники раннетюркского круга. В подавляющем большинстве они известны среди предтюркских и раннетюркских памятников Алтая и Тувы – Балыктыюльский, Кок-паш, Бай-Тайга, Кокэль [Васютин и др., 1985. Рис. 6, 29, 30; 3, 30; Сорокин, 1977. Рис. 5, 6; Das Gräberfeld..., 1984. Abb. 26, 10; 35, B8; C2; 38, A10–12]. В VIII веке именно этот тип колчаных крюков наиболее массово появляется в раннеболгарских памятниках Поволжья [Багаутдинов и др., 1998. Рис. 26].

Учитывая современную тенденцию к омоложению средневековых древностей (кокпашские памятники сегодня предложено датировать в рамках III–VI вв, а кокэльские – не ранее V века [Вадецкая, 1999. С. 127]), можно предположить, что колчаны, содержащие стрелы с трехлопастными ромбическими и ярусными наконечниками и крепившиеся с помощью «Т»-образных колчаных крюков с петлевидным ушком, попадали в урало-казахстанские и восточноевропейские степи, очевидно, с территории Саяно-Алтая, скорее всего, не ранее V века и бытовали здесь вплоть до VIII–IX вв.

Костяные накладки сложносоставного лука найдены в кургане 1 могильника Зевакино и в комплексе Солончанка I. Концевые накладки одного типа: со слегка закругленными концами, с округлой прорезью для тетивы, отполированной лицевой стороной. По заостренному краю лицевой стороны нанесен елочный орнамент. Судя по обработке оборотной стороны накладок, они крепились к основанию лука на какую-то клеевую основу (рис. 43, 3–6). Срединные накладки трапециевидной формы обнаружены в комплексе Солончанка I (рис. 52, 31) и кургане 1

Зевакино. В последнем случае в комплект срединных накладок помимо двух трапециевидных входила узкая прямая пластина с расширяющимися концами (рис. 43, 1, 2).

Сложносоставной лук «гуннского» типа появляется в Центральной Азии на рубеже III–II вв. до н. э. и постепенно начинает распространяться на запад, охватывая все большие пространства. За шесть-семь веков он достигает западных районов Альфельда и господствует в евразийских степях вплоть до момента смены его луком «монгольского» типа. Однако, если исходить из археологического материала, сложносоставные луки наибольшее распространение получают у народов Центральной Азии, Северного Казахстана, Средней Азии. В степях юга России, Поволжья и Урала они встречаются редко. Наиболее близкие аналогии накладкам из комплекса кургана с «усами» Солончанка I обнаружены на востоке, в памятниках хуннского и постхуннского времени, которые датируются I–IV вв. н. э. (могильники – Ильмовая Падь, могила 51; Черемуховая Падь, могила 61; Сул-Толгой, могила 1; Кокэльский, курган 1, могила 46, погребение 2; курган 26, могила 8; курган 66; Большой Берельский курган 2), и V – начало VI вв. н. э. (курган 2 Берельского могильника) [Худяков, 1986. Рис. 2, 15; 57, 3; 21, 4, 5; 3, 1, 2; 22, 7; Цэвээндорж, 1985; Das Gräberfeld., 1984; Сорокин, 1969. Рис. 22, 6, 7]. Составные части сложносоставного лука по приведенным аналогиям целесообразно соотнести с так называемым «кокэльским» луком типа 3 по Ю. С. Худякову [Худяков, 1986]. Подобные накладки появляются в I – начале II в. н. э. в памятниках Северного Казахстана (могильник Жабай-Покровка, погребение 32; урочище Саргары, курган 3) [Хабдулина, 1994. С. 121–122]. В период I–IV вв. н. э. накладки, особенно концевые, аналогичные накладкам лука из комплекса Солончанка I, входят составным элементом в формирующиеся луки «кенкольского» типа и известны в Киргизии (могильники Акчий-Карасу, Джал-Арык, Торкен), в Казахстане (Кзыл-Койнар-Тобе) и даже в Ташкентском оазисе (поселение Ак-Тобе 2) [Кожомбердиев, Худяков, 1987. С. 79. Рис. 1, 1, 3, 4, 6; Хазанов, 1966. Рис. 4]. Единичные экземпляры составных частей подобных луков обнаруживаются в могильниках среднесарматской и позднесарматской культур Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (Суловский могильник, курган 51) [Рыков, 1925].

Наиболее полный экземпляр сложносоставного лука «гуннского» типа, накладки которого по своим характеристикам близки накладкам из комплекса кургана с «усами» Солончанка I, был найден в пещерном погребении V в. н. э. у села Кызыл-Адыр Оренбургской области [Засец-

кая, 1982. С. 54–77. Рис. 4, 7; 1994. Табл. 36]. Несколько накладок плохой сохранности происходят из курганов с сожжением у города Покровска (курганы 17 и 18), датируемых V – началом VI вв. н. э. [Степи Евразии..., 1981. Рис. 5, 26, 27; Минаева, 1927. С. 91–94. Табл. I–III].

Все перечисленные выше аналогии подтверждают мысль о том, что сложносоставной лук «гуннского» типа широко был распространен на территории евразийских степей. Однако необходимо сделать уточнение. Дошедшие до нас остатки луков из памятников Поволжья, Южного Приуралья и Зауралья, Средней Азии и Центрального Казахстана относятся к поздним сложносоставным лукам III и IV типов (по Ю. С. Худякову), период существования которых соответствует позднехуннскому времени Центральной Азии и эпохе «Великого переселения народов» в Европе, то есть укладывается в рамки V – начало VI вв. н. э.

Наконечники копий (2 экз.) железные с характерной массивной конусовидной втулкой, ланцетовидным (Коктал) (рис. 41) или с узким (Ниже-Давлетовский) пером (рис. 20, I, 4). Такие наконечники хорошо известны в раннеболгарских памятниках Самарской Луки, где они являются типом вооружения маркирующим памятники раннетюркского круга VIII–IX вв. [Багаутдинов и др., 1998. С. 114. Рис. 24, 1–5]. В Южной Сибири такие типы копий утверждаются в тюркскую эпоху VI–VIII вв. [Худяков, 1996. Рис. 99].

Кинжалы (2 экз.). Один из них со слегка изогнутой спинкой без перекрестия найден в кургане 1 могильника Зевакино (рис. 43, 13). Второй кинжал (короткий палаш) с клиновидным лезвием, прямым перекрестием и короткой заостряющейся кверху рукоятью обнаружен в кургане 3 могильника Ижевский-2 (рис. 48, 1). Сохранность зевакинского кинжала не позволяет привести ему какие-либо параллели, что же касается ижевского экземпляра, то подобные кинжалы-палаши появляются в Южной Сибири в раннетюркских комплексах VI–VIII вв. [Худяков, 1986. С. 220]. Прямой аналогией ему является короткий палаш из могилы Монгун-Тайгам (Западная Тува) (MT-57-A-49), датируемый VI–VII вв. [Früh-und hochmittelalterliche..., 1982. P. 55. Abb. 4, 4].

К **предметам конской узды** относятся удила (6 экз.). В основном это односоставные кольчатые удила с круглыми отверстиями для поводов (Канаттас, курган 19; Коктал) (рис. 31, 3; 41), однако встречены экземпляры с дополнительными квадратными петлями на концах колец удил (Беркутты, Султантимировский) (рис. 24, 1; 37, 7) со стержневым псалием с одной стороны (Солончанка I, курганы 1 и 3) (Любчанский, Таиров, 1999. Рис. 8, А; 13). Подобные типы удил имели весьма широкое

хождение в кочевнических комплексах и поэтому не могут выступать хронологическим показателем.

Подпружные пряжки. Железные безщитковые пряжки, найденные в комплексах курганов с «усами», имеют трапециевидную (Беркутты) (рис. 24, 2), овальную (Солончанка I) (рис. 52, 22) или восьмиугольную (кургана 4, могильник Крутой Овраг) (рис. 65, III, 4) форму. Из кургана 3 могильника Ижевский-2 происходит железная пряжка «с язычком на вертлюге» подквадратной формы (рис. 48, 2). Вероятно такая же пряжка найдена в кургане 3 могильника Кызыл-Жар. Пряжки этой формы в кочевнических материалах Саяно-Алтая датируются VIII–IX вв. [Овчинникова, 1990. С. 121. Рис. 49, 22–29; Früh-und hochmittelalterliche., 1982. Abb. 18, 46, 47]. В кургане 19 могильника Канаттас найдена костяная подпружная пряжка с «Т»-образным вырезом для язычка и округловым краем в завершении дужки (рис. 31, 1). В саяно-алтайских древностях и в материалах Казахстана такие пряжки датируются VI–VII вв. [Овчинникова, 1990. С. 116. Рис. 48, 21, 24].

К элементам конской сбруи относятся также предметы ременной гарнитуры из кургана 1 комплекса Солончанка I, в частности три серебряные литые пряжки (рис. 52, 19–21). У них круглая или овальная рамка и треугольно-ромбический или усеченно-листовидный щиток, выполненный в виде узкой серебряной полоски, соединенной с основанием рамки путем перегиба основания. К ремню щиток крепился при помощи одного серебряного штифта, вклепанного в центр щитка. Язычок пряжек подвижный, хоботковидный, украшенный у основания и на конце рисками или «бордюриком». Прямых аналогий этим пряжкам не найдено. Но, тщательно изучив способ крепления составляющих пряжек и сравнив их с имеющимися классификациями В. Б. Ковалевской и А. В. Богачева, мы пришли к выводу, что эти серебряные пряжки все же имеют достаточно конкретные хронологические рамки. Они очень близки пряжкам из могильников Бирского и Цибельды. По мнению В. Б. Ковалевской, такой тип пряжек, особенно если они изготовлены из благородного металла, бытует в основном в IV в. н.э., но продолжает существовать и в V–VI вв. н.э. [Ковалевская, 1979. Табл. I, 15, 16]. Подобные пряжки из Тураевского могильника А. В. Богачев синхронизирует с V – первой половиной VI вв. н.э. [Богачев, 1992. С. 192].

К **узденному набору** отнесены и найденные в кургане 1 Солончанки I вместе с пряжками четыре наконечника ремней (рис. 52, 23, 25). Все изделия относятся к одному типу (признак I, 27) по форме контура наконечника [Богачев, 1992. С. 93]. Аналоги таким наконечникам, причем

очень точные, встречаются в памятниках всего степного массива Евразии. Прямые аналоги этим наконечникам находим в Южном Зауралье, в Друженском могильнике конца IV – начала V вв. н. э. [Боталов, Полушкин, 1996. Рис. 7, 9, 10]. Характерен этот тип наконечников и для памятников южнорусских степей эпохи «Великого переселения народов». Аналогичная серебряная пластина обнаружена в детском погребении V в. н. э. из Беяусского городища [Дашевская, 1969. С. 52–61]. Этим же временем датируются и наконечники ремней из разрушенного погребения у села Здвиженское и из погребения у совхоза им. Калинина [Засецкая, 1994. Табл. 11, 3; 22, 1]. Этот тип наконечников получает широкое распространение и в лесостепной зоне Прикамья и Среднего Поволжья. Согласно точке зрения А.В. Богачева, подобный тип наконечников относится к I хронологической группе (по его классификации) и характерен для тезиковского и федоровского этапов раннесредневековой эпохи Среднего Поволжья, которые датируются III–IV вв. н. э. и первой четвертью V в. н. э. соответственно [Богачев, 1992. С. 135–138].

Учитывая, что наконечники данного типа имеют достаточно широкие временные рамки распространения (в пределах трехсот лет) и были обнаружены на большой территории, целесообразно отталкиваться от датировок памятников Южного Зауралья и соседних территорий. Это позволяет сузить время бытования наконечников из комплекса Солончанка I до времени IV – первой половины V вв. н. э.

Соединительными элементами упряжи являются ременные накладки и налобные пластины, которые, в свою очередь, выполняли еще и функцию декорирования узды и являлись предметами ювелирного искусства.

Одной из характерных черт середины I тыс. н. э. было повсеместное распространение в евразийских степях изделий, выполненных в полихромном стиле, со вставками из красного камня. Поэтому ременным накладкам из комплекса кургана с «усами» Солончанка I (рис. 52, 13–16) аналоги по технике исполнения найти не составляет труда, они обнаруживаются как на территории Южного Зауралья, так и на сопредельных территориях Казахстана, Приуралья, южнорусских степей, лесостепной части Башкирии. Из Друженского могильника конца IV – начала V вв. н. э. происходит золотой медальон, украшенный 72 золотыми шариками зерни со вставкой из красно-фиолетового сердолика. Бляшки с псевдозернью из могильника Байрамгулово II (курган 2, погребение 2) датируются V в. н. э. [Боталов, Полушкин, 1996. Рис. 2, 7–9; 6, III, 9]. Аналогичные по технике исполнения вещи, происходящие из погребения у озера

Боровое (V – начало VI вв. н. э.) [Бернштам, 1968. С. 225–229; Засецкая, 1975]. В Нижнем Поволжье также имеются находки, близкие солончанским. Примером могут служить овальный медальон со вставкой из синего стекла в золотой оправе, украшенный по краю зернью [Засецкая, 1968. С. 35–38. Рис. 1–2], а также золотой кулон со вставкой из пейзажной яшмы розового цвета из кургана у деревни Красногор. Полихромный стиль распространяется настолько широко, что аналогии можно найти и в далекой Абхазии. Так, например, рукоять меча из погребения Цибилиум 1–43 украшена овальным сердоликом и обрамлена золотой оправой с зернью [Воронов, Шенкао, 1982. С. 151, 152. Рис. 18, 18].

К снаряжению коня также относятся *ленчики седла*, которые обнаружены в паре в комплексе Солончанка I (рис. 52, 9, 10). В южнорусских степях известны находки подобных ленчиков (VIII и IX могилы Новогригорьевки, курган у города Мелитополь, погребение 2 кургана 8 в урочище Кубей). Аналогичные ленчики встречены и в Западной Европе (погребение у села Концешта в Румынии, Мундальсхасди во Франции), есть они и в Нижнем Поволжье (погребение у совхоза им. Калинина, курган у села Владимирское), и в Казахстане (погребение у озера Боровое) [Засецкая, 1994. Табл. 2, 10; 4, 16; 7, 9; 19, 13; 22, 15; 35, 13; 47, 9; Амброз, 1989. Рис. 44, 20, 21; 41, 2]. По классификации И. П. Засецкой, такие ленчики относятся к типам Ia и III и датируются ею первой половиной и серединой V в. н. э. [Засецкая, 1986. Рис. 1, 2, 5; Засецкая, 1994. Рис. 10].

С седлом могут быть связаны фигурки двух лошадей, выполненных из дерева и обтянутых золотой и серебряной фольгой из кургана 1 комплекса Солончанка I [Любчанский, Таиров, 1999. С. 31. Рис. 9]. Аналогии им находим в памятниках V в. н. э. в южнорусских степях. Одна лошадка была обнаружена в детском погребении на городище Беляус и интерпретирована как игрушка [Дашевская, 1969. С. 59; Засецкая, 1994. Табл. 26, 7]. Имеется еще одна находка лошади – «лошадка» из раскопок Самоквасова у села Новогригорьевка [Засецкая, 1994. Табл. 2, 1].

Вероятно, к *предметам ременной гарнитуры* относится прямоугольная бронзовая накладка с прорезью в нижней части из кургана 3 комплекса Ижевский-2 (рис. 48, 3). Накладки такой формы с прямоугольными или фигурными вырезами в нижней части для крепления подвесных ремешков встречаются в тюркских памятниках Саяно-Алтая VII–IX вв. [Овчинникова, 1990. Рис. 23, 2; 25].

В коллекции вещевого инвентаря из курганов с «усами» имеются и наборные пояса. Один найден в комплексе кургана 1 могильника Зе-

вакино, второй – в кургане 19 могильника Канаттас. Пояс из Зевакино (рис. 43, 14) украшен бронзовыми подпрямоугольными пластинчатыми бляхами, прикрепленными к ремню миниатюрными бронзовыми гвоздиками с округлой шляпкой. Гвоздики располагались попарно на концах пластины. Завершался пояс железной округлой пряжкой с подвижным язычком. Канаттасский пояс (рис. 33) украшен серебряными прямоугольными пластинками, прикрепленными к ремню миниатюрными серебряными гвоздиками с круглой, выпуклой шляпкой, которые пробивали пластину на концах. Завершался пояс серебряной прямоугольной пряжкой с подвижным язычком.

Это довольно характерный тип поясов, встречающийся в памятниках поздне- и постгуннского времени (Кубей, Кызыл-Койнар-Тобе) [Засецкая, 1994. Табл. 46, 5]. Два подобных пояса обнаружены в курганах 356 могильника Алтынасар 4л и 365 могильника Алтынасар 4о [Левина, 1996. Рис. 133]. По аналогам в коллекции поясной гарнитуры (Безводинский, Верх-Саинский, Острый Мыс, могильник у Лермонтовой горы и др.) они датируются в пределах V–VI вв. [Гавритухин, 1996. С. 133. Рис. 5; Гавритухин, Малашев, 1998. С. 53, 54. Рис. 3].

К предметам украшений относятся три налобные диадемы из комплексов Коктал, курган 19 Канаттас, Солончанка I (рис. 32; 52, 11). В одном случае (Солончанка I) в центре сверху располагался треугольный (коронарный) выступ. Подобная диадема с аналогичным элементом украшения была обнаружена в кургане 2 у станции Шипово [Засецкая, 1994. Табл. 42, 1]. Наружная поверхность диадем украшена вставками из стекла и полудрагоценных камней красных тонов (гранаты, халцедон, алмадин), пространство между ними дополнительно украшено выполненными зернью треугольниками и ромбами, внешний край декорирован тисненым узором в виде косички. Диадемы, фрагмент накладной пластины на колчан, бронзовые и золотые накладки со вставками из кургана 1 комплекса Солончанка I представляют собой характерный набор предметов полихромного стиля. Вопрос датирования памятников с полихромными изделиями требует особого рассмотрения.

Материалы комплексов с изделиями, выполненными в полихромном стиле, были отнесены к особым хронокультурным группам: А. К. Амброзом – к III степной группе VI–VII вв. [Амброз, 1989. С. 66–67], И. П. Засецкой – к особой «восточной» группе степных памятников – ХГ 1а, б конца IV – начала VI вв. [Засецкая, 1994. С. 122–126]. Последним автором также отмечен ряд особенностей в форме, деталях орнаментации и технике исполнения полихромных изделий, происходящих из восточ-

ной группы памятников, обусловленных существованием иных, отличных от южноуральских и боспорских центров ювелирного производства [Засецкая, 1994. С. 74, 75].

Определившись с хронологической позицией материалов анализируемых памятников, И. П. Засецкая делает существенную, на наш взгляд, оговорку, что «для погребений, расположенных в восточных регионах, характерно сочетание более древних вещей с изделиями времени захоронения. Это обстоятельство не позволяет непосредственно объединить их с выделенными нами группами памятников южнорусских степей, так же, как и затрудняет определение более точных датировок» [Засецкая, 1994. С. 126]. Справедливость данного суждения в определении хронологической позиции урало-казахстанских комплексов, на наш взгляд, вполне очевидна. В построении хронологических схем сегодня наиболее эффективной является методика соотнесения материалов отдельных групп памятников с большими массивами памятников, внутри которых хорошо коррелируются вещевые комплексы, выстраивающиеся в последовательные хронологические ряды. Критерием для определения хронологии южнорусских кочевнических материалов гуннской эпохи стали наблюдения И. П. Засецкой, сделанные на основе систематизации известных погребальных комплексов Восточного Крыма и Северного Кавказа (Керченские склепы, Дюрсо, Суук-су и др.) На наш взгляд, исследователю удалось провести довольно убедительные параллели и определить хронологические рамки кочевнических комплексов юга Восточной Европы IV–V вв. Именно в это время, вероятно, население южнорусских степей активным образом было связано с боспорскими и придунайскими ювелирными ремесленными центрами [Засецкая, 1994. С. 68–75] и изменение традиций и стилей отражалось и на материалах сопредельных степных регионов. По мере же удаления от европейских производственных центров влияние со стороны этих культурно-производственных очагов становилось все более опосредованным, либо вектор этого влияния менялся в сторону других цивилизационных центров. Таковыми на востоке в гунно-сарматское время были, вероятно, Бактрия и Южный Казахстан [Кадырбаев, 1959б. С. 93, 94; Сариниди, 1989. С. 135–159], а в тюркскую эпоху – Алтай, Турфан, Северная Монголия и Хакасско-Минусинская котловина [Добжанский, 1990. С. 30–44; Кызласов, Король, 1990. С. 15]. Проявление такого фактора удаленности значительно отразилось на материалах памятников раннетюркского времени урало-казахстанских, приуральских и нижневолжских степей.

Учитывая эту особенность при установлении хронологии комплексов курганов с «усаами», целесообразно основываться на массовых материалах из восточноевропейского и среднеазиатского регионов. Прекрасной исходной базой могут быть коллекции из раскопок погребальных комплексов джетысарской культуры V–VIII вв. Однако гигантский объем материала, полученный при их исследовании, усложняет его систематизацию и построение корреляционной схемы развития на разных этапах раннего средневековья. Спорными до сих пор остаются датировки неволинских и ломоватовских погребальных комплексов Прикамья, а также Бирского и Манякского могильников Южного Приуралья. А. К. Амброз, проанализировав материалы Бирского и Харинского могильников, выделил ряд категорий вещей (категории а, б, в), которые позволяют определить их более узкую дату [Амброз, 1980. С. 35–38]. Публикации последних лет, на наш взгляд, принципиальным образом не опровергают дату, предложенную А. К. Амброзом, по крайней мере, в рамках материалов V–VII вв. [Богачев, 1992; Гавритухин, 1996; Голдина, Водолаго, 1990].

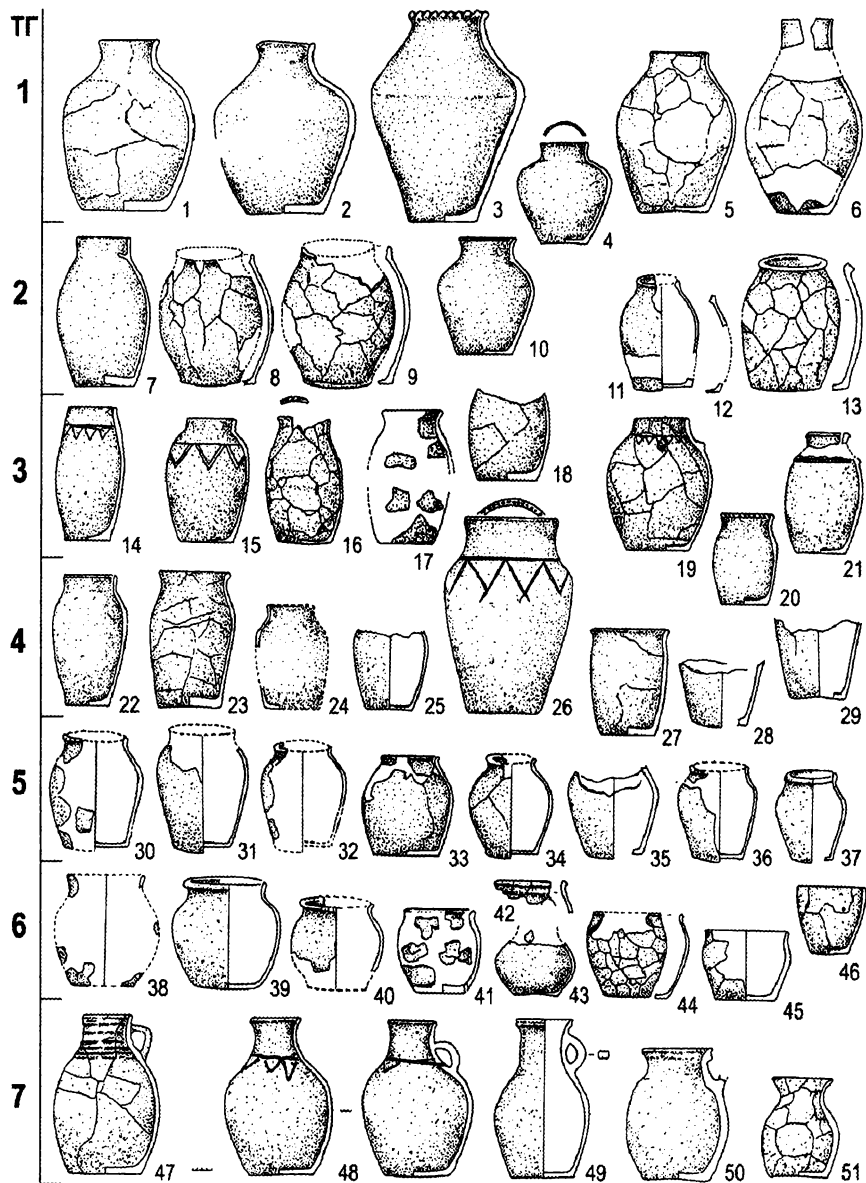
Однако сопоставление схожих элементов в этих материалах и вещевых наборов из кочевнических урало-казахстанских комплексов, по нашему мнению, требует сочетания сразу нескольких категорий или типов вещевого материала. Иными словами, традиционное построение аналогий на основании отдельно взятых предметов не избавлено от фактора случайного совпадения. Анализ отдельных категорий вещей (монеты, элементы поясной гарнитуры, украшения) позволил нам убедиться, что некоторые типы предметов в разных регионах могли существовать в разное время и бытовать внутри единокультурных комплексов довольно длительный период (до ста и более лет) [Боталов, 1991. С. 8–9]. В материалах раннетюркского времени такой группой предметов являются, вероятно, предметы ременной гарнитуры и изделия, выполненные в полихромном стиле. Сегментовидные пряжки с удлиненным или ромбовидным щитком и длинным, сильно загнутым язычком, наконечники ремней, слегка расширяющиеся книзу и с едва выделенным щитком в верхней части и широкие прямоугольные накладки на пояс из урало-казахстанских комплексов находят соответствие в материалах Бирского могильника, относящихся к VI–VII вв. – периоду IV-б, по хронологической схеме А. К. Амброза [Амброз, 1980. С. 35–38. Рис. 13], или к периодам D, E – по схеме И. О. Гавритухина [Гавритухин, 1996. С. 120–121. Рис. 2]. Сочетание ремennого набора с предметами полихромного стиля (композиции треуголь-

ников из зерни; округлые или овальные вставки из полудрагоценных камней, гнезда которых оформлены зернью; узор имеет одно-, двух- или трехрядную композицию и по краю ограничен резной косичкой) также характерно для ранненеволинских комплексов. Так, например, верхнесаинские курганы № 9 и № 12 содержали фактически аналогичные предметы, с тем же набором перечисленных черт. По хронологии Р. Д. Голдиной и Н. В. Водолага, эти комплексы являются составной частью верхнесаинской стадии и датируются VI в. [Голдина, Водолага, 1990. С. 163. Табл. LXVI, 8, 13, 20, 21, 23, 24, 40, 41, 43]. И. О. Гавритухин датирует их рубежом VI–VII вв. [Гавритухин, 1996. С. 131. Рис. 3, 5].

Принимая во внимание все вышесказанное, можно датировать рассматриваемые материалы VI (возможно, конец V) – VII вв. Однако, если учитывать факт длительного существования некоторых типов предметов в среде оседлых культур лесостепи и леса, а также явное сходство упомянутых выше кочевнических комплексов, то, вероятно, время их появления не стоит уводить за рамки VI в. На удрежняющую дату может указывать более ранняя позиция отдельных типов вещей, по которым существуют типологические разработки. Так, седельные накладки-ленички подтреугольной формы с пуансонным орнаментом, найденные в комплексах Солончанка I (рис. 52, 9, 10) и у озера Борового, являются наиболее ранним типом в типологии И. П. Засецкой и датируются V в. [Засецкая, 1994. Рис. 10].

Из предметов украшений в коллекции имеется серьга в виде знака вопроса с конусообразным (расширяющимся к низу) завитком (рис. 43, 11). Этот тип серег является характерным элементом в раннесредневековых погребениях лесостепных памятников Урала и Сибири. Целая серия их была найдена в погребениях переходного периода III–IV вв. могильника Ближние Елбаны III [Чернецов, 1957. Табл. XLV, 11, 25–27]. В последнее время наблюдается тенденция омоложения памятников этого круга и отнесения их к раннеодинцовскому периоду, который датируется второй половиной IV–V вв. н. э. [Горбунов, 2004. С. 92–95]. Кроме того, серьги этого типа встречены в азелинских, кара-абызских и убаларских памятниках конца II–V вв. [Геннинг, 1988. Рис. 4, 112; 9, 3; 17, 1], а также в могильниках II–III вв. в бассейне реки Вятки [Лещинская, 1995. Рис. 4, 19; 5, 3–8].

Керамика. Коллекция керамической посуды из курганов с «усами» и комплексов селенташского типа Казахстана и Южного Урала насчитывает 57 сосудов, их частей и отдельных фрагментов. Все они делятся на 10 относительно условных типологических групп (ТГ) (рис. 68; 69).

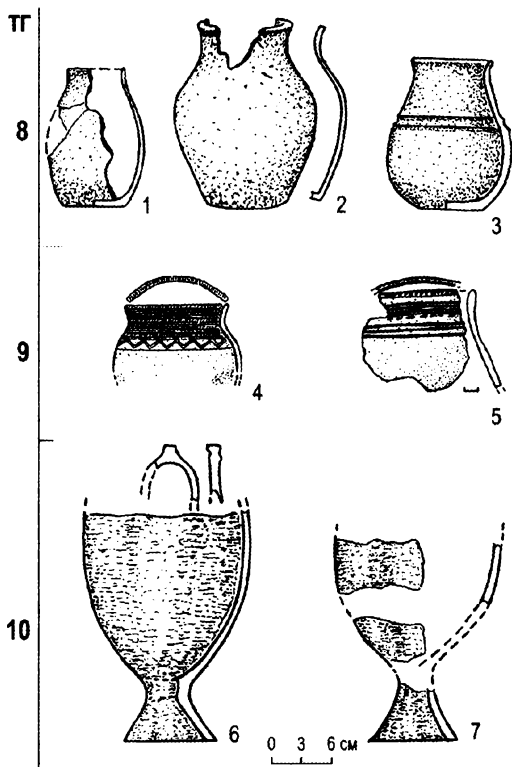

Рис. 69. Типологические группы (ТГ 8–10) керамики из курганов с «усами» и памятников селенташского типа урало-казахстанских степей.

1 – Восточно-Курайлинский II, курган 2; 2 – Тасмола I, курган 19; 3 – Султантимировский I; 4 – Каинсай, курган 14; 5 – Селенташ, курган 4; 6 – Кызылтас, курган 1; 7 – Зевакино, курган 2

Рис. 68. Типологические группы (ТГ 1–7) керамики из курганов с «усами» и памятников селенташского типа урало-казахстанских степей. 1 – Кызыл-Жар, курган 1; 2 – Городищенский IX; 3 – Кызыл-Жар, курган 3; 4 – Шедерты, курган 2; 5 – Сарбулат I, южный курган; 6 – Александровские, курган 2; 7 – Новоактюбинский I; 8 – Ельшибек; 9 – Кара-Бие, курган 1; 10 – Зевакино, курган 3; 11 – комплекс «37 воинов», курган 4; 12 – Бугулы, курган 13; 13 – Кара-Бие, курган 15; 14 – Зевакино, курган 2; 15 – Кызылтас, курган 2; 16 – Суходол; 17 – Каинсай, курган 14; 18 – Александровские, курган 1; 19 – Измайловский, ограда 9; 20 – Оленина Отнога; 21 – Кызылтас II, малый курган погребального комплекса 1; 22 – Султантимировский I; 23 – Александровские, курган 1; 24 – Тасмола I, курган 19; 25 – Ижевский-2, курган 1; 26 – Селенташ, курган 5; 27 – Крутой Овраг, курган 3; 28, 30–32, 34, 35 – Центральный Казахстан (местонахождение не определено); 29 – Сангуыр II, курган 3; 33 – Сарбулат I, северный курган; 36 – Канаттас, курган 19 (?); 37 – Ботакара, курган 55 (?); 38 – Сангуыр II, курган 1; 39, 40 – Егиз-Койтас, курган 5 (?); 41 – Елизаветпольский; 42 – Ак-Кайракты, курган 8; 43 – Кызылтас, курган 1; 44 – Сангуыр II, курган 2; 45 – Ижевский-2, курган 2; 46 – Крутой Овраг, курган 2; 47 – Солончанка IX; 48 – Солончанка I; 49 – Беркутты; 50 – Селенташ, курган 4; 51 – Новокондуровский I

Характерной особенностью керамики из рассматриваемых комплексов является довольно грубый метод ее изготовления, неравномерный обжиг, рыхлое тесто, использование в качестве примеси крупного песка и дресвы. Выделяется также неоднородная цветовая гамма этих горшков: светло-коричневая, красноватая, бурая, черная. Данные особенности не распространяются на сосуды кувшинообразной формы, которые изготовлены из плотного теста с примесью мелкого песка и имеют более однородный цветовой облик.

Первую типологическую группу (ТГ 1) образуют большие кувшинообразные лепные горшки с сильно раздутым (Кызыл-Жар, курганы 1 и 3; Городищенское IX; Шедерты, курган 2) (рис. 68, 1–4) или со сравнительно плавно профилированным туловом (Сарбулат, южный курган; Александровские, курган 2) (рис. 68, 5, 6). Они имеют слегка отогнутую невысокую шейку, сужающуюся к горловине, прямо или округло срезанный венчик. В одном случае венчик имеет косую нарезку (Шедерты), в другом – защипы (Кызыл-Жар, курган 3). Большие кувшинообразные горшки появляются на Южном Урале, в Казахстане и в среднеазиатских оазисах в конце III в. до н. э. в подбойно-катакомбных комплексах условно называемого ляндакского типа (III–I вв. до н. э.) [Боталов, 2003. Рис. 2, 9, 76, 83, 85; 3, 10, 48, 66, 67, 104, 109, 114]. Появление этих комплексов в урало-казахстанских степях связывается нами с притоком сюда новой волны кочевников (юэчжей) из Центральной Азии [Боталов, 2003а. С. 33, 34; Любчанский, 2000. С. 29; Таиров, 2005. С. 47–49]. Эта миграция, скорее всего, была обусловлена возникновением империи Модэ и вытеснением юэчжей из пределов Северного Китая и Восточного Туркестана. В этой связи не случайным является тот факт, что очень схожие большие кувшинообразные сосуды обнаружены в хуннских комплексах II–I вв. до н. э. Северного Китая и Забайкалья [Боталов, 2003б. Рис. 5, 12–14, 29–32, 49; 6, 15, 16, 54, 55, 79, 81].

В первых веках новой эры этот тип сосудов встречается в склепокатакомбных комплексах Северного Китая и в гаочанских могильниках Синьцзяна (эпоха Хань-Тан) [Лю Фути, 1958; Шеньси Шаосян, 1987. Р. 2, 8, 1, 2, 10, 12. С. 16; Шень Си Лон сянь..., 1999. С. 9], а также в памятниках кенкольской, каунчинской, джунской и арысьской культур II–VI вв. н. э. [Заднепровский, 1992. Табл. 34, 54; 35, 18–20, 58; 39, 28, 29, 68; Подушкин, 1970. Табл. I, 16, 17; 2000. С. 43, 88, 105, 145–148; Сорокин, 1954. Рис. 6, 1, 14, 15; 4, 7, 8; Максимова и др., 1968. Табл. XXIX, 6, 7; XXX, 1, 2]. Похожие сосуды, но с более плавной профилировкой плеча и тулова, обнаружены также в погребениях кокельских некрополей, дати-

руемых не ранее V в. [Das Gräberfeld..., 1984. Abb. 22, L 1; 23, C, 1; 24, D, 2; E, 3; 28, J, 8; 29, F, 10; 30, A, 1].

В урало-казахстанских степях эта форма керамики присутствует среди сосудов, обнаруженных в курганах гунно-сарматского времени (II–IV вв.) [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 11, 9, 13; 18, 45; 29, 24; 39, 16–19]. Примерно в это же время подобные сосуды появляются в усуньских памятниках I–III вв. н. э. (Кызыл-Кайнар, курган 16) [Максимова, 1972. Рис. 4, 1, 2. С. 135, 136]. Несколько позднее большие горшки с раздутым туловом и невысокой отогнутой шейкой, с косыми насечками по венчику появляются среди материалов Дежневского, Ново-Турбаслинского и Кушнаренковского могильников V–VII вв. турбаслинской культуры башкирского Приуралья [Мажитов, 1977. Табл. V, 13–15; VI, 7, 17; VII, 11, 13, 16, 17, 19, 20; Сунгатов, 1998. Рис. 2].

Из всего вышесказанного следует, что данная группа сосудов, несмотря на свое изначально центральноазиатское происхождение, была довольно широко распространена среди населения урало-казахстанских степей и среднеазиатских оазисов в первой половине I тыс. н. э.

Вторая типологическая группа (ТГ 2) включает в себя шесть сосудов с особой конструктивной деталью в виде воротничка с внутренней (Новоактюбинский I; Ельшибек; Кара-Бие, курган 1; Зевакино, курган 3; «37 воинов», курган 4; Бугулы, курган 13) (рис. 68, 7–12) или внешней (Кара-Бие, курган 15) (рис. 68, 13) стороны нижней части венчика, в месте перехода короткого венчика в шейку. Это горшки средних размеров, со слабо раздутым, плавно профилированным и вытянутым по вертикали туловом, широким днищем, сравнительно широкой горловиной, короткой шейкой и низким прямоскошенным венчиком. Исключением в этой группе является сосуд из могильника Зевакино (рис. 68, 10). У него раздутое тулово, высокая отогнутая шейка, на венчике которой орнамент в виде косой нарезки. Внешне он более соответствует сосудам ТГ 1, являясь почти прямой аналогией горшку из комплекса Шедерты (рис. 68, 4). Однако характерный внутренний воротничок в месте перехода от шейки к плечу позволяет поместить этот сосуд на некий промежуточный уровень между типологическими группами ТГ 1 и ТГ 2.

На сегодняшний день нам не удалось отыскать близких аналогов этой группе посуды. Впрочем, с определенной осторожностью в качестве аналогии можно указать на плавно профилированный горшок с наплывным воротничком между шейкой и плечом, с насечками-защипами на венчике из раннеболгарского погребения 1 кургана 17 могильника

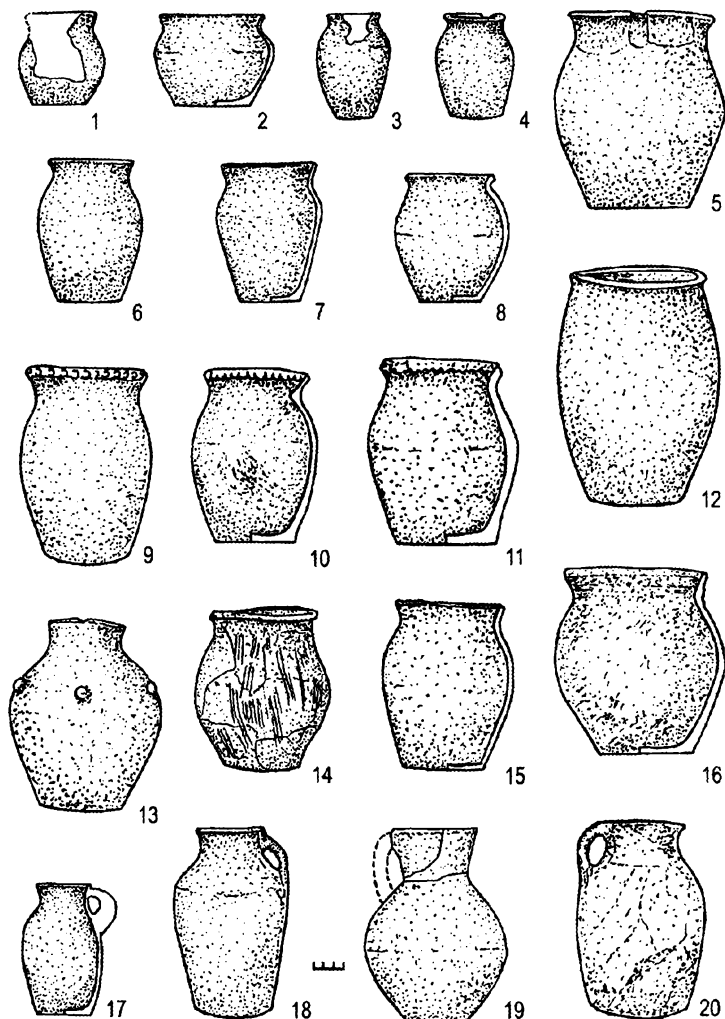

Рис. 70. Керамика из праболгарских памятников Восточной Европы (по: [Засецкая, 1994; Рашно Рашев, 2004]). 1, 3 – Пастырское городище; 2 – Сриловка; 4 – Рисовое, могила 2; 5 – Черноморское; 6 – Аккермен; 7 – Пенковский; 8 – Покровск, курган 2; 9 – Христофоровка, могила 7; 10 – Наташино; 11 – Богачевка, могила 9; 12 – Ленинск; 13 – Ровное, курган 42; 14 – Великий Токмак; 15 – Богачевка, могила 8; 16 – Айвазовское 3; 17 – Новая Одесса; 18 – Бережновка I; 19 – Покровск, курган 36, погребение 2; 20 – Бережновка II

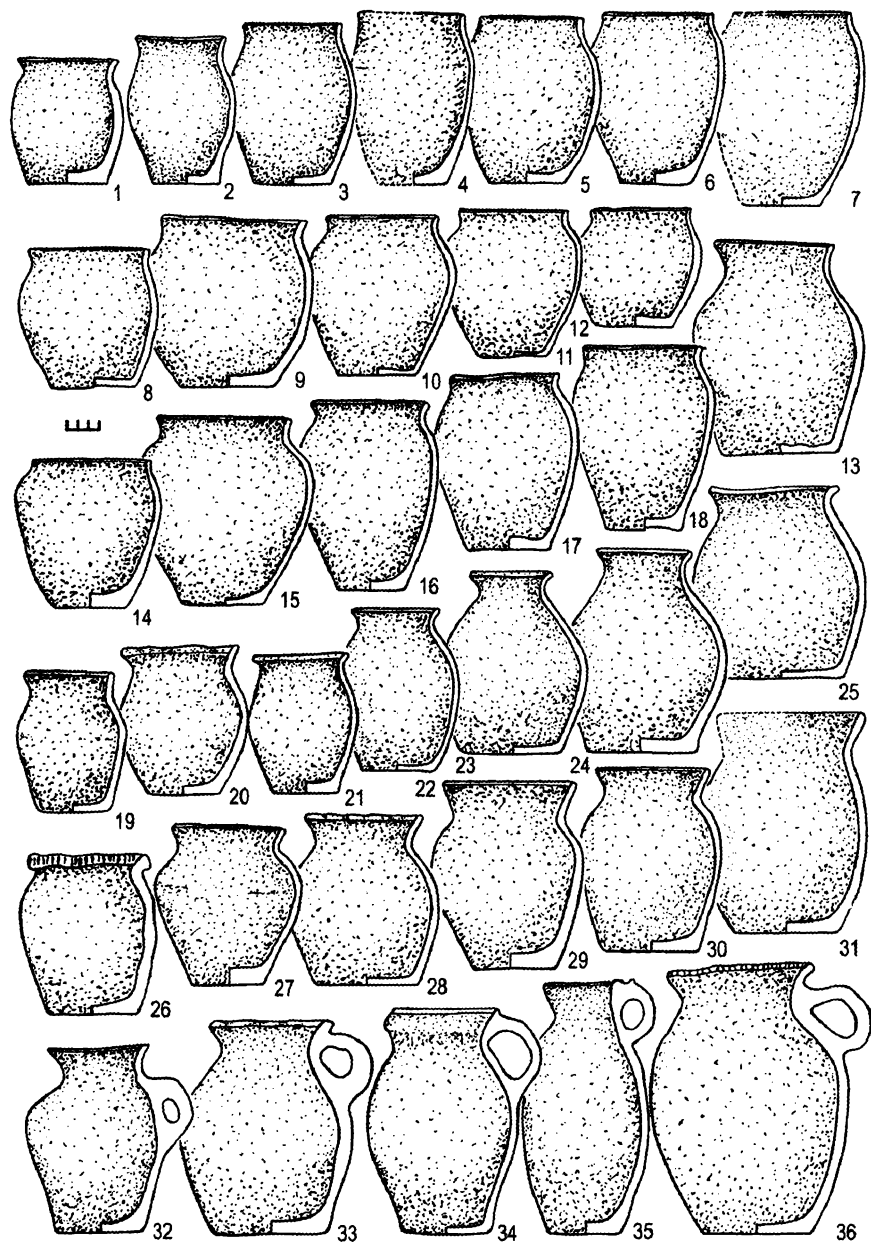
Наташино в Болгарии (рис. 70, 10), датированного VI–VII вв. [Рашо Рашев, 2004. С. 83, 105, 106. Табл. 31, 4].

Наличие подобных оригинальных горшков во всех локально-географических группах курганов с «усами»: центральноказахстанской (Кара-Бие, Ельшибек, «37 воинов», Бугулы), восточноказахстанской (Зевакино) и южноуральской (Новоактюбинский I), – позволяет говорить о культурно-хронологическом единстве керамического комплекса курганов с «усами».

Аналоги горшку из кургана 15 комплекса Кара-Бие, имеющего плавную профилировку и наплыв-валик с внешней стороны венчика (рис. 68, 13), можно найти среди лепных плавнопрофилированных сосудов, обнаруженных в памятниках раннеаварского периода (VI–VII вв.) на территории Венгрии (Сегед Макошердо, погребение 199; Мор-Акстодом, погребение 2а; Орозлани, погребение 10) (рис. 71, 26) [Tivadar Vida, 1999. Taf. 50, 4; 70, 2; 79, 6].

Третья типологическая группа (ТГ 3) включает 8 сосудов. Это высокие вертикально вытянутые и плавно профилированные горшки с невысокой отогнутой шейкой и прямым венчиком (Зевакино, курган 2; Кызылтас, курган 2; Суходол; Каинсай, курган 14; Александровский, курган 1; Измайловка, ограда 9; Оленина Отнога; Кызылтас II, малый курган погребального комплекса 1) (рис. 68, 14–21). По форме тулова они близки сосудам, предшествующей типологической группы (ТГ 2). У трех сосудов (Зевакино, курган 2; Кызылтас, курган 2; Измайловка, ограда 9) имеется орнамент в виде прочерченной горизонтальной линии, проведенной в месте перехода шейки к плечу, от которой вниз по плечу спускается прочерченный зигзаг. Кроме того, сосуд из Измайловки дополнительно украшен сосцевидными налечами (рис. 68, 14, 15, 19). Верхняя часть тулова сосуда из комплекса Кызылтас II украшена налипным валиком с ромбовидными углублениями (рис. 68, 21). Несколько особняком в этой группе стоит горшок небольших размеров из комплекса Оленина Отнога (рис. 68, 20). Он также имеет плавнопрофилированное тулово, прямую отогнутую шейку, скошенный венчик, по верху которого нанесены косые насечки. Однако слабо выраженный плечевой переход сближает этот горшок с сосудами следующей типологической группы ТГ 4, что позволяет говорить о его промежуточном положении между сосудами групп ТГ 3 и ТГ 4.

Четвертая типологическая группа (ТГ 4) включает восемь горшков, имеющих вертикально вытянутые пропорции, наклонные прямые или близкие к прямым стенки тулова, оконтуренный плечевой переход

(слабое ребро), невысокую плавно отогнутую шейку (Султантимировский I; Александровские, курган 1; Тасмола, курган 19; Ижевский-2, курган 1; Селенташ, курган 5; Крутой Овраг, курган 3; Сангуыр II, курган 3) и один сосуд, местонахождение которого не определено (рис. 68, 22–29). Особняком стоит сосуд больших размеров из кургана 5 могильника Селенташ (рис. 68, 26). Он имеет хорошо выраженное ребро в месте перехода шейки в плечо, где расположен резной орнамент в виде горизонтальной линии, от которой вниз спускается прочерченный зигзаг.

Плавно профилированная керамика вытянутых пропорций возникла, вероятно, в районах Центральной Азии, где подобные формы появляются уже в суннских памятниках [Кызласов, 1979. С. 102. Рис. 78, 1, 2; Das Gräberfeld..., 1984. Abb. 20, 91; 21, E, 1, 2; 22, D, 5; 25, C, 2; 28, J, 8; 42, H, 1], в памятниках Забайкалья [Давыдова, 1996. Табл. 18, 12; 34, 11; 42, 12, 16; 44, 9] и Монголии [Цэвээндорж, 1985. Рис. 14, 8, 9; 20, 2; С. 26, 6]. В последующее раннетюркское время такая посуда характеризуется большей прямостенностью и грубым изготовлением сосудов. Эти признаки хорошо прослеживаются на образцах из алтайских комплексов кудэргинско-катандинского круга [Гаврилова, 1966. Табл. XXIV, 13, 14; Кубарев, 1979. С. 145. Рис. 11] и на сосудах чаатасской эпохи [Грязнов и др., 1979. С. 147. Табл. XXI, 1, 2, 56; Кызласов, 1979. С. 136, 137. Рис. 23; 24; 25, 6, 7, 18, 19; 28]. Прямостенные формы продолжают господствовать в Южной Сибири и в уйгурскую эпоху, и в период Кыргызского каганата, их находят в памятниках тюхтятской культуры IX–X вв. [Грязнов и др., 1979. С. 147. Табл. XI, 10–13; Кызласов, 1977. С. 144, 145. Рис. 33, 11, 12, 17, 19; 1979. Рис. 121, 1; 124, 1–4, 6; 132, 3, 4, 6, 8, 9] и в памятниках культуры Курыкан [Асеев, 1980. С. 38. Табл. VII, 1–3, 8; Дашиба-

Рис. 71. Керамика из раннеаварских комплексов Венгрии VI–VII вв. (по: [Tivadar Vida, 1999]).

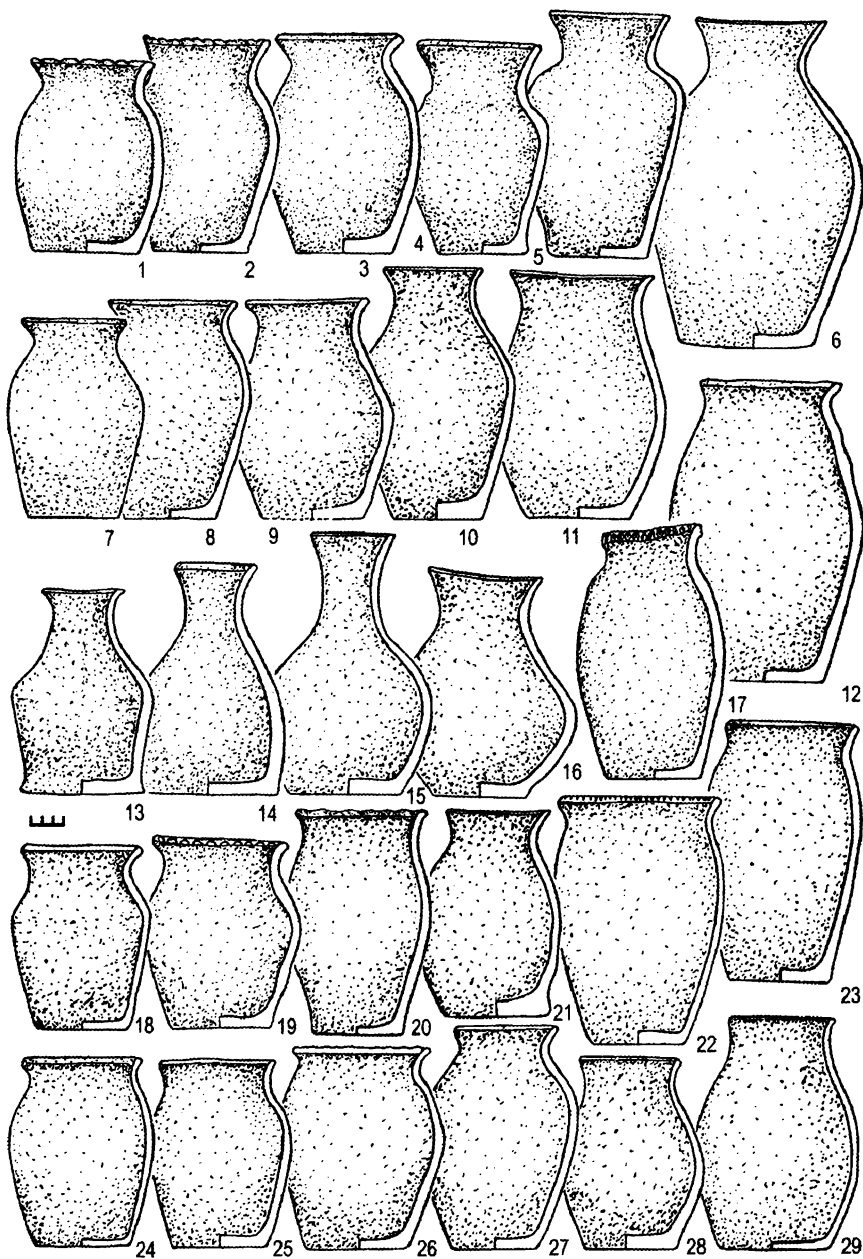
1 – Kulsovát (Kat. Nz. 701); 2 – Kiszombor F, grab. 2; 3 – Dunaujvaros (Kat. Nz. 859); 4, 5 – Dunaujvaros (4 – grab. 1267; 5 – grab. 1479); 6–9 – Budakalasz. Punapart (6 – grab. 914; 7 – grab. 269; 8 – grab. 840, 9 – grab. 1154); 10–12, 15–18, 27, 31, 32 – Budakalasz-Dunapart (10 – grab. 821; 11 – grab. 1429; 12 – grab. 867; 15 – grab. 1420; 16 – grab. 1022; 17 – grab. 1199; 18 – grab. 1431; 27 – grab. 160; 31 – grab. 305; 32 – grab. 765); 13, 14 – Szeged-Feherto A (13 – grab. 73; 14 – grab. 1212); 19 – Abony (Kat. Nz. 557); 20 – Uron (Kat. Nz. 789); 21 – Kuazombor F. grab. 14; 22 – Szentes-Kajan, grab. 37; 23 – Kiskoros-Cede, grab. 16; 24 – Deszk T, grab. 5; 25 – Salgotarjan-Szenbanya (Kat. Nz. 735); 26 – Oroszlany, grab. 10; 28 – Szob-Kokezeszt, grab. A; 29 – Fo, unbekanny in Kom. (Kat. Nz. 810); 30 – Nyiregyhaza-Tejuzen (Kat. Nz. 719); 33 – Varpalota-Gumnazium, grab. 10; 34 – Gyoma (Kat. Nz. 529); 35 – Szentes-Szentlaszlo (Kat. Nz. 541); 36 – Csakberegny – Orondpuszta, grab 35a

лов, 1996; Кызласов, 1979. С. 147. Рис. 35, 33–36]. Характерной деталью сосудов VII–IX веков является наличие валика с косыми или фигурными вдавлениями [Кызласов, 1979. С. 152. Рис. 108, 1; 124, 8; 132, 5].

Большая серия горшков вытянутых пропорций и с плавной профилировкой, имеющих на венчике нарезки-защипы, обнаружена в раннеболгарских памятниках юга Украины (Аккермен; Христофоровка, курган 8, погребение 1; Наташино; Богачевка, курган 8, погребение 12; курган 9, погребение 5), датируемые VII–VIII вв. [Рашо Рашев, 2004. Табл. 57, 5, 12, 16, 17, 18]. Большая схожесть сосудов групп ТГ 3 и ТГ 4 наблюдается с плавно профилированными горшками с округлой или прямой стенкой, косыми насечками или защипами по венчику раннеболгарского поволжского комплекса Брусяны II (рис. 73, 1, 3–12, 15–17), датированного в пределах VIII в. [Багаутдинов и др., 1998. Табл. LIII, 2, 9; LIV, 2; LV, 1–4, 14; LVI, 8, 10, 12]. Аналогичные сосуды обнаружены и в других раннеболгарских комплексах Самарской Луки (могильники Новинковский I, Шелехметский II, Рождественский III), датируемых в пределах VII–VIII вв. [Матвеева, 1995. Рис. 5, 1, 2; Бражник и др., 2000. Рис. 5, 11, 12]. Однако следует особо отметить, что сосуды из Самарской Луки имеют значительно меньшие размеры, толстостенность и сравнительно более грубо выполнены в отличие от южноукраинских и урало-казахстанских. Характерной особенностью раннеболгарской керамики является также большая раструбообразность шейки и венчика горшков. Большую схожесть с сосудами из урало-казахстанских степей имеют образцы керамики из курганов и склепов джетыасарской культуры. Подобные плавнопрофилированные горшки вытянутых пропорций с насечками и защипами по венчику и сосцевидными налепами образуют 1-ю группу сосудов ручной лепки (по Л. М. Левиной) [Левина, 1996].

Рис. 72. Керамика из раннеаварских комплексов Венгрии VI–VII вв. (по: [Tivadar Vida, 1999]).

1 – Magyarmajdany/Majdan (Kat. Nz. 427); 2 – Szabadka /Subotica (Kat. Nz. 435); 3 – Deszk (Kat. Nz. 644); 4 – Tiszavasvari-Petőfi u. 49, grab. 9; 5 – NyFragyhaza-Vazosi (Kat. Nz 431); 6 – Szeged-FehetztoA., grab. 24; 7 – Tiszaeszlaz-Sinkahegy, grab. 3; 8 – Deszkg, grab. 2; 9 – Tiszabercel; 10 – Kanizsa/Kanijiza, grab. 7; 11 – Tiszabercel – Vekagduló, grab. 1 (kat. Nz. 463); 12 – Csakbezeny – Ozondpuszta, grab. 192; 13 – Abony – (Kat. Nz. 485); 14 – Kendezes – Telekhalom, grab. 30; 15 – Szeged – Kundomb, grab. 307; 16, 19, 23 – Szeged – Feherto A (16 – grab. 32; 19 – grab. 128; 23 – grab. 17); 17 – Mor – Akasztodomb, grab. 2; 18 – Hodmezovasarhely – Martely (Kat. Nz. 665); 20 – Fo unbekannt (Kat. Nz. 816); 21 – Szeged – Feherto, grab. 22; 22 – Szentcs – Berekhát, grab. 95; 24 – Perlasz/Pertez (Kat. Nz 725); 25 – Ketegyhaza – Lotaz (Kat. Nz. 670); 26 – Deszkd, grab. 170; 27 – Ferencszallas, grab. 4; 28 – Mezohegyes (Kat. Nz. 704); 29 – Founbekannt (kat. Nz. 814)

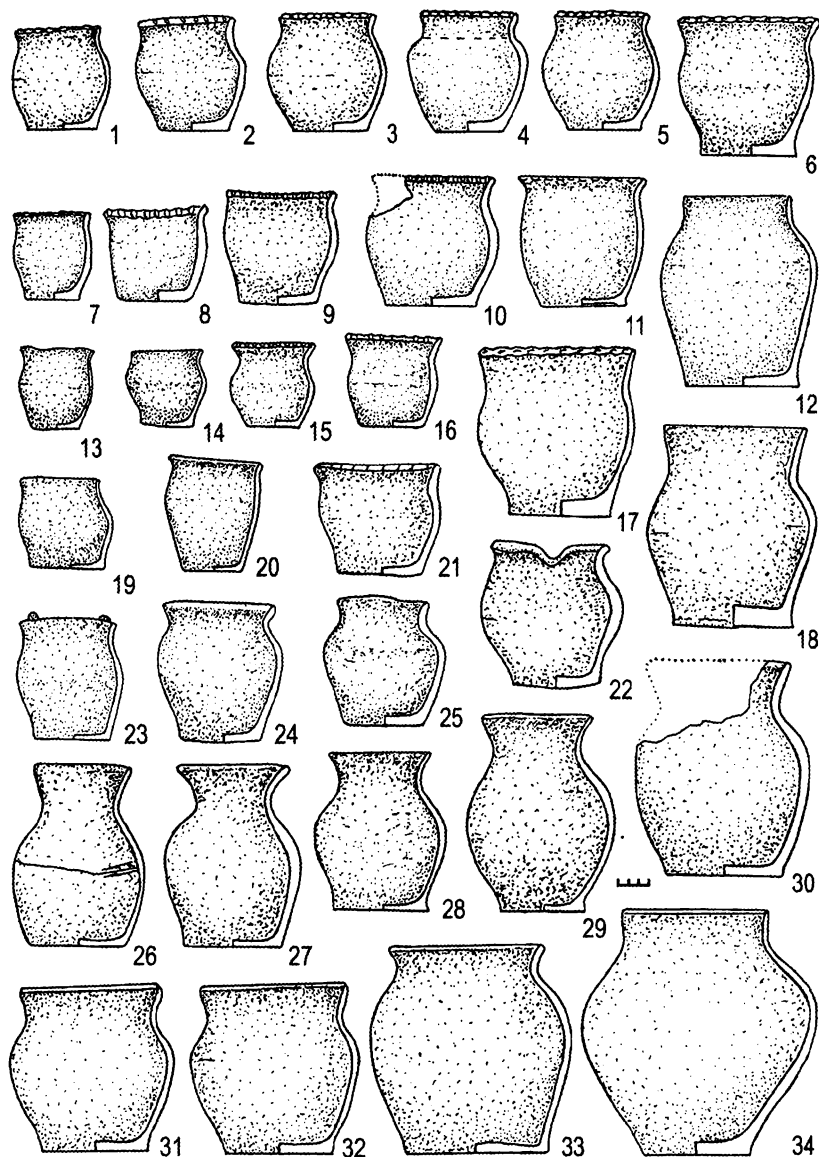

Рис. 73. Керамика из раннеболгарских памятников Среднего Поволжья VII–VIII вв. (по: [Багаутдинов и др., 1998]). 1, 3–12, 15–18, 20, 22, 26, 29–34 – Брусяны II; 2, 13, 14, 19, 21, 23–25 – Малорязанский; 27, 28 – Брусяны IV

Рис. 63; 64; 66; 67; 1994. Рис. 86–91]. Сосуды этой группы встречаются в комплексе с поясными наборами предгеральдического (с массивными сегментовидными округлыми пряжками с подвижными прямоугольными или фигурными щитками, четырехлепестковыми накладками) и геральдического типов, калачиковидными серьгами с утолщенной нижней частью и колтами в полихромном стиле (курганы 11, 37, 60, 72, 117, 303, 313, 394, 421, 441, 452, склепы 21, 107, 180, 276, 316), которые датируются в пределах V–VII вв. [Гавритухин, 1996. Рис. 4, 5; Богачев, 1996. Рис. 8; Засецкая, 1994. Рис. 25]. Также целую типологическую группу образуют плавнопрофилированные лепные горшки с округлой стенкой и выраженным плечом, обнаруженные в раннеаварских комплексах VI–VII вв. [Tivadar Vida, 1999. Табл. 44–56].

Типологические группы 5, 6 включают сосуды горшечно-баночной формы средних размеров (ТГ 5) (Сарбулат, северный курган; Канаттас, курган 19 (?); Ботакара, курган 55 (?); (местонахождение пяти сосудов не определено) (рис. 68, 30–37) и малых размеров (ТГ 6) (Сангубр II, курганы 1 и 2; Егиз-Койтас, курган 5 (?); Елизаветпольский; Ак-Кайракты, курган 8; Кызылтас, курган 1; Ижевский-2, курган 2; Крутой Овраг, курган 2) (рис. 68, 38–46).

Горшки этих типологических групп очень близки сосудам групп ТГ 3 и ТГ 4, отличаясь от них большей приземистостью. Стенки этих сосудов также имеют округлую или ребристую (в месте перехода от шейки к плечу) профилировку. Близость этих групп подтверждается в определенной мере едиными параллелями в уже приводимых комплексах джетысарской культуры, раннеболгарских и раннеаварских памятниках (рис. 70, 3, 4, 9–12, 15; 72, 18–29), средневековых погребениях Саяно-Алтая V–VIII вв. [Левина, 1994. Рис. 86, 14, 15, 20; 87, 1, 1, 5; 90, 2, 13, 14; Багаутдинов и др., 1998. Табл. LIV, 3, 4; LV, 1–4, 10, 11; LVI, 1–3, 9, 10; LVII, 8–15; Рашо Рашев, 2004. Табл. 57, 9, 11, 15; Tivadar Vida, 1999. Taf. 82–87; Овчинникова, 1990. Рис. 31, 12, 13, 14, 16; Früh-und hochmittelalterliche..., 1982. Abb. 3, 2; 11, 7, 8; 26, 11–13; Das Gräberfeld..., 1984. Abb. 20, B, 2, 3; D, 3; E, 2; G, 1, 2; C, 1; E, 1; 22, D, 5; K, 1; N; M, 1; 23, B, 2; G, 1, 3; 25, C, 2; 28, A, 1; H, 3; 29, H, 9; 30, G, 3; 32, B, 2; C, 1; E, 8; 33, D, 1; 38, C, 1; E; 44, K, 2; E; 47, C, 4; E, 2; J, 3; 51, J].

Типологическую группу 7 составляют пять кувшинов, или кувшинообразных сосудов (Солончанка IX; Солончанка I; Беркутты; Селенташ, курган 4; Новокондуровский I). Все они примерно одного размера и имеют слегка раздутое тулово, ручку в месте перехода от плеча к верхней части шейки, прямой или скошенный венчик (рис. 68, 47–51).

В одном случае (Солончанка IX) сосуд имеет орнамент в виде канелюр, заполняющих пространство от плеча до венчика (рис. 68, 47), в другом (Солончанка I) — прочерченную горизонтальную линию в месте перехода от шейки к плечу, под которой прочерчен неправильный зигзаг, оконтурированный штриховыми короткими вдавлениями (рис. 68, 48). Особую позицию в этой типологической группе занимает сосуд из Новокондуровского I кургана (рис. 68, 51). Кувшинообразную форму придает ему узкая горловина и раструбообразная верхняя часть шейки и венчика. Эта особенность, как уже указывалось выше, является характерной деталью некоторых типов керамики из раннеболгарских комплексов Юго-Восточной Европы и Самарской Луки VI–VII вв. [Багаутдинов и др., 1998. Табл. LII, 2, 3; LV, 96, 12; LVI, 13; Рашо Рашев, 2004. Табл. 57, 14, 16], раннеаварских памятников Альфельда [Tivadár Vida, 1999. Taf. 52; 53, 3, 4; 54, 2; 55–58]. Кувшин из комплекса Солончанка IX является довольно распространенной формой в урало-казахстанских степях с гунно-сарматского периода. Аналогичные кувшины, но меньших размеров, были найдены в кургане 19 могильника Большекараганский, кургане 33 могильника Восточно-Курайлинский I, кургане 1 могильника Малково, кургане 80 могильника Целинный I, относящихся к II–IV вв. [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 7, 3; 15, 1; 37, 3; 31, 6]. Кувшины с желобчатой орнаментацией по горлу обнаружены и в памятниках более позднего времени, в частности в джетысарских комплексах V–VIII вв. [Левина, 1994. Рис. 99, 13; 1996. Рис. 73]. Схожий кувшин с желобками в нижней части шейки, но с защипами по венчику и оформленным сливом обнаружен в кургане 5 могильника Каменный Амбар 5, синхронном, судя по полной аналогии погребального обряда, соседнему кургану 6. В последнем обнаружены две пряжки, датировка которых укладывается в рамки V–VI вв. [Костюков, 1995. Рис. 2, 2, 3].

Небольшую типологическую группу (ТГ 8) образуют три кринкообразных сосуда небольшого размера (Восточно-Курайлинский II, курган 2; Тасмола I, курган 19; Султантимиловский I) (рис. 69, 1–3). Сосуд из кургана Султантимиловский имеет два горизонтальных заостренных валика, расположенных в верхней части плеча. Такая форма достаточно часто встречается среди маленьких сосудов гунно-сарматского и джетысарского круга [Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 14, 8; 23, 8, 15; Левина, 1994. Рис. 119, 9, 12, 13; 1996. Рис. 7].

Отдельную типологическую группу (ТГ 9) составляют фрагменты от двух кушнаренковских сосудов из кургана 4 могильника Селенташ и кургана 14 с «усами» могильника Каинсай (рис. 69, 4, 5). Сосуд

из селенташского кургана, судя по фрагменту, относится к позднекушнаренокской посуде, подобной той, которая обнаружена в Танкеевском могильнике и датируется VIII–X вв. [Казаков, 1981. С. 129. Рис. 8, 3, 4]. Сосуд из кургана 14 Каинсай относится к более ранним образцам и по аналогии с керамикой из Старохалиловских и Лагеревских курганов может датироваться в рамках VII–VIII вв. [Мажитов, 1977. С. 225. Табл. XIX; Степи Евразии... 1981. С. 27. Рис. 56, 55–57].

Среди образцов керамики из курганов с «усами» особое место занимают обломки от двух керамических котлов (типологическая группа ТГ 10) из кургана 1 могильника Кызылтас и кургана 2 могильника Зевакино (рис. 69, 6, 7). Это котлы кубковидной формы с полуяйцевидным туловом и довольно высоким коническим полым поддоном. В одном случае (Кызылтас, курган 1) сохранился обломок ручки арочной формы с небольшим цилиндрическим выступом, слегка расширяющимся вверху в центре верхнего края.

Керамические котлы близкой формы найдены в могильниках Алтынасар 4в (курганы 92 и 131) и Косасар 2 [Левина, 1996. Рис. 65, 1, 2, 7]. Большая группа керамических котлов этой формы происходит из коллекции могильника Кокэль, который, как уже указывалось выше, большинством авторов сегодня датируется временем не ранее V в. [Das Gräberfeld..., 1984. Abb. 21, D, B, 7; 23, B, 1; 25, A, 16; 27, A, 1; 29, B, 1; 40, F, 4; 41, C, 1; 44, C, 3; 45, G, 3; 46, D, 1; 49, E; 50, K, 7; X, 3, 45; Z, 2; 51, H, 6; 52, D, 3; Вадецкая, 1999. С. 127]. Кроме того, керамические котелки кубковидной формы обнаружены в поздних склепах таштыкской культуры, датируемых VI–VIII вв. [Кызласов, 1960. Рис. 10] (рис. 74, 19–28).

Анализ керамического комплекса позволяет сделать следующие предварительные выводы:

1. Несмотря на обширную географию находок керамических сосудов из курганов с «усами» и из селенташских комплексов Центрального и Восточного Казахстана и Южного Урала во всех регионах, примерно в одинаковых пропорциях, встречены почти все выделенные типологические группы. Исключение составляют лишь образцы кушнаренокской посуды, распространение которой не выходит за пределы Южного Урала, и керамические котлы, найденные пока только в восточноказахстанских комплексах.

2. По своему происхождению типологические группы распределяются, вероятнее всего, следующим образом. Возникновение и дальнейшее формирование сосудов ТГ 1 – больших кувшинообразных – происходит на территории урало-казахстанских степей и среднеазиатских оазисов в

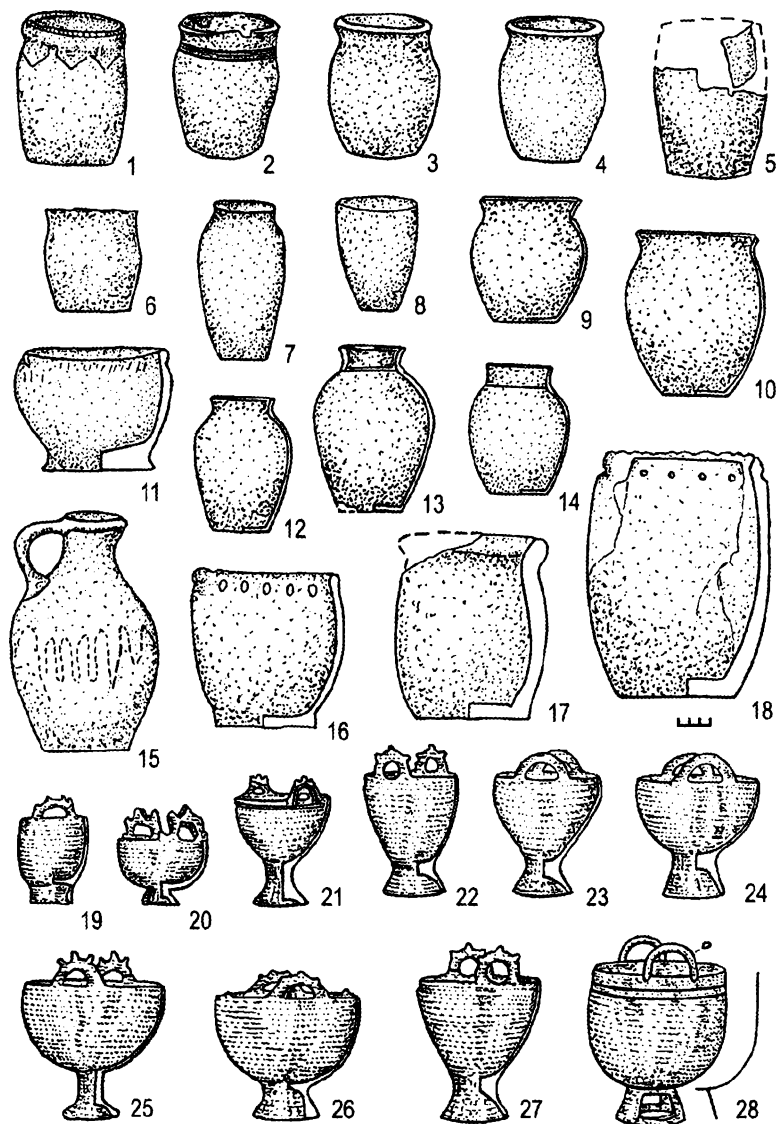

Рис. 74. Керамические сосуды и котлы из памятников Саяно-Алтая V-VIII вв. (по: [Овчинникова, 1990; Das Gräberfeld..., 1984; Frühmittelalterliche..., 1982]). 1, 15 – Джаргаланты II; 2-4 – Кара-Кол; 5, 6 – Монгун-Тайга 57; 7 – Капчалы II; 8 – Таштык; 9, 10, 12-14 – Кенколь; 11, 16 – Кудыргэ; 17, 18 – Курай III; 19-28 – Кокэль

предшествующий (гунно-сарматский) период. Не исключен вариант непосредственного получения этих образцов из среднеазиатского региона.

Происхождение сосудов ТГ 2, ТГ 3, ТГ 4, ТГ 5 (плавно профилированных горшков с округлыми или прямыми стенками), а также керамических котлов (ТГ 10) связано, вероятнее всего, с районами Центральной Азии (Саяно-Алтай). В этой связи вполне закономерно, что наряду с попаданием в урало-казахстанские комплексы образцы такой посуды в массовом количестве присутствуют и в раннеболгарских памятниках Поволжья и Юго-Восточной Европы, а также в раннеаварских комплексах Альфельда. Как известно, сложение ранних болгар (огуры, сарегуры, кутигуры) связано с саяно-алтайский регионом [Кляшторный, Савинов, 1994. С. 63; 2005. С. 63; Исхаков, Измайлов, 2000. С. 14].

3. Несмотря на наличие восьми основных относительно многочисленных типологических групп, керамический комплекс курганов с «усами» и селенташских памятников демонстрирует удивительную цельность. Многие группы (ТГ 2 – ТГ 6) при определенных допусках (более вытянутые или более приземистые пропорции, округлая или прямая профилировка и т. п.) являются фактически производными друг друга. На разных территориальных и в разных типологических группах повторяются одни и те же элементы (воротничок на внутренней части венчика, нарезки-защипы по венчику, орнамент в виде горизонтальной линии и прочерченного под ней зигзага).

4. Хронологически весь керамический комплекс можно поместить в интервале V–IX вв. При этом более позднюю позицию (VIII–IX вв.) будут, вероятно, занимать относительно крупные сосуды из комплексов селенташского типа (Александровский, курган 2; Селенташ, курганы 4 и 5; Кызыл-Жар, курган 1), а также кургана с «усами» Кызыл-Жар (курган 3).

Таким образом, анализ вещевого материала позволяет датировать курганы с «усами» урало-казахстанских степей в рамках V–VIII вв. Из них самую раннюю позицию занимают наиболее представительные комплексы, включающие относительно надежно датируемый инвентарь: Канатгас, курган 19; Коктал; Зевакино, курган 1; Солончанка I (рис. 29–33; 41–43; 52). Эти памятники часто фигурируют в литературе в круге комплексов с изделиями полихромного стиля или времени «Великого переселения народов» и датируются V в. [Засецкая, 1994. С. 112–136], V–VI вв. [Любчанский, Таиров, 1999. С. 32] или VI–VII вв. [Амброз, 1981. С. 10–23. Рис. 59]. Большинство остальных курганов с «усами», содержащих вещевой материал, могут быть датированы по принципу

его типологического единства. Однако эти комплексы, на наш взгляд, корректнее поместить в более широкие временные рамки. Речь идет о комплексах Ельшибек; кургана 2, Шедерты; курганов 1–3, Сангуыр II; курганов 1 и 15, Кара-Бие; курганов 2 и 3, Зевакино; кургана 1, Кызылтас; кургана Кызылтас II; одиночного кургана у с. Ленинка; Беркуты; курганов 48 и 55, Ботакара; кургана 19, Тасмола I; «37 воинов»; кургана 4, Карамурун I; кургана 2, Шедерты; Городищенского IX; Елизаветпольского; Новоактюбинского I; Новокондуоровского I; Солончанки IX; Султантимировского I; Нижне-Давлетовского; Сарбулата I; Олениной Отноги. На основании типологического сходства предметов конской узды (трапециевидная подпружная пряжка, кольчатые удила прямоугольного сечения и с подквадратными кольцами для повода), вооружения (трехлопастные ромбические наконечники стрел, ланцетовидные наконечники копий), а также керамики (группы ТГ 1 – ТГ 7) с вещевым комплексом, прежде всего, памятников раннеболгарского населения Самарской Луки и юго-восточной Европы, вышеперечисленные курганы с «усами» можно поместить в хронологические рамки V–VIII вв.

Комплексы курганов 2–4 Кызыл-Жар, кургана 14 Каинсай, курганов 1–3 Ижевский-2 (рис. 22; 38; 47; 48) занимают более позднюю хронологическую позицию относительно большинства курганов с «усами» и датируются в рамках VII–VIII и даже IX вв. На это указывают фрагменты кушнаренковского сосуда (курган 14 Каинсай), массивный трехлопастной наконечник стрелы, подпрямоугольная и сегментовидная подпружные пряжки с подвижной внутренней рамкой, характерные для позднеболгарских материалов (курган 3 Кызыл-Жар, курган 3 Ижевский-2). Этому не противоречит факт наличия больших вазообразных горшков в курганах с «усами» могильников Каинсай и Кызыл-Жар (рис. 22, VI, 2; 38, I, 4), имеющих типологическое сходство с селенташскими образцами и сосудами позднечаатаского и тюхтятского облика из Хакасии. Впрочем, следует оговорить, что курган 3 могильника Ижевский-2 находился в 10 м западнее курганов 1 и 2, составляющих центральную часть комплекса с «усами». И несмотря на то, что в кургане 2 был обнаружен железный черешковый трехлопастной наконечник стрелы, типологически близкий наконечнику из кургана 3, не исключено, что курган 3 мог быть пристроен к уже существовавшему комплексу кургана с «усами».

Наиболее позднюю позицию в рассматриваемом круге памятников занимают комплексы селенташского типа (Измайловка, ограда 9; Восточно-Курайлинский I, курган 2; Крутой Овраг, курганы 1–4; Селенташ, курганы 4, 5) (рис. 15, 1–5; 16, II; 65; 66). Скорее всего они представ-

ляют собой комплексы, которые, образно говоря, «доживают», сохраняя основные ключевые традиции центральных сооружений курганов с «усами», но возведение «усов» уже не является обязательной нормой. Показателен в этом плане один из наиболее поздних комплексов курганов с «усами» Кызыл-Жар (курганы 2–4), гряды которого почти не заметны (рис. 22, 1). По характерному керамическому комплексу, который представлен массивными вазообразными сосудами или прямостенными горшками вытянутых пропорций (ТГ 1, ТГ 4) позднеболгарского и тюхтятского облика, а также позднекушнаренковскому фрагменту (рис. 66, I, 1), селенташские памятники могут быть датированы в рамках VIII–IX вв. Этому не противоречит и набор ременной гарнитуры из кургана 4 могильника Елантау, и подпружная железная пряжка из кургана 4 могильника Крутой Овраг (рис. 64, 1, 2; 65, 3).

Глава IV

АРХЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЙ КУРГАНОВ С «УСАМИ»

В литературе существует несколько работ, в которых различными авторами предпринимались попытки астрономической трактовки пространственной ориентации комплексов курганов с «усами». Начало их изучения методами астрономии было положено П. И. Мариковским, который при исследовании курганов с грядами долины реки Или (Малайсары и Толагай) предложил рассматривать эти комплексы как некую пространственную модель, ось которой проходит от центрального кургана на восток, на ориентирную точку, обозначенную каменной вымосткой или отдельным камнем, находящимися на срединной линии между окончанием «усов». В этом случае данная ось будет указывать на место восхода солнца в день весеннего (21 марта) и осеннего (21 сентября) равноденствия. А линии, идущие от окончания «усов» на контрольную точку, укажут восход солнца в день летнего (21 июня) и зимнего (22 декабря) солнцестояния [Мариковский, 1977. С. 57]. Позднее он предложил разделить все курганы с «усами» на две группы – ориентированные на солнце и ориентированные на другие небесные тела (Плеяды, Орион, Сириус и др.) [Мариковский, 1983. С. 27–29].

В каком-то смысле методика П. И. Мариковского получила развитие в работах, проводимых Н. М. Бекбасаровым на курганах с «усами» Центрального Казахстана. Принципиальное отличие его исследований от предшествующих заключалось в том, что Н. М. Бекбасаров, произведя сложнейшие расчеты, выявил астрономическими методами широту места и направление истинного меридиана, установил географические азимуты направлений (в отличие от определений П. И. Мариковского, который ограничился магнитными), вычислил склонения Солнца и Луны в момент их восхода и захода. В результате Н. М. Бекбасаровым были построены видимые пути восходов и заходов Солнца и Луны при крайних значениях склонения для средней эпохи предполагаемых на-

блюдений и было проведено сравнение совпадений визируемых направлений с действительными положениями этих астрономических объектов на горизонте [Бекбасаров, 1993. С. 207–231; 1996. С. 12–14; 1997. С. 11–13; 1998. С. 163–170]. Работы эти опирались на данные первичного полевого обследования и визирования составных точек кургана Сага [Бекбасаров, 1993. С. 207–231; 1998. С. 163–170], который планиграфически представляет собой достаточно сложный и нестандартный комплекс кургана с «усами». Состоял он из восьми круглых выкладок курганного типа, северного «уса» длиной 100 м и южного – 74 м. Благодаря сложнейшим расчетам и наблюдениям, автору удалось собрать данные по 31 явлению – восход Высокой Луны, восход Равноденствия Луны, восход и заход Солнца в день весеннего и зимнего равноденствия, восход Низкой Луны и др. [Бекбасаров, 1998, Табл. 1]. Вообще тщательность и многопараметрность расчетов, приведенных в работе, впечатляют. Однако при внимательном знакомстве с результатами исследования возникает ряд трудноразрешимых вопросов, которые фактически заводят в тупик сам метод астрономической интерпретации в археологии, применяемый к конкретному объекту – кургану с «усами».

Многие из этих вопросов поставил А. З. Бейсенов в статье, написанной по поводу исследований Н. М. Бекбасарова [Бейсенов, 1998. С. 171–175]. Прежде всего, и это нам представляется весьма справедливым, А. З. Бейсенов подвергает сомнению закономерность полученных результатов.

Это связано с тем, что если принять за основу исследование, проведенное на кургане Сага, где основные линии наблюдения совпали с моментами движения Солнца, то как же быть с курганами других типов? Ведь, «имея в своей основе одно смысловое содержание, эти памятники не всегда одинаково выглядят во внешнем исполнении, то есть в отношении планиграфии» [Бейсенов, 1998. С. 172]. Напомним, что М. К. Кадырбаев выделил четыре типа курганов с «усами», А. З. Бейсенов – три, с разделением их на варианты, а у П. И. Мариковского их девять.

Другой и не менее существенный момент, на который указывает А. З. Бейсенов, это то, что астрономические расчеты необходимо делать на памятниках, которые подвергались изначально или впоследствии археологическому исследованию, так как «кроме основных типологических признаков в планиграфии комплексов с грядами встречаются и другие не менее важные моменты. В особенности, на территории комплекса могут находиться различного рода “сомнительные” элементы, располагающиеся, к тому же, совершенно по-разному» [Бейсенов, 1998.

С. 172]. К таковым относятся не только наличие (или отсутствие) неких ориентирных точек (камней, насыпей, вымосток), но и присутствие разновременных (более ранних или более поздних) курганов, располагающихся на площади комплексов курганов с грядами. Исследователями, занимающимися археоастрономией, отмечены и принципиальные различия между измерениями, проведенными до и после раскопок курганов с «усами» [Зданович, Кириллов, 2006. С. 13].

К сказанному следует добавить еще ряд вопросов, которые возникают в процессе знакомства с результатами работы Н. М. Бекбасарова. Во-первых, автор в преамбуле статьи говорит о том, что на территории Центрального Казахстана «курганы с “усами” стали сооружать двадцать семь веков назад и продолжали строить на протяжении более чем тринадцати веков» [Бекбасаров, 1998. С. 163]. Как нам представляется, в этом утверждении он опирается на мнение археологов, существующее до настоящего времени. Однако, если автор как астроном признает тот факт, что курганы с грядами являются сложнейшим универсальным астрономическим прибором, содержащим в своей конструкции большой объем информации, доступной лишь кочевникам Казахстана (от себя добавим, и Южного Урала), то, с точки зрения исторической логики, эти сведения и традиции должны были с большой точностью передаваться на протяжении гигантского отрезка времени. Кардинально менялись культуры, верования, обряды, народы, и лишь сложнейшая многоплановая традиция возведения астрономических измерителей – курганов с «усами», словно некая эстафета, в неизменном виде передавалась из поколения в поколение. Из этого представления, как нам кажется, вытекает и другая методическая неточность исследователя. Если автор принимает как факт столь длительный период существования рассматриваемых памятников, остается непонятным, почему за возможную дату сооружения кургана Сага берется средняя дата, а именно 1-й год н. э. [Бекбасаров, 1998. С. 165]. В этом случае временная коррекция точек визирования не дает определенного значения, а абстрактно учитывает некую усредненную позицию. Однако, как показали расчеты А. К. Кириллова, временное отклонение азимутов визирования весьма значительно и достигает расхождения точек визирования в несколько десятков метров. При постоянной высоте горизонта и удалении на 2–3 км отклонение азимутов составляет за 1000 лет в результате прецессии 10–15 минут, однако, судя по данным Н. М. Бекбасарова, в случае с наблюдениями на кургане Сага горизонт является близким (600 м), следовательно, и погрешность в определении азимута значительно

увеличивается. Таким образом, если принять за возможную датировку кургана Сага VI–VII вв. н. э. (что на сегодня представляется наиболее реальным) или VII–VI вв. до н. э., то направления на светила для этих периодов будут либо совершенно разными, либо иметь гораздо большие погрешности, чем те, которые были получены автором.

Думается, что в ряде случаев при сооружении этих комплексов воплощались весьма различные варианты общих представлений о погребально-поминальном обряде, которые возникали либо как территориальные, либо как временные (поколенческие) отличия. Это особенно ярко фиксируется по отклонению центральной оси комплексов. Несмотря на то, что у большинства курганов с «усами» она ориентирована на восток, имеется значительное число памятников, где центральная ось ориентирована на другие направления – от севера до юга. Часто курганы с «усами» одного могильника ориентированы грядами в разные стороны. Так, в Новоактубинской группе один курган с «усами» (курган 1) ориентирован грядами на восток, а второй (курган 2) – на юг. Гряды трех курганов с «усами» могильника Ботакара ориентированы по трем направлениям – на восток-юго-восток, восток и северо-восток (рис. 75) [Маргулан и др., 1966. С. 86. Рис. 23]. По-разному ориентированы гряды двух курганов могильника Кара-Бие (рис. 76), трех курганов могильника Сангуыр II (рис. 77) [Кадырбаев, 1959а. Рис. 5; 1961. Рис. 1].

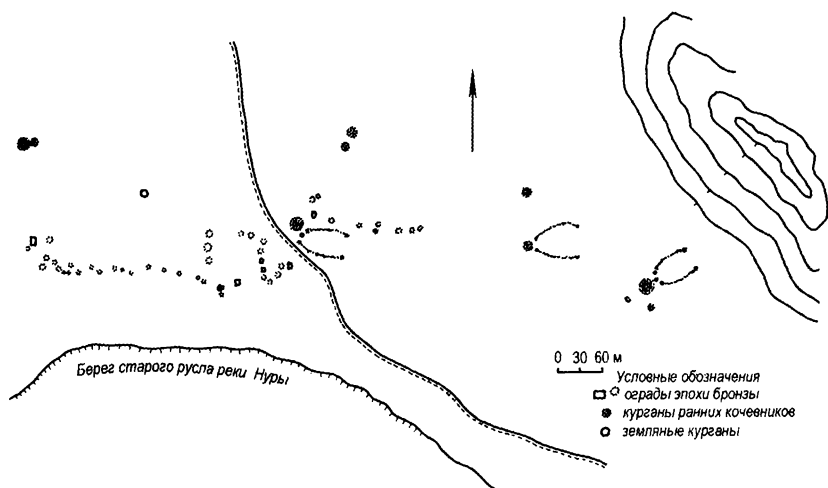

Рис. 75. План комплекса Ботакара на реке Нуре (по: [Маргулан и др., 1966. Рис. 23])

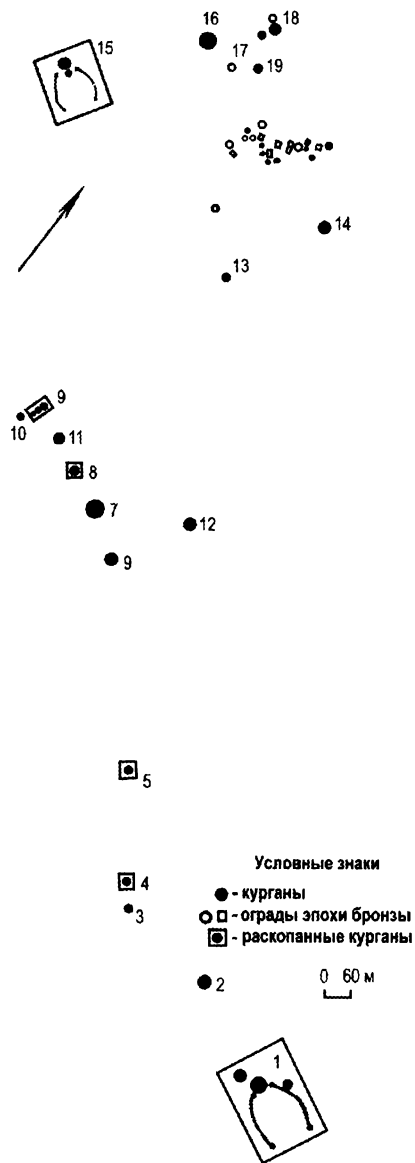

Рис. 76. План могильника Кара-Бие (по: [Кадырбаев, 1959а. Рис. 5])

В этой связи, как представляется, говорить об астрономических закономерностях в расположении отдельных пространственных точек курганов с «усами» следует со значительной осторожностью и лишь после полного и тщательного исследования всех элементов этих памятников.

Вопросы астрономических и календарных функций комплексов курганов с «усами», их ориентировки в ландшафте по астрономически значимым направлениям рассматривались также в ряде других работ археоастрономов [Зданович, Кириллов, 2002. С. 36–55; Мацына, Полякова, 2005; 2006; Полякова, 2006]. Однако на современном уровне исследований стоит не без сожаления признать, что «астрономическая» состоятельность удивительных мегаплановых сооружений, коими являются курганы с «усами», пока весьма сомнительна. Скорее всего, «типичный курган с «усами»... не столько служил прибором для ведения календаря, сколько выступает ритуальным объектом, сопряженным с календарной символикой, является своего рода «эмблематикой» календарной системы» [Зданович, Кириллов, 2002. С. 50].

В последние годы предпринята попытка решить проблемы абсолютной хронологии курганов с «усами» и с помощью археоастрономических методов.

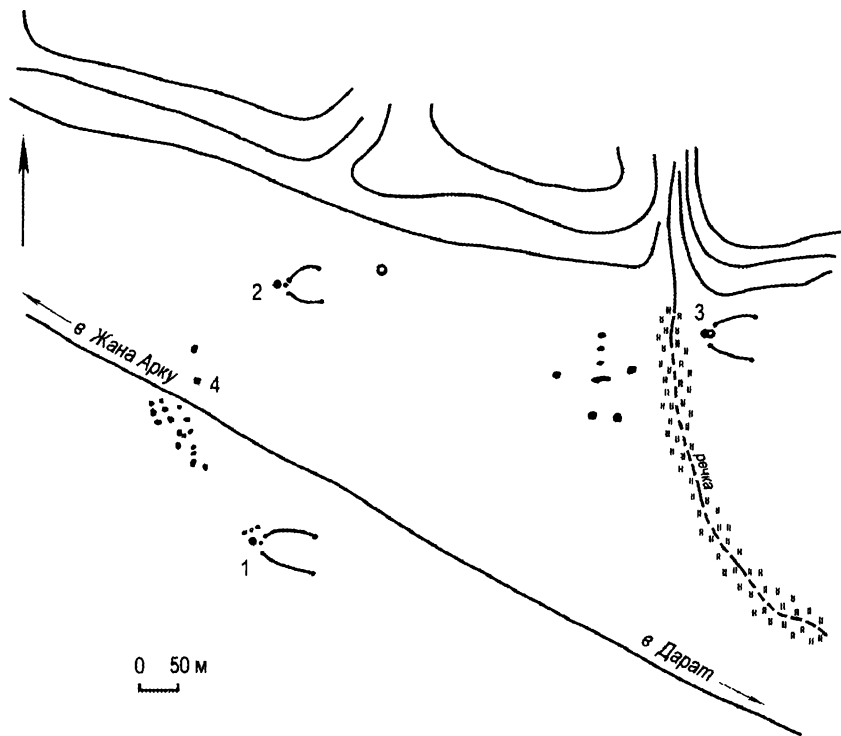

Рис. 77. План могильника Сангуыр II: 1, 2, 3, 4 – номера курганов (по: [Кадырбаев, 1961. Рис. 1])

Так, А. К. Кириллов, проведя инструментальные исследования на местности восьми курганов с «усами» на территории Челябинской и Оренбургской областей, датировал часть из них в интервале от 460 до 1015 г. н. э. [Зданович, Кириллов, 2002. С. 40. Табл. 2]. Нельзя сказать, что первый опыт оказался удачным. Из восьми курганов с «усами» археоастрономические даты были предложены для трех комплексов: Кондуровский (Новокондуровский I), Каменный Амбар VII, Солончанка IX, из которых два были исследованы и археологическими методами. Курганы с «усами» Солончанка IX и Новокондуровский I археологически датируются в пределах V в. н.э., для комплекса Каменный Амбар VII археологическая дата не определена. Археоастрономическая и археологическая даты совпадают только в одном случае – для комплекса кургана с «усами» Новокондуровский I (V в. н. э.). Из оставшихся пяти

курганов с «усами», на которых проводились археоастрономические исследования, два комплекса (Солончанка I, Городищенский IX) археологически датируются в пределах V – начала VI вв. н. э., но, к сожалению, определить их астрономическую дату не удалось. Такой разницей в результатах свидетельствует, на наш взгляд, об определенных недоработках в применяемой методике, что не позволяет нам полностью принять предложенные археоастрономические даты. Вероятно, результаты исследования не удовлетворили и самого А. К. Кириллова, который и попытался объяснить выявленные погрешности [Зданович, Кириллов, 2002. С. 54]. Тем не менее весьма важным, на наш взгляд, представляется вывод о том, что «исключая заведомо неадекватные даты.., мы можем, по крайней мере, с уверенностью указать на эпоху создания курганов – I тыс. н. э... Полученные нами даты, таким образом, позволяют согласиться с возможностью датирования курганов с «усами» Южного Зауралья V–VIII вв. н. э.» [Зданович, Кириллов, 2002. С. 54; см. также: Зданович, Кириллов, 2006. С. 13].

Глава V

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КУРГАНОВ С «УСАМИ»

Вопросы этнокультурной принадлежности памятников рассматриваемого круга весьма сложны. С одной стороны, это объясняется тем, что, как уже указывалось выше, подавляющее большинство курганов с «усами» и селенташских комплексов имеет крайне скудный вещевой материал, что затрудняет не только их культурную, но и хронологическую интерпретацию. С другой стороны, период V–VI вв. является своеобразным «смутным» временем в истории Евразийских степей. Это время постепенного завершения гуннской эпохи (постгуннский период) и складывания блока раннетюркских культур. Весьма общее археологическое представление о культурах кочевых народов (эфталиты, хиониты, кидариты, кутигуры, оногуры, сарагуры, баланджеры, авары, тюрки-теле, тюрки-ашина и др.), обитавших в восточноевропейских и урало-казахстанских степях и являвшихся современниками этой порубежной эпохи, не позволяет сегодня прийти к однозначному решению вопроса этнокультурной принадлежности рассматриваемого пласта памятников. И мнения авторов этой книги по данному вопросу разошлись. В связи с чем считаем корректным привести отдельно позиции авторов в той последовательности, в которой они были введены в научный оборот.

По С. Г. Боталову

Как уже отмечалось, курганы с «усами» и комплексы селенташского типа известны далеко на западе – в степях Восточной Европы. Так, курган 18 (II) Новогригорьевского могильника являлся каменной площадкой, завершающей с востока идущий от большого кургана II «ус». Центральный курган II «возник над погребением эпохи бронзы». По реконструкции А. И. Семенова, севернее располагался второй «ус», камни которого находились глубже в почве и остались незамеченными [Семе-

нов, 1988. С. 98, 99. Рис. 1]. Впрочем, возможно, что северный «ус» был сложен из грунта и впоследствии распахан. На наш взгляд, курган 18 (II) Новогригорьевки является типичным комплексом кургана с «усами» и относится к средневековому могильнику, в котором исследованы курганы как VI–VII вв., так и VII–IX вв. Инвентарь последних типичен для памятников селенташского типа.

Еще один курган с «усами» был обнаружен П. С. Рыковым в урочище Три Брата в Калмыкии. Он состоял из центрального каменного кургана, от которого в северо-восточном направлении отходили дугообразные однорядные дуги длиной 150 и 100 м [Рыков, 1936. С. 115–116; Сеницын, 1948. С. 158. Рис. 23]. Кроме того, в Нижнем Поволжье известны так называемые курганы-кострища – Краснополье, курган Е 14; Усть-Караман, курган Е 13; Отроговка, курганы Д 18, Д 19; Покровск, курганы 2, 3, 11, 17, 18; Ровное, курганы 42, 47; Высокое, курган Е 7. Основные черты обряда (следы огня и продуктов горения под насыпью на уровне древней поверхности, деревянные обожженные конструкции в виде рам, кости лошади и барана, установка сосудов в северо-восточном секторе, разрозненные предметы со следами пребывания в огне) [Засецкая, 1994. С. 181–184, 196, 197. Рис. 1] позволяют с уверенностью говорить о сходстве этих памятников с комплексами селенташского типа и курганов с «усами», а набор вещевого инвентаря, обнаруженного в этих курганах-кострищах (плавно профилированная керамика, трехлопастные ромбические наконечники стрел, костяные накладки от лука, фрагменты изделий, выполненных в полихромном стиле, и др.) [Засецкая, 1994. Табл. 29, 1–14, 21; 31] дает основание рассматривать их в едином хронологическом и культурном контексте.

Однако истоки традиций, которые отличают комплексы курганов с «усами»: мегаплановые сооружения, развернутые на восток и возведенные вокруг или вблизи центрального кургана-храма (оградки, вымостки), в котором находятся кострище или продукты горения, предметы вооружения, узда, украшения, а также кости лошади, ее шкура, макет или маленькая модель, необходимо искать, вероятнее всего, на востоке – в ареале культур тюркоязычных кочевников Центральной Азии.

Наиболее восточными параллелями курганам с «усами» урало-казахстанских степей являются комплекс «Хусюй» (могила «Хусюй») в Южном Синьцзяне, в котором широкие дуги «усов» отходят на юго-восток от центральной подквадратной вымостки [Фуқанши Нанцюань... 1997. С. 415] (рис. 78, 1, 2) и своеобразный, но весьма показательный комплекс Табатэ (Кучьгайте), обследованный автором в 2005 году в

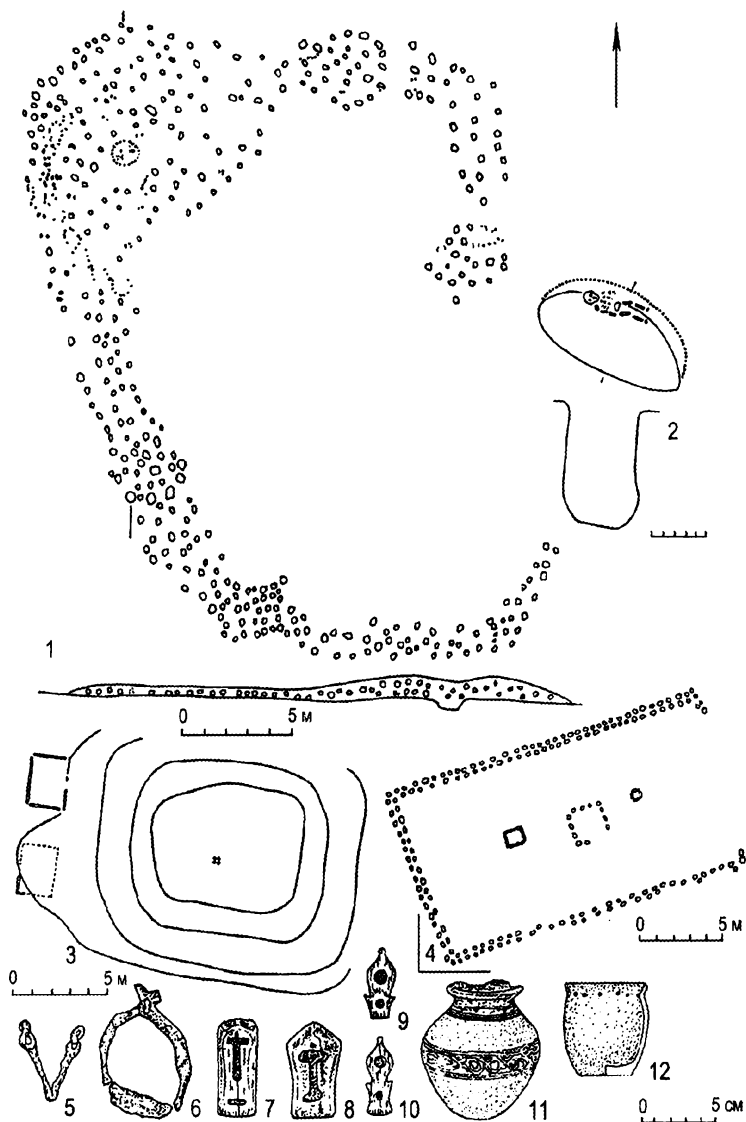
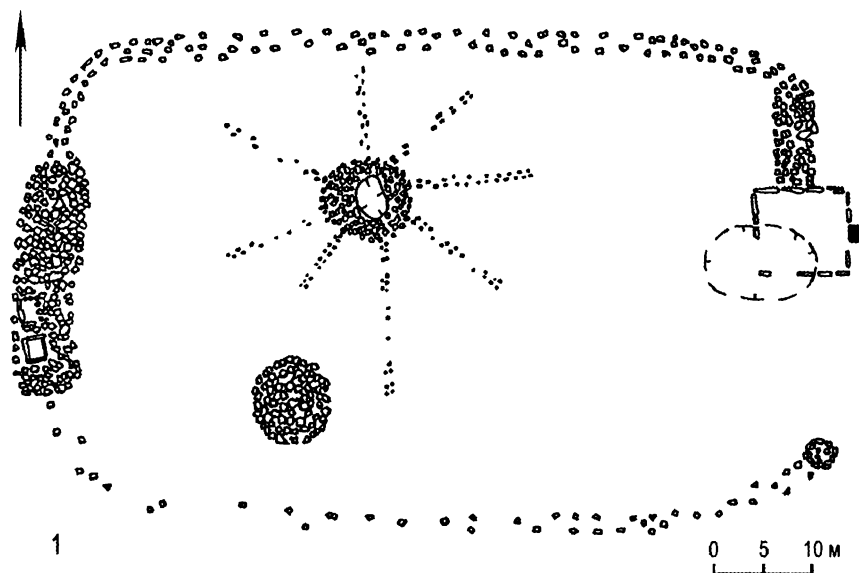

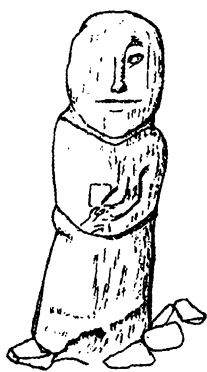
Рис. 78. Мегалитические сооружения Синьзяно: 1, 2 – могила «Хусюй»; 3 – могильник Кэрмуци, ограда М16; 4 – могильник Кэрмуци, ограда М 14; 5–12 – материалы раннеюрского времени могильника Кэрмуци (по: [Фуканши Нанцюань... 1997; Варенов, 1999; Худяков, Комиссаров, 2002])

Северо-Восточном Синьцзяне (рис. 79, 1). Памятник находится в межгорной долине Монгольского Алтая в 5 км к ССВ от уездного центра Цинхэ. В восточной части комплекса отчетливо фиксируется каменная вымостка подпрямоугольной формы (5×24 м), вытянутая по линии север–юг. В ее юго-западной части под каменным панцирем просматриваются остатки двух квадратных оград размерами около 1,2×1,2 м, расположенных почти по линии север–юг. Северная часть вымостки плавно переходила в гряды, ширина которой колебалась от 1,5 до 2 м. В 10–15 м к ССВ от вымостки гряда резко загибается на восток и далее образует прямую линию протяженностью 84 м. Затем она вновь загибается под прямым углом на юг и заканчивается подквадратной оградой размерами 9×10 м. Гряда в месте загиба ее к югу и соединения с оградой имеет более плотное заполнение, хотя характер камней и их размеры не изменяются.

У восточной стенки ограды установлено каменное изваяние (лицом на восток) раннетюркского облика. На левой половине лица хорошо читаются глаз, нос, усы, губы, сцепленные у живота руки поддерживают кубок (рис. 79, 2, 3) [Ван Бо, Ци Сяо Шань, 1995. С. 57, 165, 167]. Юго-западный угол ограды разрушен большим овальным углублением размерами 9–10×7 м, которое, вероятно, является поздним грабительским вкопом. Южная гряда имеет более разреженное заполнение, чем северная, что, возможно, объясняется ее частичной распашкой в прошлом. Наиболее хорошо очертания южной гряды прослеживаются в ее восточной концевой части, где она плавно загибается к северу и заканчивается небольшой округлой каменной выкладкой (розеткой) диаметром около 2 м. В целом контур южной гряды более дугообразный и напоминает обычный контур гряды кургана с «усами». В срединной части комплекса, внутри огороженной грядами площадки, находятся две каменные округлые насыпи диаметром 10 и 11 м. От северной насыпи в разные стороны отходят восемь лучеобразных гряд длиной от 10 до 18 м. По внешнему облику эти насыпи, вероятно, относятся к раннему скифскому периоду. На наш взгляд, комплекс Табатэ универсально сочетает в себе три архитектурных традиции, существовавшие в пределах большого тюркского ареала. Во-первых, традицию сооружения квадратных жертвенно-поминальных оградок с установленными у их восточного края (лицом на восток) каменными изваяниями, распространенную в Саяно-Алтае и Монголии. Во-вторых, восточнотюркскую традицию возведения храмов-пантеонов с квадратными центральными оградками и подпрямоугольными стенами, загибающимися в концевой части и об-

2

3

Рис. 79. Комплекс Табатз (Кучьгайте) в Синьзяне: 1 – общий план, 2, 3 – каменное изваяние

разующими проход с востока, зафиксированную в Монголии. И, в-третьих, урало-казахстанскую традицию сооружения комплексов курганов с «усами», идущими дугообразно на восток от центральной насыпи и заканчивающимися небольшими округлыми вымостками-розетками.

Если проанализируем основные элементы древнетюркских поминальных комплексов Саяно-Алтая и Монголии, то выяснится, что по своим функциональным особенностям отдельные их элементы весьма сходны с элементами, составляющими комплекс курганов с «усами». Центральный курган-храм в южносибирских и монгольских комплексах представлял собой, как правило, квадратную оградку или вымостку, оконтуренную камнями [Варенов, 1999. Рис. 1; 2; Войтов, 1996. Рис. 7; 14; 18; 19; 22; 24; 37; Грач, 1961. Рис. 6; 9; 13; 22; 28; 31; 47], хотя известны центральные храмы и округлой формы (Знаменка, Идэрский, Могойн-Шине-ус, Эрдэнэмандал VI) [Войтов, 1996. Рис. 2; 8; 12; 26] (рис. 80). Как уже указывалось, многие центральные насыпи комплексов курганов с «усами» также имели вид прямоугольных или многоугольных оградок, оконтуренных камнями (Еремей-Тау; Городищенский IX; Елизаветпольский; Оленина Отнога; Каинсай, курган 14; Новокондуровский I и др.), что позволяет сопоставлять их с южносибирскими курганами-храмами*. Вокруг или перед **центральной (малым) храмом** грунтовыми валами и рвами или каменными грядами оконтуривалось пространство **большого наземного храма**. Оно организуется длинными сторонами в восточное направление, где располагается вход в большой храм. В Монголии большие храмы, как правило, имеют правильную прямоугольную форму [Войтов, 1996. Рис. 5; 8; 9; 11; 13; 14; 17–23] (рис. 80). В ряде случаев в Монголии и особенно часто в Саяно-Алтае пространство перед центральной оградой-храмом оформлялось дугообразными цепочками каменных балбалов, идущими с востока на запад. При этом, как уже справедливо отмечено, обязательное расположение загиба на концах этих рядов факт не случайный – он играет особую культовую функцию [Грач, 1961. С. 54. Рис. 20; 22; 26; 52; 57; 66; 71; Сорокин, 1981. С. 30; Войтов, 1996. С. 89, 90; Кубарев, Цэвээндорж, 2002. Рис. 21].

По сути дела, «усы», или гряды, в урало-казахстанских комплексах

*Как нам представляется, количество таких курганов-храмов в урало-казахстанских степях было гораздо больше, но степень их разрушенности и методика исследования отдельных комплексов не позволяют в ряде случаев установить первоначальную форму центральных сооружений.

играют роль символических стен, оконтуривающих и организующих пространство большого храма. Интересно, что средняя площадь большого храма в монгольских и урало-казахстанских памятниках примерно одинакова и колеблется в пределах 1000–2000 кв. м.

Яркой отличительной особенностью восточнотюркских погребально-поминальных традиций является установление каменных изваяний вблизи жертвенно-поминальных оград. Не вдаваясь в сложнейшие вопросы зарождения и формирования традиций каменной скульптурной пластики в Евразийских степях, здесь особо следует заметить следующее: в изучаемый исторический период традиция установления восточнотюркской знатью каменных скульптур, вероятнее всего, заимствуется из Танского Китая. В период династии Тан возведение грандиозных каменных статуй в честь императоров и знати достигает своего наивысшего расцвета. Первичный анализ скульптур императоров и вассалов в комплексе мавзолеев Квианлинг (близ Сиани) убеждает нас в том, что именно здесь демонстрируются фактически все основные иконографические принципы каменной скульптуры раннего средневековья. Учитывая непосредственное участие китайских строителей и скульпторов в возведении погребальных сооружений восточнотюркских каганов (памятник Кюль-Тегина), заимствование тюрками китайских скульптурных традиций представляется вполне вероятным. Это обстоятельство в определенной мере объясняет тот факт, что традиция установки каменных изваяний на территории урало-казахстанских степей возникает не с момента формирования первого Тюркского каганата, а позже – в конце VII–VIII вв., после переселения племен, ранее входивших в состав восточнотюркского объединения: ранние кыпчаки (сеяньто), карлуки.

Однако, как уже сказано выше, в целом основные этапы и принципы тюркского жертвенно-поминального ритуала, безусловно, схожи и в конечном счете реализуют единую модель.

В определенной мере вышеприведенные археологические наблюдения подтверждаются нарративными источниками. Основные детали погребального обряда, приводимые в известных хрониках Тан Чжоу, а также в малой и большой надписи на памятнике Кюль-Тегину, выглядят следующим образом. Вначале покойника укладывали в юрту (центральный храм-святилище) на возвышенном месте. Для Кюль-Тегина в центре обвалованной и вымощенной сырцом площадки (67,25×28,85 м) был сооружен храм из кирпича (10,25×10,25 м) со святилищем в центре (4,4×4,4 м). **Перед покойником укладывали жертвенных животных – лошадь и овцу.** В назначенный шаманом день покойника **вместе с**

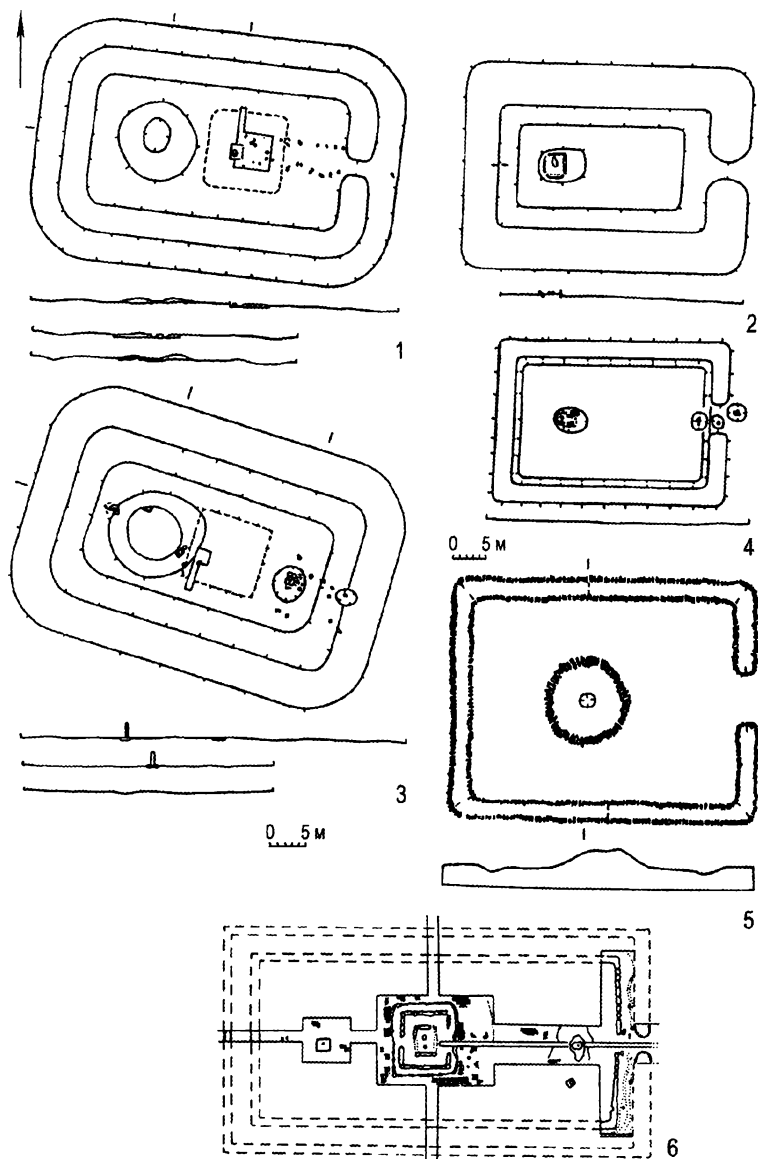
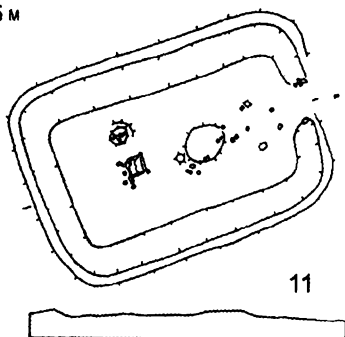
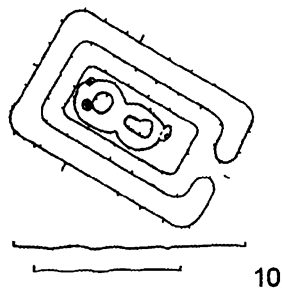
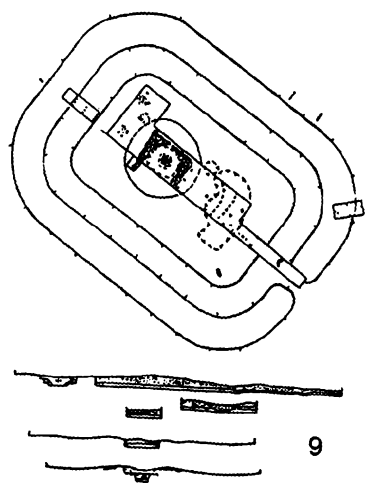
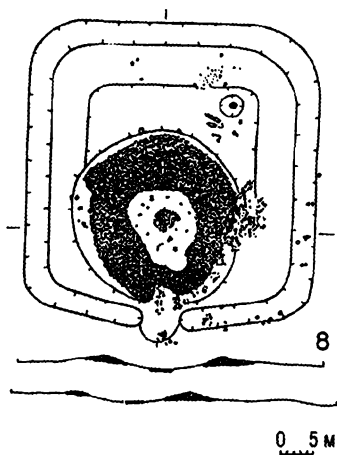
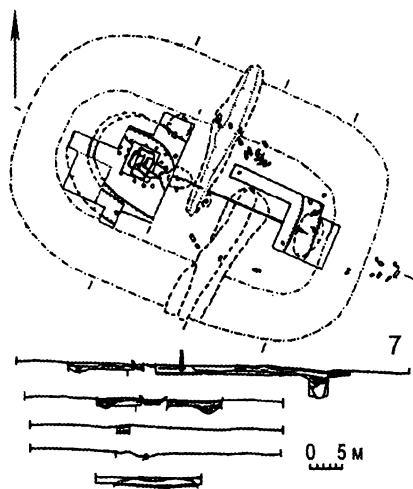

Рис. 80. Восточнотюркские пантеоны (по: [Войтов, 1996]). 1 – Идэрский; 2 – Баян-Обо; 3 – Их-Хушот; 4 – Тоглохын-тал II; 5 – Знаменка; 6 – Хушо-Цайдам II;

его конем сжигали (на стороне. – С. Б.), а **пепел с вещами** (побывавшими в огне. – С. Б.) предавали земле. После этого сверху набрасывали камни. **От этой могилы, либо от входа храма на восток выстраивали аллеи балбалов**, олицетворяющих убитых врагов [Грумм-Гржимайло, 1926. С. 214–215; История Сибири, 1968. С. 284; Кляшторный, 1964. С. 57, 58].

Таким образом, и письменные, и археологические источники демонстрируют абсолютно сходный набор обязательных черт погребального ритуала, распространенного в среде наиболее знатных тюркских родов (тюрков Ашина). Именно этому кочевому населению, очевидно, и принадлежат культово-поминальные курганы с «усами» и комплексы селенташского типа.

В заключение хотелось бы высказать несколько наблюдений семантического порядка. Если предположить, что курганы с «усами» призваны были реализовать некую модель организованного пространства, то в этом случае все составляющие элементы этих комплексов довольно точно определяют облик тюркского жилища – юрты. Как известно, основная ориентационная ось тюркской юрты запад–восток, с востока располагается вход-выход, а на западе – центральный угол или «тор» (место хозяина) [Львова и др., 1988. С. 63–67]. Эта же модель реализуется и в курганах с грядами, которые образуют с востока широкий проход, оформленный концевыми вымостками. Крайнюю западную позицию занимает центральный курган (вымостка или ограда), на площадке которого проводилась основная часть ритуала. В непосредственной близости от «тора» расположен очаг, что подтверждают следы прокалов или продукты горения, находящиеся на центральной площадке. Неотъемлемой символической частью поминального жилища являются священное дерево и жертвенные сосуды [Кубарев, Цвээндорж, 2002. С. 84]. Керамические сосуды, врытые в землю или встреченные в насыпи, как правило в северо-восточном секторе центрального кургана, – обязательный составной элемент центрального кургана – «жилища хозяина», «тора». Что касается дерева, то здесь можно отметить лишь один случай обнаружения глубокой столбовой ямы с остатками дерева и углей в центре квадратной вымостки кургана с «усами» Елизаветпольский (рис. 59, II).

Данные параллели можно продолжить, реконструируя назначение северной и южной гряд. Тюркское жилище делится на две половины: южная (справа от «тора») – мужская, северная (слева от «тора») – женская. И, наконец, с востока на запад возрастает иерархия знатности. Возможно, эта традиция объясняет наличие дополнительных оградок,

вымосток или дополнительных насыпей в составе чаще северной, реже южной гряд отдельных комплексов курганов с «усами» (Каинсай, курган 14; Новоактюбинский I; Солончанка I; Былкылдак, курган 56; Сангуыр II, курган 1; и др.). Они могут быть интерпретированы как дополнительно пристроенные погребально-поминальные сооружения в честь сородичей по женской или мужской линии. Оригинальную трактовку рядов балбалов предлагают В. Д. Кубарев и Д. Цэвээндорж. По их мнению, балбалы, образующие ряды, выступали в качестве коновязи при проведении поминальных обрядов [Кубарев, Цэвээндорж, 2002. С. 87–89. Рис. 22]. В этой связи заметим, что в ряде случаев гряды курганов с «усами» также сложены с использованием крупных камней и вертикально установленных стел. Возможно, что в этом случае мы имеем дело не только с собственно коновязью, но и особо определенным и строго регламентированным местом того или иного члена рода, присутствующего на погребальной или поминальной тризне.

Таким образом, курганы с «усами» и кульгово-поминальные памятники Монголии и Саяно-Алтая отражают единокультурные представления западных и восточных тюрков. Основные структурообразующие детали (наличие центрального храма с совершенным в нем погребальным или поминальным ритуалом в виде костровища, большого храма, развернутого входом на восток) этих памятников сходны. Разнятся они лишь в архитектурном оформлении отдельных элементов. Наличие комплексов, близких курганам с «усами», в Северном Синьцзяне, своеобразное оформление стен более раннего кульгового комплекса ограды 14 Кэрмуци в виде каменных гряд, загибающихся на восточных концах [Варенов, 1999. Рис. 1, 2] (рис. 78, 4) (промежуточный вариант между прямоугольным храмом и «усами»), существование здесь устойчивой традиции установки каменных изваяний у восточных стенок оград (рис. 81) позволяют говорить, что район Восточного Туркестана является центральным в большом ареале тюркского мира в распространении двух культовых традиций: на запад – курганов с «усами», на восток – кульгово-поминальных комплексов монгольского типа. На наш взгляд, различие пантеонов урало-казахстанских и монгольских степей отражает, вероятно, своеобразие культур западного и восточного тюркских каганатов. При этом, скорее всего, речь идет о кульгово-погребальных представлениях родового ядра тюрков-тюю (Ашина) джунгарских, монгольских и урало-казахстанских степей. Эти традиции значительным образом отличаются от культурных норм тюркоязычного населения Саяно-Алтая, так называемого объединения теле, где издавна сформировалась

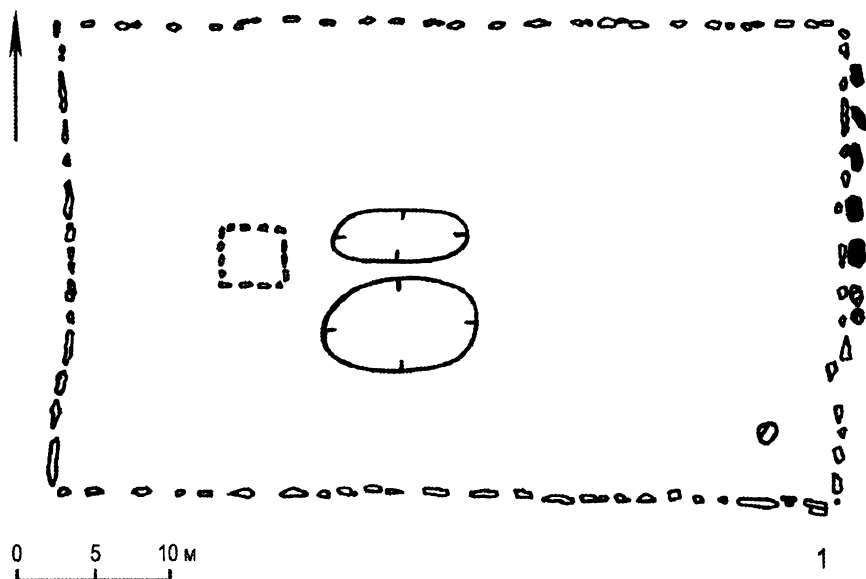

Рис. 81. Комплекс Кэрмуци (Чемурчек). 1 – общий план; 2 – каменные изваяния

традиция курганных захоронений и погребений с конем с восточной или западной ориентировкой.

По И. Э. Любчанскому

Самым сложным в любом исследовании являются вопросы интерпретации полученных результатов. Если по вопросу хронологии комплексов курганов с «усами» был достигнут относительный компромисс, то по проблеме культурно-исторической принадлежности мнения авторов разошлись.

Это обстоятельство заставляет обратить внимание на выделяемый С. Г. Боталовым так называемый «селенташский» тип памятников в урало-казахстанских степях и присоединение его к абсолютно иному типу археологических памятников, таких, как комплексы курганов с «усами». Причем именно памятники этого типа дают самую верхнюю границу (VIII в. н. э.) бытования памятников очерченного круга. Не оспаривая реалию существования самобытного «селенташского» типа памятников, я все-таки не склонен видеть в нем тип памятников, генетически связанный с комплексами курганов с «усами». Приведенные в главах 1–3 данные по комплексам курганов с «усами» убеждают в том, что основной массив их датируется в пределах V – начала VII вв. н. э., причем большинство комплексов курганов с «усами» все-таки датируются V – VI вв. н. э.

Исходя из полученной хронологии комплексов курганов с «усами» урало-казахстанской степи, логика исследования позволяет лишь высказать суждение на тему возможной их историко-культурной принадлежности. Отмечу, что это не единственное суждение, которое существует в настоящее время в научной литературе. Однако даже те данные, которые мы получили в ходе проведенного исследования, не позволяют выдвинуть стройную гипотезу по вопросу историко-культурной принадлежности комплексов курганов с «усами» урало-казахстанских степей.

Тем не менее, возьму на себя смелость обнародовать некоторые мысли и суждения по столь сложному и дискуссионному вопросу.

Проведенный анализ погребального инвентаря и архитектурных особенностей самих сооружений подтверждает ранее выдвинутую версию о двойственном характере составляющих, которые определяют материальную культуру кочевников Южного Зауралья этого времени. Наиболее важные черты объективно относятся к предшествующему гуннскому миру (узды, наконечники, изделия полихромного стиля, большинство типов керамики). Но наряду с этим фиксируется и проявление

элементов материальной культуры, генетически связанных с тюркским миром (единичные формы керамики).

Из всего вышеизложенного может следовать лишь то, что в нашем распоряжении пока нет веских аргументов, которые бы позволили точно определить этнокультурную принадлежность комплексов курганов с «усами» Южного Зауралья.

Все же следует заметить, что появление в курганах кочевников II–VI вв. н. э. Южного Урала изделий центральноазиатского происхождения позволяет утверждать, что население Южного Зауралья оказалось втянутым в геополитические процессы, связанные с выходом на историческую арену «хионито-эфталитского» государства. Возвышение этого племенного образования напрямую связано с событиями в Кушанской Бактрии. Могущественная империя кушан ко II в. н. э. приходит в упадок и распадается на южную и северную Бактрию. Каждая из частей империи оформляет свои геополитические и экономические интересы в регионе. Южная Бактрия распространяет свое политическое влияние до пределов Северной Индии, и в конечном счете ее политическим центром становится Пешевар. Северная Бактрия вектором своих политических амбиций избирает северные районы Азии и ставит под контроль всю Среднюю Азию. Политическим центром Северной Бактрии становится город Балх в среднем течение Амударьи. Таким образом, северные границы Бактрии соприкасаются с границей государства Кангюй, территория которого достигала Южного Урала [Кюнер, 1961. С. 74].

К IV–V вв. н. э. из многоэтничного населения Северной Бактрии начинают выделяться племена хионитов, свидетельства о которых содержатся в армянских хрониках в связи с персидскими войнами. Видимо, набеги кочевников-хионитов на Иран вызвали серьезные опасения, что вынудило иранских шахов совершать военные походы на «северных варваров» [Тер-Мкртчян, 1979. С. 18–30]. Результатом таких взаимоотношений становится изменение политического вектора, когда какие-то «кушанские племена» вторгаются в пределы Согда и Давани (Бухары). Такому успеху во многом способствовала сложившаяся ситуация в урало-казахстанских степях после ухода гуннов на запад. Освободившуюся территорию осваивают новые кочевники южной волны. На новых территориях мигранты впитывают в себя постгуннский этнический компонент (иранский – сарматский и угорский – саргатский), что нашло отражение в письменных источниках и археологическом материале. Вновь возникший конгломерат, возможно, стал именоваться хионитским. Косвенным подтверждением ассимиляционных процессов

могут служить сведения позднеантичных историков (Иордан, Прокопий Кессарийский), которые указывают на эфталитов, как на близкий, возможно родственный, хионитам и гуннам народ. За время IV–V вв. н. э. хиониты-эфталиты распространяют свое влияние на земли Кангюя (именно с этого времени упоминания о Кангюе прекращаются в поздних китайских хрониках) и вторым переименованием Яньцай-Алания в Судэ. Это событие связывается с домом Хуни (хионитов), находившихся в отношениях частичной зависимости от Китая [Любчанский, 2003. С. 17].

Таким образом, можно предположить, что Южный Урал (во всяком случае Южное Зауралье) входило в состав оформившейся «эфталитской империи».

Привлекая данные исторической географии, археологии и письменных источников, приходим к суждению о том, что население, оставившее комплексы курганов с «усами», находилось в сфере влияния эфталито-хионитского государства. Следовательно, по всем своим характерным признакам комплексы курганов с «усами» ближе к гуннскому и, возможно, сарматскому миру, нежели ко времени тюркских каганатов.

Глава VI

УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИЕ СТЕПИ В V–VIII ВВ. (ЭТНОИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ)

В понимании этноисторических процессов, протекавших в урало-казахстанских степях в V–VIII вв. н. э., у авторов данного исследования не сформировалось общего представления. В этой связи данная глава дается в изложении С. Г. Боталова.

Попытаемся реконструировать историческую ситуацию, которая сложилась в урало-казахстанских и восточноевропейских степях в период основного бытования традиции сооружения курганов с «усами» и комплексов селенташского типа V–VIII вв.

Помимо вышерассмотренных памятники раннего средневековья в урало-казахстанских степях крайне малочисленны. При определении различий некоторые из них (Каменный Амбар, курганы 5, 6; погребение Аркаим; Шипово, курганы 2, 3; Верхнепогромное, курган 4, погребение 3) обнаруживают достаточно четкие гуннские традиции, которые усматриваются в северной ориентировке покойников, наличии гробовых конструкций, наборе вещевого инвентаря. Основная часть постгуннских памятников на севере степной зоны располагается в лесостепном Приуралье и Зауралье. Но на этом этапе наблюдается процесс смешивания гунно-сарматского и местного лесостепного населения. Так, в результате микширования приуральского финно-угорского населения, носителей именьдяшевской культуры (могильник Охлебинино, Шиповский, Ново-Сасыкуль) и гунно-сарматских племен, оставшихся в пределах Приуралья [Овсянников, 1999] после ухода основной части гуннского союза далее на запад, в бассейне среднего течения реки Уфы, к V в. н. э. формируется турбаслинская культура, которая продолжает существовать вплоть до VIII в. н. э. Население ее, по всей видимости, ведет оседлый (или полuosедлый) образ жизни, однако основные слагающие ее элементы: небольшие грунтовые курганы с индивидуальными захоронениями, узкими прямоугольными ямами с нишами и подбоями,

с северной ориентировкой покойников, искусственной деформацией черепов, а также соответствующий набор вещевого инвентаря имеют кочевнический гунно-сарматский облик. В этот период в отдельных турбаслинских памятниках наблюдается определенное воздействие со стороны тюркокультурного степного ареала. Это выразилось, на наш взгляд, в появлении среди турбаслинских комплексов погребений со шкурой коня на ступеньке (Коминтерновский II, погребение 46; Кушнарниковский, погребения 2, 27), а также поясных наборов с элементами геральдического стиля [Генинг, 1977. С. 95–104; Казаков, 1996. С. 55. Рис. 5; Боталов, Полушкин, 1996. С. 184]. Аналогично этому в Зауралье появляются гунно-сарматские памятники, в которых наблюдается присутствие местного угорского компонента. Это выразилось, прежде всего, в наличии в этих комплексах характерной кашинско-прыговской зауральской лесостепной керамики [Шарапова, 2000. С. 23; Боталов, Полушкин, 1996. Рис. 1, 1–5; 3, 2].

В определенной мере неизменная культурно-историческая ситуация продолжала сохраняться в пределах оазисных зон Южного Казахстана и Средней Азии. Здесь продолжают свое развитие ранее существующие историко-культурные комплексы (ИКК). До IV–V вв. в пределах Семиречья и Прииссыкуля существуют усуньские памятники, в пределах Таласской долины, Средней Сырдарьи, Ташкентского оазиса продолжают существование культуры аланско-кангуйского ИКК. По мнению А.К. Амброза, отдельные комплексы Шаукушумского могильника могут быть датированы даже VI–VII вв. н. э. [Амброз, 1981. С. 21. Рис. 10]. И, наконец, сохраняется вплоть до VIII в. довольно крупный очаг джетысарских комплексов. Хотя в целом население оазисов, расположенных на южной периферии казахстанских степей, в это время испытывает влияние экологического кризиса, связанного с общим усыханием Приаральского региона.

На наш взгляд, наиболее применим термин «постгуннские» памятники именно к джетысарским комплексам V–VIII вв. (могильники Алтынасар 4, 4а, 4в, 4ж, 4м, 4о, 4р, 4т; Томикасар, Касасар). При этом эти комплексы не демонстрируют кардинального изменения гунно-сарматских погребальных традиций (сырцовые склепы и земляные курганы с индивидуальными грунтовыми погребениями с положением покойника головой на север). Вероятно, к инновациям в джетысарских комплексах этого периода стоит отнести возникновение традиции захоронения лошадей или шкур лошадей в могильных ямах (курганы 62, 209, 212) [Левина, 1996. С. 120], а также появление предметов восточного

(тюркокультурного) круга (жесткие седла, конская узда, включающая костяные подпружия, пряжки и чубуки, железные стремяна и удила), а также пояса геральдического стиля [Левина, 1996. Рис. 94; 96; 127; 130–132; 134–138]. То есть очевидно, что и здесь при сохранении единокультурности населения, оставившего позднегуннские джетыясарские памятники, наблюдаются те же инновационные тенденции, что и в постгуннских памятниках Южного Урала. Вероятнее всего, этот факт не случаен. Как нам представляется, даже после исхода отдельных племен этой конфедерации на северную и южную периферии Урало-Аральской пастбищно-кочевой провинции между зонами Приаралья и Южного Урала поддерживались определенные контакты. Происходили они посредством отдельных групп кочевого населения, или эта связь сохранялась как система торгово-обменных контактов между двумя разноландшафтными хозяйственными зонами, сказать трудно. Думается, что основой поддерживаемых коммуникационных связей являлось этнокультурное единство населения северной и южной провинций ареала, которое возникло с первых веков н. э. и продолжало свое развитие вплоть до VIII в. Это единство подтверждается не только наличием отдельных типов керамики в турбаслинских и бахмутинских памятниках Южного Приуралья, весьма сходных с типом джетыясарской посуды, а также, что весьма важно, находками и в тех, и в других памятниках схожих предметов культового назначения. Речь идет о зооморфной керамической пластике на ритуальных сосудах и антропоморфных изображениях в металле. Особенно поражает абсолютная схожесть металлических мужских фаллистических фигурок, обнаруженных в Алтынасарских, Бирском и Кушнаренковском могильниках [Левина, 1996. Рис. 169; Генинг, 1977. С. 106. Рис. 11, 1].

Таким образом, в низовьях Сырдарьи в переходный постгуннский и раннетюркский периоды продолжает свое существование джетыясарская культурная общность, которая, судя по всему, неразрывно связана с постгуннским населением Южного Урала. С определенной осторожностью сегодня можно лишь наметить сложные вопросы атрибутации историко-культурного комплекса данного населения (эфталиты, хиониты, кидариты), так как историко-археологические реалии северо-запада Средней Азии в определенной мере позволяют построить логику историко-культурного процесса трансформации культуры южноказахстанских гуннов в период раннего средневековья. Племена хионитов и эфталитов, по устоявшемуся мнению, соотносятся с «белыми гуннами». По наблюдениям И. Маркварта, основанным на анализе «Суйшу» и «Бэйши», ряд династий «белых гуннов» вышли из племени ун, которое также

носит название куни (хуна). Последние, в свою очередь, в качестве самостоятельного народа упоминаются в 470 году (в бахитарийской надписи – Скандогунны). Их происхождение связано с родом европейских гуннов Аттилы. Некто Ху/Тайсы (которого Хирт отождествлял с сыном Аттилы, имя которого читалось как Ignas, Ignach, Негнас) стал править страной Яньцай ши Судэ. Еще до смерти отца «Ирник был господином восточной части империи» [Аристов, 1904. С. 49]. Упоминается также, что основной военной силой эфталитов являлись гунны, которым они предоставили полную свободу. В 90-х годах V века они переправились через Амударью и завоевали Тохаристан, Пенджай, Уструшему, Согд, часть Гургана, Арашар [Кондратенко, 1994. С. 34–38]. Таким образом, письменные источники довольно прозрачно говорят о господстве гуннов-эфталитов в стране Судэ-Яньцзай со второй половины V века н. э., что довольно точно соотносится с тем массивом кочевнических гунно-сарматских джетыасарских комплексов, основное количество которых действительно появляется со второй половины V в. н. э. Однако думается, что историческая судьба последних среднеазиатских гуннов требует отдельного тематического исследования. В данном контексте нас в большей мере интересуют те инновации, которые появляются в среде постгуннского населения, тем более что эти традиции позволяют говорить о начале тюркизации среднеазиатского региона на юге и лесостепного ареала на севере. Этот период ознаменовался появлением вначале на восточной окраине, а затем и в глубине казахстанской степи таких комплексов, как Чиликты, Егиз-Койтас, курган 6 могильника Бобровский, Кара-Агач, которые характеризуются восточной ориентировкой погребенных и наличием в них коня или его шкуры [Савинов, 1984. С. 33; Арсланова, 1980. С. 84–89; Козырев, 1905]. Эти памятники указывают на начало расширения на запад, в урало-казахстанские степи, саяно-алтайского (телесского) ареала.

Однако на этом этнокультурном импульсе следует остановиться многим ниже, так как он знаменует начало историко-культурного этапа, связанного со сложением нового огузо-печенежского и кыпчако-кимакского ареалов в урало-казахстанских и северосреднеазиатских степях и оазисах, начало которого в большей мере падает на VIII век. Нас же в большей степени интересует, каков этнокультурный облик населения, оставившего археологические комплексы, рассматриваемые в данном исследовании.

Насколько свидетельствуют исторические реалии, большая часть временного этапа V–VIII вв., который, как мы выяснили, покрыва-

ет в массе своей курганы с «усами», падает на период существования Западного Тюркского каганата. Вопросам культурной исторической атрибуции населения Южного Казахстана в период Западно-Тюркского каганата посвящено последнее фундаментальное исследование А. Досымбаевой [Досымбаева, 2006]. Однако следует отметить, что эта работа в целом описывает и интерпретирует уникальные культово-мемориальные и погребальные комплексы Жайсан (Чуйская долина) и Мерке (северо-запад Киргизского Алатау), существование которых охватывает самый поздний этап Западно-Тюркского каганата (после VIII в.) и связано с приходом на эти территории восточнотюркского населения из Монголии после распада второго каганата, на что указывает сам автор [Досымбаева, 2006. С. 49–51, 115, 156].

Однако в итоговом разделе автор подробнейшим образом реконструирует этнокультурную ситуацию на территории казахстанской степи в период существования каганата. Считаю необходимым привести главные положения реконструкции, которая в основе своей опирается на последние данные письменных источников в работах Ю. А. Зуева. Так, по мнению исследователей, первоначально землями Западно-Тюркского каганата являлись территории между реками Или, Чу и Талас. Хотя в годы правления Истеми-хана (552–576 гг.) и его сына Тарду в состав каганата входили земли от Восточного Туркестана, где подвластные им племена се-яньто («семь мужей-предводителей» – *jeti ezen*) контролировали узловую участок Великого Шелкового пути с оазисными государствами Иу, Гаочан, Яньци и до Каспийского и Черного морей, где представители правящих родов Ашины и Дулу встали во главе Хазарского и первого Болгарского каганатов [Плетнева, 1982].

Граница между Западным и Восточным тюркскими каганатами проходила по восточной стороне Алтайских гор. Основные территории западнотюркских каганатов первоначально (*т. е. до прихода тюрков Истеми-хана – С. Б.*) были заселены народом *Он Ок Будун*, или «десяти стрел», то есть десяти племен. Пять из них имели наименование *Дулу* и расселялись на землях между Или и Чу, а пять племен Нушеби – на землях между реками Чу и Талас [Зуев, 2004; Досымбаева, 2006. С. 153]. Далее А. Досымбаева выстраивает следующую линию развития *он ок будун* – продолжатели усунь /ашинской и аштак/ ашидэ традиций, впоследствии их приемниками стало одно из племен онок-тюргеши. Здесь же автор расширяет границы расселения народа «десяти стрел» до пределов Семиречья и Центрального Казахстана [Досымбаева, 2006. С. 156]. Справедливость подобных построений, на наш взгляд, вполне

очевидна. Во-первых, общий анализ письменных источников по истории усуней и ашинов, в особенности текстов генеалогических легенд этих народов [Зуев, 1967], неизбежно наводит на мысль о единых истоках, а следовательно, и территориях формирования древнетюркского и древнеусуньского этносов до момента их переселения в Семиречье – в Юго-Восточном Туркестане (озеро Баркуль).

Ассоциации тождества ашинов с усунями неизбежно возникают и при разборе самого слова и сопоставлении его с хотако-сакским *asana* («синий», «небесный»), представляющим несомненный вариант этнонима *асман*, скрывающегося под транскрипцией «усунь». Правомочность данного сопоставления надежно поддерживается текстами древнетюркских рунических надписей, в которых династийные тюрки каганата обозначены термином *kok* («синий», «небесный»), являющимся калькой разнообразных *асман* и *амана* (*ашина*).

На эти параллели нами уже указывалось ранее [Боталов, 2003. С. 39, 40]. Что же касается правомерности расширения территории расселения народа *он ок будун*, то очевидно, что, согласно существующей письменной традиции, информация об этих племенах, как, впрочем, и ставках Западно-Тюркского каганата – Суят, Баласагун, Мерке, Аспара, была важна лишь постольку, поскольку они располагались вдоль оси маршрута Великого Шелкового пути: Турфан – Тараз – Чаи – Согд, пролегающего вдоль долин рек Или, Чу и Талас. Естественно, что средневековых информаторов прежде всего интересовали племена и народы, которые расселялись вблизи того или иного участка пути, а также их ставки и города как промежуточные точки маршрута. Важен тот факт, что эти племена приводятся как единый народ, целиком вошедший в состав Западно-Тюркского каганата. Особое внимание в письменных источниках второй половины VI века уделяется эфталито-ашинским взаимоотношениям.

Противостояние тюрков и белых гуннов (эфталитов) закончилось поражением последних от войск Истеми-хана и Сасанидского Ирана в 557 году. После этого Западно-Тюркскому каганату отошли земли восточнее Джейхуна (Амударьи), включая Маверанахр, часть Ферганы, Кашгар, Хотан и города Западного Туркестана, контролируемые ранее белыми гуннами [Досымбаева, 2006. С. 153]. Это событие интерпретируется Л. Н. Гумилевым как победа над аварским союзом племен, в который входили хуни (хи ониты), вар, огоры, в 558 году на северных берегах Аральского моря, а поражение эфталитам было нанесено у Карши (Несеф) гораздо позже, в 565 году [Гумилев, 1993. С. 35–40].

Не вдаваясь в суть этих противоречий, заметим, что в целом на начальном этапе сложения Западно-Тюркского каганата складывается следующая этнополитическая диспозиция. С первых шагов деятельности Истеми-хана в центре Южного Казахстана складываются первые ставки с центрами в Суябе, Балассагуне, Мерке, Аспаре и на прилегающих территориях проживания народа *он ок будун* и «десяти стрел», составивших основу каганата. На востоке и северо-востоке, по мнению С. М. Ахинжанова, с Западно-Тюркским каганатом объединились телесские племена се-яньто (семь мужей-предводителей). Отмечается также уход части этого населения (70 000 человек) в степи Центрального и Восточного Казахстана [Ахинжанов, 1989. С. 95–97]. Как уже упоминалось, вероятно, от имени Великого Хана они осуществляли контроль над государствами и городами Восточного Туркестана, стоящими по маршруту Шелкового Пути. В этой диспозиции очевидно, что векторы экспансии западно-тюркской кочевой державы были устремлены на юго-запад (619 и 623 годы — разгром Сасанидской державы Хосрова Первиза) и на северо-запад (558 год — выход к Волге, 577 год — вторжение в Крым, начало VII в. — завоевание ханом Тарда, сыном Истеми-хана, Северного Кавказа, присоединение Букана и Керчи) [Досымбаева, 2006. С. 153, 154; Гумилев, 1993. С. 35]. Из этой же логики следует, что вся гигантская степная территория к северу от Таласо-Илийского междуречья, включающая в себя стратегические районы Центрального Казахстана (Иргиз, Тургай, Улутау, Сары-Арка) и примыкающие к нему Южное Зауралье и левобережье Иртыша, словно выпадает из геополитической канвы. Это может свидетельствовать лишь о том, что важные для кочевой империи регионы изначально входили в ее состав. Вероятнее всего, вместе с долинами рек Сырдарья, Талас, Чу и Или они составляли единую пастбищно-кочевую провинцию, в пределах которой и осуществлялось сезонное кочевание объединения племен, получивших название *он ок будун*, или «десяти стрел».

Трудно сказать точно, когда население этого союза заселило данные территории. Определенный ответ содержится в информации об этнониме *Дулу*, который принадлежал пяти из десяти племенами данного союза. Как известно, представитель этого рода хан Кубрат в 631 году основывает Великую Болгарию [Плетнева, 1982. С. 48]. Отношение столь представительной части племен народа «десяти стрел» к болгарскому союзу племен позволяет рассматривать объединение *он ок будун*, как могущественную на тот момент кочевую конфедерацию в юго-восточной Европе и Западной Азии.

Дело в том, что, по мнению Димитра Димитрова, основанного на данных истории Моисея Хоренского и Анонима Хронографа, первые праболгарские племена проникают в Восточную Европу уже в раннегунский период (возможно, в составе *хуннской орды*. — С. Б.) в 354 году.

Присутствие их в прикавказских и прикаспийских степях, а также на берегах Азовского моря в данный и последующие периоды, довольно точно зафиксировано в различных источниках под разными именами: в греческих — под названием «уногунтор», в армянских — вх, ндуры/огондор/ олхонтор, в староеврейских — в-н-т-нт-р, в арабских — венендер /нендер/ [Димитров, 1987. С. 47, 48]. К 480 году огурский-болгарский союз стал главенствовать в Северном Причерноморье [Гадло, 1979. С. 58, 59]. Как уже упоминалось, по мнению С. Г. Кляшторного и Д. Г. Савинова, первоначально болгарские племена, бывшие частью народа теле и входившие в союз огурских племен, обитали в степной и лесостепной зонах Казахстана и Западной Сибири [Кляшторный, Савинов, 1994. С. 63]. Таким образом, данные письменных источников стыкуются, а ареал праболгарского союза, по крайней мере в V веке, действительно включает степные территории Причерноморья и Прикаспия (уногундуры, огуры, угроги, сарагуры, оногуры), а также урало-казахстанские степи [пять племен *Дулу* (Дуло) народа «десяти стрел»].

Что касается археологического аспекта, то своеобразной иллюстрацией существующих исторических реалий вероятнее всего может являться обширный материал, собранный Рашо Рашевым, включающий комплексы V–VII вв. степного региона Восточной Европы на страницах издания «Праболгары V–VII вв.» [Рашо Рашев, 2004]. Многочисленные аналогии предметов вооружения (трехлопастные ромбические черешковые наконечники стрел, якорьковидные крючки для колчанов, ланцетовидные втульчатые наконечники копий), конской узды (прямоугольные, трапециевидные подпрямоугольные железные и костяные пряжки, чубуки, ленчики для жесткого седла), предметы полихромного стиля и особенно керамический комплекс (горшки вытянутых пропорций или с оконтуренным ребром, отогнутым венчиком с защипами или насечками, кувшины), которые уже неоднократно приводились выше (см. главу 3). Ряд этих аналогий своеобразно дополняется схожими категориями сопровождающего вещевого инвентаря, обнаруженного в раннеболгарских комплексах Самарской Луки [Матвеева, 1997; Багаутдинов и др., 1998], приводимыми выше.

Таким образом, приведенные исторические и культурные параллели позволяют утверждать единство раннетюркского населения Восточной

Европы (ранние болгары оногурского союза) и населения урало-казахстанских степей (*он ок будун*, объединение *Дулу* и *Нушеби*). При этом особо следует заметить, что существующее конструктивное своеобразие в архитектуре погребальных и культовых комплексов Восточной Европы (погребения с северо-восточной и западной ориентировкой, конем или шкурой лошади, мегаплановые подпрямоугольные сооружения из камня и с кремацией на стороне), курганы-кострища, с одной стороны, и курганы с «усаами» и селенташские комплексы в урало-казахстанских степях не позволяют в полную меру ставить между ними знак тождества. Вероятно, и те, и другие составляли пеструю, безусловно, особую многокультурную тюрко-телесскую основу Западного Тюркского каганата.

Для того, чтобы более ярко оконтурить исторические судьбы урало-казахстанского тюркокультурного населения в данный период, считаю необходимым несколько страниц уделить последующему этапу историко-культурного развития.

В раннетюркском периоде времен I каганата на центральноазиатскую арену выходят два впоследствии известных союза племен – сеяньто-кыпчаки и тогуогузы, огузы.

Протокыпчакские племена сеяньто первоначально расселялись в долине верхнего Иртыша. Как уже упоминалось, в период Западно-Тюркского каганата их юрт значительно расширился и включал предгорья Большого Алтая, Джунгарию и, вероятно, западную часть Монголии.

В момент благоприятной конъюнктуры на сравнительно краткий отрезок времени кыпчаки-сеяньто создают свое кочевое государство (630 г.) в пределах означенного региона, но вскоре терпят поражение от союзной армии Танской империи и тогузогузов (647 г.). После этого, по реконструкции С. М. Ахинжанова, часть кыпчаков (а именно 70 000 человек) бежит в степи Восточного и Центрального Казахстана [Ахинжанов, 1995. С. 102, 103]. Каких-либо сообщений о взаимоотношениях кыпчаков-сеяньто с насельниками данных регионов в письменных источниках нет. Вероятно, кыпчаки, входившие изначально как составная часть в Западный Тюркский каганат, в Среднем Поиртышые и Сары-Арке были приняты как близкородственное дружеское население.

Этнонимы *огуз* и *тогузогуз* впервые появляются в эпитафиях в честь Кюльтегина, Бельге Казгана. С момента гибели Второго Тюркского каганата (744–745 гг.) огузы фигурируют совместно с карлуками, так как являются двумя основными кланами правого и левого ябгу во вновь образовавшихся тюркских государствах [Golden, 1972. P. 51; Досымбаева, 2006. С. 155]. О каких территориях может идти речь? Очевидно,

что имеются в виду все те же обширные районы Восточного, Центрального и Южного Казахстана. Что касается районов Поиртышья и Сары-Арки, то, как уже упоминалось, они ранее подвергались интенсивному заселению кыпчаков-сеяньто. В соответствии с родословной Огуз-хана, приводимой в сочинении Абул-Гази, кроме прямой линии ее составляли представители родов: канклы (канглы), кыпчак, карлык (карлук), калач [Кононов, 1958. С. 50]. Это подтверждает мысль А. Досымбаевой, что обозначение *огуз* является термином-политонимом. По мнению П. Голдена, основанном на письменных данных, одно из племен огузской конфедерации — карлук после падения Второго Тюркского каганата переселяется на земли народа «десяти стрел» и совместно с ним принимает участие в войне 751 года, но после этой кампании уже в 766 году народ «десяти стрел» попадает в зависимость от тех, кому предоставил убежище. А к последней четверти VIII века огузы выходят к Сыр-Дарье, где их застают войска Ал Махжи [Golden, 1972. P. 51; Досымбаева, 2006. С. 155]. Эти сведения очень важны, так как они указывают на финальный рубеж существования наиболее раннего западнотюркского этнокультурного пласта и замену его новым тюрко-телесским историко-культурным комплексом.

В археологическом материале это выразилось в появлении сначала в восточной части Казахстана погребений с широтной (восточной или западной) ориентировкой коня или шкуры лошади, которые не датируются ранее VIII в. (Чиликты, Егиз-Кайтас, Бобровский могильник, Нуринское погребение, Жарлы) [Савинов, 1984. С. 33; Арсланова, 1980. С. 84–89; Боталов, Ткачев, 1990].

Истоки формирования традиций вышеназванного тюрко-телесского историко-культурного комплекса мы не без основания связываем с районами алтайского тюрко-телесского ареала, где к первым векам нашей эры среди различных групп погребальных памятников выделяются раннекатандинские памятники — погребения с конем или шкурой коня, уложенных на ступеньки и с западной ориентировкой (Катанда, курганы 5, 7; Усть-Эдиган, курган 1, погребение 3; курган 33; Ороктой, курганы 1, 14). Несмотря на то, что в раннетюркский период среди телесского населения Саяно-Алтая господствующей является восточная, в меньшей мере южная, ориентировка покойников в погребениях с лошастью [Овчинникова, 1990. С. 11; Nesterov, 1995. Big. 1–8; Früh-und hochmittelalterliche., 1982. Abb. 13–15, 17–22; Fruhmittelalterliche., 1982. Abb. 9; 11; 14; 16; 17; 19; 20; 28; 30; 31; 33; 34; 41; 43], определенная доля исследованных погребений VI–VIII вв. имеет ориентировку покойников головой в западный

сектор [Nesterov, 1995. Fig. 9; Früh-und hochmittelalterliche., 1982. Abb. 23]. Не редкой является западная ориентировка в погребениях с конем раннесросткинского (инского) этапа в памятниках VII–VIII вв. Верхнего Приобья [Неверов, 1988. С. 17; Могильников, 1981. Рис. 27]. По мнению С. П. Неверова, данные памятники (Иня, Ст. Шарап, Чудская гора, Усть-Тартасский, Гоньбае) появляются в результате проникновения в лесостепное Приобье кочевого тюркского населения Горного Алтая на самом раннем этапе в VI–VII вв. [Неверов, 1988. С. 16, 17], из чего следует, что формирование раннетюркского населения Приобья происходит в результате диффузии тюркских кочевников Алтае-Телесского ареала и местного лесостепного угро-самодийского населения Южной Сибири. Эта реконструкция довольно четко подтверждается тем фактом, что на значительной территории лесостепного Зауралья и юго-западной Сибири, обживаемой населением культур угорского и самодийского круга (саргатская, кашинская, большещеченская, одинцовская, релкинская и др.), в погребальных комплексах западная и северо-западная ориентировки являются если не абсолютно господствующими, то наряду с северной занимают главенствующее положение [Елагин, Молодин, 1991. С. 48, 50–53; Матвеева, 1994. С. 114; Полосьмак, 1987. С. 22, 23, 51, 61; Корякова, 1988. С. 187. Табл. 1; Культура зауральских скотоводов., 1997. С. 134. Диаграмма 2; Беликова, Плетнева, 1983]. Результатом довольно длительного взаимопроникновения тюркского и угро-самодийского населения является формирование собственно сросткинской культуры к IX веку [Неверов, 1988. С. 16], которая Д. Г. Савиновым не без основания соотносится с культурой населения кимако-кыпчакского каганата [Савинов, 1976; 1979; 1984]. С этого времени, вероятнее всего, начинается расширение кимако-кыпчакского ареала на запад в урало-казахстанскую лесостепь и впоследствии в степь, что точно отразилось на страницах арабо-персидских и европейских источников (Худуд-ал-Алем, Ал-Балхи, Махмуд Кашгарский, Ал-Истахри, Ибн-Хаукаль, Ал Масуди, Константин Багрянородный, Матвей Эдесский и др.) [Худуд-ал-Алем, 1930. С. 24; Кумеков, 1972. С. 55–59; Багрянородный Константин, 1934. С. 15; Агаджанов, 1969. С. 158]. Возникновение и сложение сросткинской культуры знаменует собой формирование вначале кимакского, а впоследствии кыпчакского единого этнополитического ядра.

Однако самые интересные выводы позволяют сделать наблюдения, полученные в последние годы в результате исследований жертвенно-поминальных комплексов и каменных изваяний Казахстана.

Так, на основе иконографического анализа каменных изваяний Цент-

рального Казахстана (Сары-Арка и прилегающие районы), а также жертвенно-поминальных комплексов Л. Н. Ермоленко приходит к весьма важному выводу. Наиболее ранние каменные скульптуры (1-й группы), установленные в основном у квадратных каменных оградок, имеющих каменные гряды, отходящие на восток (саяно-алтайского типа. – С. Б.), появляются здесь не ранее VII века, а их происхождение связано с районами Горного Алтая и Юго-Западной Тувы [Ермоленко, 2004. С. 43–45].

Что касается районов Южного Казахстана, то анализ иконографии каменных изваяний, архитектуры жертвенно-поминальных сооружений и письменных источников позволил А. Досымбаевой сделать более однозначное заключение. По мнению автора, возникновение скульптурно-архитектурных культово-мемориальных традиций комплексов Жайсан (Чуйская долина) и Мерке (Киргизское Алатау) происходит не ранее середины VIII в. и напрямую обусловлено падением Восточного Тюркского каганата (744–745 гг.) и переселения в пределы Семиречья и Таласа в страну *он ок будун* и *он ок тюргеш* карлуков из Монголии и Алтая [Досымбаева, 2006. С. 115–117, 156].

Таким образом, несмотря на определенную ограниченность методов иконографической типологии и сравнительно широкий диапазон датирования образцов вооружения, поясной гарнитуры и украшений, изображенных на изваяниях, авторы довольно точно определили хронологическую и культурно-историческую тенденции в генезисе казахстанской средневековой скульптуры и мемориальной архитектуры. Важнейшим моментом в этом процессе является факт того, что появление данного историко-культурного комплекса связано не с созданием собственно Западно-Тюркского каганата, а с последующими миграционными процессами из тюрко-телесского ареала (кыпчак-сеянто) и восточно-тюркского населения Монголии (карлуки, огуры) на территории, которые многим ранее были заселены раннетюркским населением *он ок будун* (народ «десяти стрел») и чуть позже *он ок тюргеш*.

В этой связи весьма показателен тот факт, что основное число курганов с «усами» продолжает свое существование именно до VIII века; неслучайно, что в наиболее поздних из них (Кызыл-Жар, курган 2) гряды становятся фактически незаметными, а в комплексах селенташского типа исчезают вовсе. В этой связи интересное наблюдение было сделано А. Досымбаевой на примере южноказахстанских жертвенно-поминальных комплексов. Каменные оградки Жайсана и Мерке в отличие от Саяно-Алтайских и монгольских не имеют традиционных каменных гряд, отходящих на восток. По предположению исследователя, этот факт

был связан с изменением этнополитических условий, в которые попали карлуки, переселившиеся на новые земли. Хотя и единокультурное, но дальнородственное окружение диктовало определенную «скромность» в проведении традиционного ритуала, что, по всей видимости, выразилось в отказе от аллей каменных стелл, демонстрирующих могущество рода или самого поминаемого.

В определенной степени это можно проецировать на ситуацию, сложившуюся и в урало-казахстанской степи, когда постоянный приток тюрко-телесского и восточнотюркского населения приводит к установлению зависимости раннетюркского населения Западно-Тюркского каганата от пришельцев союза племен Огуз (кыпчак, карлук), что выразилось в трансформации архитектурных традиций: наземные мегаплановые пантеоны становятся более скромными, а затем их сменяют одиночные курганы или ограды, которые доживают до IX века, когда последний этноним из числа народа *он ок тюргеи* сходит с исторической карты региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Курганы с «усами» урало-казахстанских степей представляют собой удивительные архитектурные сооружения степного населения Евразии. Думается, что информация о них, полученная на сегодняшний день и систематизированная на страницах этой книги, является далеко не полной. Возможно, совершенствование методики исследования таких комплексов позволит коллегам-археологам, историкам, архитекторам и астрономам постичь несравненно большие тайны этих удивительных объектов древней истории. Авторами предпринята не первая, но, хочется думать, оправданная попытка взглянуть на этот тип памятников в системе взглядов и фактов, накопившихся на сегодняшний день.

58 исследованных курганов с «усами», данные которых были доступны для анализа, типологически разделяются на три основных типа.

Наиболее простую конструкцию (от большого кургана отходят «усы», часто начинающиеся и заканчивающиеся небольшими вымостками) имели 30 курганов типа 1 (по А. З. Бейсенову; тип III и IV по М. К. Кадырбаеву). Двадцать из них не имели грунтовых погребений, а все сопутствующие следы культового ритуала и вещевой инвентарь располагались на подкурганной площадке. Десять имели одновременные погребения в пределах подкурганной площадки или рядом с ней.

Тип 2 (по А. З. Бейсенову; тип I по М. К. Кадырбаеву), центральную часть которого составляют два кургана: большой и пристроенный к нему с востока малый курган, или вымостка, от которой, собственно, и отходят каменные «усы». Этот тип курганов более всего известен в центрально-казахстанской группе комплексов данного типа из 16 доступных для исследования памятников. Шесть – не имели погребения. В десяти – располагались одновременные погребения, как правило, в западном большом кургане. В подавляющем своем большинстве курганы этого типа демонстрируют двойную планиграфию, когда большой курган более древний, а малый и сами «усы» пристраивались позднее.

Тип 3 (по А. З. Бейсенову, тип II по М. К. Кадырбаеву) образуют комплексы, имеющие два или более курганов, расположенных по линии С–Ю. Исследовано 12 комплексов этой группы, 7 из которых не имели погребения и 5 содержали погребения в одном из курганов.

Особый тип образуют 14 комплексов селенташского типа, которые содержат основные характеристики погребально-поминального ритуала и категории вещевого инвентаря, что и курганы с «усами», однако при этом не имеют «усов». Одиннадцать из них не имели погребений. В трех случаях зафиксированы погребения и их остатки.

Из всех известных и исследованных на сегодняшний день комплексов курганов с «усами» и курганов селенташского типа 32 содержат датирующий материал, находившийся в разных частях комплексов и в различных условиях залегания. Хронологически он распределился следующим образом:

3 – эпоха бронзы;

6 – ранний железный век (из них 6 содержали материалы тасмолинской культуры и 4 – сарматской культуры);

34 – ранне средневековье (из них 15 содержит хорошо датируемые материалы V–VIII вв., а 19 – лишь керамику);

4 – развитое средневековье (памятники селенташского типа VIII–IX вв.).

Раннесредневековые материалы, как правило, были обнаружены в «чистых» комплексах, не содержащих двойной планиграфии или стратиграфии. При этом следует отметить, что керамический комплекс, полученный в результате исследования курганов с «усами» и селенташских памятников, который составляют до шестидесяти целых, реконструированных сосудов и фрагментов от них, образует 7 основных типологических групп, которые демонстрируют в целом типологическое и культурно-хронологическое единство в месте керамических комплексов степной Евразии V–VIII вв. Притом, что в собственно тасмолинских погребальных комплексах на сегодняшний день керамика не обнаружена. Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что комплексы курганов с «усами» не связаны с тасмолинской культурой Центрального Казахстана, равно как и с бронзовым и раннежелезным веком урало-казахстанских степей. Наиболее правомерным будет отнести эти памятники к раннему средневековью и определить основное время их сооружения эпохой переселения народов в пределах V–VIII вв. Вопросы их историко-культурной реконструкции невероятно сложны, что требует дальнейшего рассмотрения.

В частности, по вопросу этнокультурной принадлежности курганов с «усами» разошлись не только точки зрения авторов данной работы, но и исследователей, занимающихся проблемами истории кочевых обществ степной Евразии эпохи раннего средневековья. Таким образом, данное исследование лишь подводит предварительный итог изучения феномена курганов с «усами».

Приложение 1

Список комплексов курганов с «усами», исследованных раскопками и использованных в работе

1. «37 воинов»
2. Ак-Булак II, курган 1
3. Ак-Булак, курган 1
4. Ак-Кайракты, курган 8
5. Батыр-Булак, курган 1
6. Беркутты
7. Бесоба
8. Бес-оба, курган 2
9. Большое Чебачье
10. Ботакара, курган 1
11. Ботакара, курган 48
12. Ботакара, курган 55
13. Бугулы, курган 13
14. Былкылдак, курган 16
15. Городищенский IX
16. Дандыбай, курган 9
17. Джанайдар, курган 1
18. Егиз-Койтас, курган 4
19. Егиз-Койтас, курган 5
20. Елизаветпольский
21. Ельшибек
22. Зевакино, курган 1
23. Зевакино, курган 2
24. Зевакино, курган 3
25. Ижевский-2
26. Каинсай, курган 14
27. Канаттас, курган 12а
28. Канаттас, курган 19
29. Кара-Бие, курган 1
30. Кара-Бие, курган 15
31. Карамурун I, курган 4
32. Карасай, курган 2
33. Каргалы-II, курган 1
34. Киик-Су, курган 1
35. Коктал
36. Крутая Гора
37. Кызыл-Жар, курганы 2, 3 и 4
38. Кызылтас, курган 1
39. Кызылтас, курган 2
40. Медес
41. Нижне-Давлетовский
42. Новоактюбинский I
43. Новокондуровский I
44. Нуркен 2, курган 6
45. Нурманбет II, курган 4
46. Олёнина Отнога
47. Сангуыр II, курган 1
48. Сангуыр II, курган 2
49. Сангуыр II, курган 3
50. Сарбулат I
51. Солончанка I
52. Солончанка IX
53. Султантимировский I
54. Суходол
55. Тасмола I, курган 19
56. Толагай
57. Усуп-1, курган 1
58. Шедерты, курган 2

Приложение 2

Описание комплексов курганов с «усами» урало-казахстанских степей

Описание комплексов курганов с «усами» представляет собой выборку, составленную по имеющимся в нашем распоряжении публикациям и отчетам с сохранением авторского стиля изложения. Ссылки на рисунки даются следующим образом: в круглых скобках — авторская ссылка, в квадратных — ссылка на рисунок в данной монографии.

Дандыбай, курган 9

«...Каменная насыпь 7,5 м диаметром, высотой 0,35 м, сложена из мелкого камня. С западной стороны к ней направляются две дугообразные каменные кладки, выложенные в один ряд, шириной около 1 м. Длина их по прямой линии между концами — около 46 м, расстояние между восточными концами — 45 м. После снятия камня в основании кургана обнаружен тонкий сажистый слой и ниже его — красноватая земля: по всей вероятности, следы огня. Никаких признаков погребения не найдено...» [Рыков, 1935. С. 49].

«...В 1933 г. один такой курган исследован М. И. Артамоновым на р. Чурубай Нура в урочище Дындыбай (рис. 1–5) [рис. 10, 5]. Под каменной насыпью диаметром 7,5 м и высотой 0,3 м оказался тонкий сажистый слой, под ним — красноватая земля со следами огня, а ниже — нетронутый грунт...» [Грязнов, 1956. С. 9].

Большое Чебачье озеро

«...Более интересны раскопки Б. Н. Жданова. В 1930 г. он исследовал два кургана на берегу Б. Чебачьего озера⁴. Они расположены рядом вплотную так, что насыпи сливаются. К востоку от них выложены каменные полосы протяжением на 90 м (рис. 1–2) [рис. 10, 2]. В северном кургане диаметром 9 м могилы не оказалось. Под насыпью на поверхности почвы обнаружены лишь нижняя часть плоскодонного глиняно-

го сосуда, черепок другого сосуда и лошадиные зуб и бабки. В южном кургане диаметром 8 м, высотой 0,5 м, под насыпью вскрыта могильная яма размерами 1,8×0,65 м, глубиной 0,5 м, покрытая крупными плитами. На дне ее — скелет женщины, на спине, в вытянутом положении. Часть могилы от места, где находились тазовые кости, и до ступней ног костяка разрушена грабителями. У черепа с обеих сторон лежало по золотой проволочной серьге с изумрудной бусиной¹ (рис. 2–1, 3) [рис. 44, 1, 3]; в области шеи и груди находились бусы — более крупная бирюзовая, белые аргиллитовые и одна из красного камня; под правым локтевым сочленением — бронзовое зеркало (рис. 2–4) [рис. 44, 4] с остатками ткани; в области поясицы — аргиллитовая застежка (рис. 2–2) [рис. 44, 2]...» [Грязнов, 1956. С. 9, 10].

⁴ *Отчет о раскопках Б. Н. Жданова хранится в ГМЭ, коллекция — в Государственном Эрмитаже. — Примечание М. П. Грязнова.*

¹ *Эти серьги по какому-то недоразумению ошибочно опубликованы А. Н. Бернштамом как происходящие из богатого погребения IV–V вв. н. э. у оз. Борового (А. Н. Бернштам. Находки у оз. Борового в Казахстане. Сб. МАЭ, XIII, 1951, стр. 221 и рис. 9, б). — Примечание М. П. Грязнова.*

Толагай

«... В долине р. Жанбай-Карасу (в 12 км к северу от горы Толагай, Шетский район). Курган с «усами» расположен в группе из десяти каменных курганов. Диаметр его — 17 м, высота — 1,15 м. Длина северного «уса» — 84 м, южного — 64 м. Средняя ширина — 1 м, диаметр южной концевой каменной наброски — 4 м, северной 5 м, с восточной стороны к кургану примыкает плоский каменный курган диаметром 7 м.

У центрального кургана с северо-западной стороны — две кольцевые плиточные оградки. Под каменной насыпью его в направлении с востока на запад шла каменная кладка (3,20×2,30 м) прямоугольной формы, толщиной в 40 см. В северо-восточном углу кладки обнаружены следы истлевшего дерева, в юго-западном углу — зубы и отдельные кости лошади.

Под кладкой оконтурилась могильная яма длиной 4,20 м, шириной 3,60 м, ориентированная аналогично каменной кладке. Могильная яма завалена крупными гранитными плитами, достигающими 2 м длины при ширине 70–80 см и толщине 20–30 см. Глубина могильной ямы от уровня дневной поверхности — 2 м. В различных ее частях найдены мелкие кости барана, несколько ребер и позвонков человека. Это говорит о том, что курган был ограблен. Погребальная камера, судя по структуре, была облицована плоскими гранитными плитами и имела перекрытие

из каменных плит, обломки которых находились на дне ямы (рис. 1) [рис. 34]. Раскопка концевых каменных набросок и отдельных участков «усов» показала, что они сооружались на древней поверхности.

Экспедицией исследованы также две плиточные оградки, прилегающие к кургану с «усаами» с северо-западной стороны. Оградки состоят из поставленных на ребро больших гранитных плит, причем в центре оградок площадка была совершенно ровной. При расчистке этих оградок обнаружено, что вся центральная площадь их состоит из прокаленного грунта, зольных пятен, древесных угольков, а в ограде № 2, кроме этого, найдены пережженные кости барана.

Чрезвычайно интересную находку дала ограда № 1. На глубине 50 см от уровня дневной поверхности у северо-западной вертикальной плиты ограды были найдены бронзовые стремевидные удила, лежавшие на пережженных костях лошади...» [Кадырбаев, 1958. С. 97].

Комплекс «37 воинов»

«...Этот объект расположен в 3 км от современного русла р. Нуртай, у подножья Корпетайских гор (Коунрадский район). В центре его – курган диаметром 35 м. На его вершине огромная грабительская воронка. К кургану примыкает каменный курган диаметром 11 м, высотой 0,63 м, от которого в восточном направлении отходят «усы». Центральный курган с трех сторон охватывался каменной выкладкой, несомкнутые концы которой примыкали к началу «усов». К северо-восточной ее стороне примыкали полукольцевые выкладки из крупных валунов. Несомкнутая часть этих полуколец ограждена со стороны кургана стоявшими вертикально плитами.

С северо-западной и северо-восточной сторон центрального комплекса на расстоянии 80–100 м от основания центрального кургана располагалась цепочка небольших овальных курганов с каменными насыпями диаметром от 5 до 8 м и высотой до 0,6 м. К наружной стороне этих курганов также примыкали полукольцевые выкладки из крупных валунов, ограниченных у их основания каменными плитами. Раскопке подверглись пять курганов этого комплекса.

Курган № 1 (центральный). Под каменной насыпью, на уровне дневной поверхности, были обнаружены фрагменты глиняного сосуда котлообразной формы с плоским дном. Венчик не сохранился. Толщина фрагментов от 8 до 12 мм. Тесто грубое, с примесью дресвы. Внешняя сторона фрагментов красного цвета, внутренняя – черного. Рядом с фрагментами сосуда – точильный камень.

Курган № 2. Под каменной насыпью, на уровне дневной поверхности, находился ящик, сложенный из крупных гранитных плит. Ящик ориентирован по оси длинного овала кургана, т. е. с юго-востока на северо-запад. Находок не обнаружено.

Курган № 3. Под насыпью, в завале камней, найдены отдельные кости барана.

Курган № 4. Под каменной насыпью, на глубине 15 см от уровня дневной поверхности, обнаружены фрагменты глиняного сосуда желтовато-красного цвета из грубого теста с примесью дресвы. Дно сосуда темного цвета, вероятно от воздействия огня. На внутренней стороне венчика имеется небольшой бортик (рис. 2, 1) [рис. 8, 1]. Рядом с фрагментами сосуда находился позвонок барана, ниже этих находок – разрушенный каменный ящик.

Курган № 5. Под каменной насыпью, на уровне дневной поверхности, находился каменный ящик, в котором на разных горизонтах и в разных концах были найдены отдельные кости барана...» [Кадырбаев, 1958. С. 99].

Бугулы, курган 13

«...Насыпь каменная, овальной формы, диаметром с севера на юг – 4,30 м, с востока на запад – 5,30 м, высотой – 30 см. По основанию насыпи – кольцевая кладка из плит, положенных плашмя. С западной стороны к кургану примыкал такого же типа курган, но гораздо больших размеров. Курган этот имел грабительскую воронку. От него в направлении на восток идут «усы»: северный – длиной 60 м, южный – 46 м, средняя ширина их – 80 см.

Под насыпью, в северной части кургана, вместе с золой обнаружены фрагменты глиняного сосуда. По качеству теста, обжигу, форме сосуда и, наконец, по профилю венчика он аналогичен корпетайскому (комплекс «37 воинов». – С.Б. и др.) (рис. 2, 2) [рис. 8, 2]. Сосуд находился на уровне дневной поверхности. Могильной ямы не обнаружено...» [Кадырбаев, 1958. С. 100].

Бес-оба, курган 2

«...Насыпь каменная, диаметр – 9 м, высота – 1,7 м. От кургана в восточном направлении отходят «усы», длина северного – 198 м, южного – 183 м, средняя ширина их – 1 м. Под насыпью, в центре кургана, обнаружен костяк лошади, положенной на левый бок головой на северо-запад и ногами на восток. Ввиду сырого грунта сохранность костей плохая.

Лошадь, судя по костяку, крупной породы. Могильной ямы не обнаружено...» [Кадырбаев, 1958. С. 102].

Былкылдак, курган 16

«...Возле Кзылтаусского подхоза Шетского района... Курган № 16, расположенный в долине р. Былкылдак, имел каменную насыпь диаметром 9,80 м. Камень с его вершины был снят рабочими подхоза для строительных нужд. От кургана в восточном направлении отходят «усы». Длина северного – 86 м, южного – 78,6 м, средняя их ширина – 1 м. Курган расположен южнее группы андроновских оград. В полуметровой прямоугольной яме находился истлевший костяк лошади. У передних ног ее найдено железное кольцо (4,8×4,5 см), вероятно, от узды...» [Кадырбаев, 1958. С. 102].

Карасай, курган 2

«...В Коунрадском районе была исследована группа курганов, расположенная в долине р. Карасай у Корпетайских гор... Курган № 2. Диаметр – 11,7 м, высота – 25 см. Насыпь каменная. Курган своими «усами» обращен на восток. Длина северного «уса» – 110 м, ширина – 2 м, диаметр каменных набросков у начала – 6,5 м, в конце – 8 м. Длина южного «уса» – 100 м, ширина – 2 м, диаметр каменных набросков у начала «уса» – 7,7 м, в конце – 6 м. Под насыпью, на уровне дневной поверхности, обнаружены полуистлевший череп, шейные позвонки и кости передних ног лошади. Материальных находок нет...» [Кадырбаев, 1958. С. 103].

Киик-Су

«...Урочище Киик-Су. В 1957 г. экспедицией исследовался небольшой могильник, расположенный в предгорной долине у южного склона горного комплекса Уш-Кзыл (рис. 1). В центре долины находился курган с «усами», состоящий из центрального кургана диаметром 18 м и высотой 2 м, малого кургана диаметром 7,5 м при высоте 80 см и отходящих от него в направлении на СВ-В двух каменных гряд с круглыми сооружениями небольшого диаметра на концах. Длина северной гряды – 45 м, южной – 37 м. На вершине центрального кургана имелись следы грабительской воронки.

Раскопке подвергались центральный курган, малый курган, участки каменных гряд и все концевые сооружения.

Разбросанное перекрытие могильной ямы центрального кургана,

нечеткие ее контуры подтвердили первоначальное предположение о разграбленности кургана. У верхнего края могильной ямы была найдена каменная зернотерка (рис. 1а) овальной формы (длина – 36, ширина – 24, толщина – 5 см), отдельные кости человеческого скелета и несколько костей барана. Несмотря на полную разграбленность погребения, удалось установить, что могильная яма была овальной формы, ориентирована с С на Ю. После захоронения могильная яма покрывалась гранитными плитами, сверху насыпалась земля, вынутая при рытье погребальной камеры, а затем набрасывалось большое количество обломков гранита, взятых с выходов близко расположенных коренных пород.

Малый курган не имел погребальной ямы. Сразу же под насыпью, на древней почве, стали попадаться отдельные обломки конского черепа. Раскопка участков каменных гряд и концевых сооружений показала, что камни не уходят ниже древнего гумусного слоя. Материальных находок нет...» [Кадырбаев, 1959а. С. 163–165].

Ельшибек

«...Это сооружение выглядит следующим образом: к центральному кургану (диаметр – 12 м) с восточной стороны примыкает вплотную второй курган (диаметр – 7 м), от которого в восточном направлении отходят две каменные гряды. Длина северной гряды – 40 м, южной – 34 м. С западной стороны к центральному кургану примыкает третий, малый курган (диаметр – 4 м). Определить высоту насыпей не удалось, так как камень с них разобран местными жителями для строительства. Раскопке подверглись центральный и два малых кургана, отдельные участки каменных гряд и их круглые окончания (рис. 3) [рис. 57].

Под насыпью центрального кургана в восточной поле обозначился завал из обломков гранитных плит прямоугольной формы, ориентированный с СВ на ЮВ. Под ним оконтурилась могильная яма овальной формы, длиной 2,25 м, шириной 1,15 м. На ее дне (1,6 м от верха насыпи) в вытянутом положении, головой на СЗ, лежал скелет старого человека...

В восточном кургане под насыпью, у восточной полы, обнаружен раздавленный глиняной сосуд с плоским дном, выпуклым туловом и чуть отогнутым наружу венчиком. Общая высота сосуда – 35 см, диаметр дна – 14 см, диаметр средней части тулова – 22 см, шейки – 11 см; толщина стенок: у дна – 1,5 см, у боковой стенки – 8 мм и у венчика – 1 см. Сосуд имел валик на внутренней части шейки. Дно и внутренняя часть сосуда – черного, а внешняя поверхность – бледно-красного цвета.

Изготовлен он ручной лепкой. В изломе видна большая примесь песка и толченого гранита.

В западном кургане, под насыпью, выявились нечеткие контуры небольшого углубления (30 см от уровня дневной поверхности), на дне которого находились кости ног ребенка...» [Кадырбаев, 1959а. С. 166–168].

Кара-Бие, курган 1

«В 1957 г. экспедиция исследовала курганный могильник в урочище Кара-Бие. Это урочище представляет собой долину (3×2 км), ограниченную с В рекой Нуртай, а с трех других сторон – гранитными увалами Корпетайских гор. В центре долины ломаной цепочкой, с СЗ на ЮВ, расположены 16 курганов с каменными насыпями, два из них – курганы с «усами» (рис. 5) [рис. 76]. Восточнее цепочки находятся еще семь таких курганов, а в северной части долины – андроновский могильник.

...*курган № 1* (рис. 6, 7) [рис. 35; 36], который располагался в юго-восточном конце цепочки и состоял из центрального кургана и отходящих от него в восточном направлении каменных гряд с вертикально стоящими на них плоскими каменными плитами. Две такие плиты возвышались у начала каменных гряд на круглых выкладках. Длина их, исключая вкопанную часть, доходила до 1,5 м, ширина – 0,9 м и толщина – 0,3 м. По обеим грядам также были расположены вертикально стоящие плиты, но гораздо меньших размеров.

Обычно каменные выкладки или гряды связаны с центральным курганом, расположенным у их восточного подножия. Здесь же наблюдалась редкая картина, когда малый курган сооружался над центральным, образуя ступенчатую насыпь. Диаметр нижней насыпи – 20 м, высота – 0,6 м, диаметр верхней насыпи – 10 м, высота – 1,4 м. Длина северной гряды – 130 м, южной – 120 м, ширина – 1,5–2 м.

Раскопке подверглись центральный курган, отдельные участки каменных гряд и их круглые окончания. Под верхней насыпью центрального кургана, в восточной части, найден раздавленный глиняной сосуд. Реставрация показала его сходство с ельшибекским сосудом: та же форма, цвет, состав теста, валик на внутренней стороне шейки. Ниже сосуда остатки перекрытия могильной ямы из массивных гранитных плит. Плиты разбросаны грабителями.

Нарушен грабителями и северо-западный край могильной ямы. Могильная яма была овальной формы (2,5×1,3 м) и ориентировалась с С на Ю. На дне ее находился в разбросанном состоянии скелет погребенного

(на глубине 3,7 м от верха насыпи). По краям дна могильной ямы обнаружены следы дерева, несмотря на сильную разграбленность погребения, сохранность костей хорошая...

Под костями скелета были найдены две золотые поделки, одна в виде небольшой ленты, другая – в виде раструба, и небольшой обломок железа с деревянной обкладкой, видимо, от меча.

Раскопка концевых выкладок на каменных грядах дала на уровне древней поверхности прокаленной грунт, мелкие угольки, отдельные кости ног лошади (*Equus caballus* L.) и мелкие кости барана...» [Кадырбаев, 1959а. С. 169–173].

Кара-Бие, курган 15

«Последним в долине раскапывался курган с «усами» № 15, замыкающий с северо-западного конца исследованную цепочку курганов (рис. 10) [рис. 58]. Этот комплекс состоит из центрального кургана и прилегающего к нему малого, от которого отходят в юго-восточном направлении две каменные гряды с круглыми выкладками на концах. Длина северной гряды – 89 м, южной – 76 м, ширина обычная.

Центральный курган имеет каменную насыпь, диаметром 20 м и высотой 2 м. Диаметр малого кургана – 6 м, высота – 80 см. У юго-западной и северо-восточной полы центрального кургана расположены два кургана диаметром по 2 м при незначительной высоте. Были раскопаны центральный и малый курганы, отдельные участки «усов», их концевые выкладки, а также два указанных малых кургана.

Под метровой толщиной камня центрального кургана пошла земля с обломками гранитных плит, и на уровне древней поверхности обозначился завал из гранитных плит, под которым выявились контуры могильной ямы овальной формы (2,3×1,5 м), ориентированной с С на Ю. Отесанные гранитные плиты, служившие ей перекрытием, разбросаны в стороны, часть из них была сломана и находилась на дне ямы. От верхнего края могильной ямы и до ее дна (3,9 м от верха насыпи) попадались разрозненные кости погребенного. Курган оказался грабленным.

Под насыпью малого кургана, ниже гумусного слоя (40 см), в западной стороне найдены зубы (13 штук) и обломки костей ног лошади (*Equus caballus* L.), в восточной стороне – раздавленный глиняной сосуд. По составу теста, по цвету он ничем не отличается от сосуда из кургана № 1, но форма венчика у него другая. Валик там – на внутренней части шейки, здесь, вместо этого, тот же валик расположен на внешней стороне венчика. Высота сосуда – 28 см, диаметр широкой части туло-

ва – 22 см, дна – 16 см, у шейки – 12 см, толщина стенок у венчика – 1 см, в средней части тулова – 1,2 см, у дна – 1,6 см.

Раскопка участков гряд и концевых выкладок ничего не дала. Вскрытие двух малых курганов показало следующее: юго-западный курган имел прямоугольную могильную яму (80×40 см), на дне которой лежал костяк ребенка (глубина 70 см) на правом боку, головой на С, лицевой частью на З. Ноги его полусогнуты.

Северо-западный курган имел овальную могильную яму (1,5×1 м). На глубине 70 см обнаружен костяк сайгака, положенный на левый бок, с полусогнутыми передними ногами, головой на СЗ, кости задних ног отсутствовали, под пятым шейным позвонком найдена бусина из голубой пасты шаровидной сегментированной формы и следы истлевшей бронзы в виде тонких пластинок. Предполагается, что это был кожаный ошейник, украшенный бронзовыми пластинками...» [Кадырбаев, 1959а. С. 174–176].

Канаттас, курган 12а

«...Курган № 12а расположен в группе андроновских оград. Диаметр центрального кургана – 6,5 м, диаметр малого кургана – 5 м. От него в направлении СВ-В отходят две каменные гряды: северная – длиной 35,5 м, южная – длиной 35 м, ширина обычная. Курганы имели следы явного ограбления.

В центральном кургане могильная яма была перекопана, плиты перекрытия сломаны и сброшены вниз. Таким образом, ее размеры остались неизвестными, и можно только предположить, что она имела овальную форму и ориентировалась с СВ на ЮЗ. В малом кургане на древней почве, в северо-восточной поле, были найдены фрагменты глиняного сосуда, который по форме, цвету, размеру и тесту сходен с сосудами Кара-Бие, но отличается от них отсутствием валика у венчика...» [Кадырбаев, 1959а. С. 178].

Канаттас, курган 19

«... Курган № 19 (рис. 13) [рис. 29] ... имел каменную насыпь диаметром 9 м при высоте 70 см. От кургана в направлении на СВ-В отходили две каменные гряды, на концах которых имелись круглые каменные выкладки. На южной концевой выкладке вкопаны три плоских гранитных плиты такого же типа, как и на кургане № 1 в Кара-Бие. Длина северной гряды – 69,5 м, южной – 67 м. Между центральным курганом и началом северной гряды располагалась небольшая выкладка из камня круглой формы (2×2 м).

Раскапывались центральный курган, все выкладки и отдельные участки каменных гряд. В центре кургана, после снятия насыпи, обозначился завал из обломков гранитных плит (2,5×2,5 м), ориентированный сторонами на С–Ю с незначительным отклонением на В. Плиты завала носили следы сильной прокаленности, почернели и растрескались. На них прослеживался слой золы и древесных углей мощностью в 7 см. На этом же уровне в восточной поле кургана находился раздавленный глиняной сосуд того же типа, что и в кургане № 12а. Высота сосуда – 22 см, диаметр горла – 13 см, широкой части тулова – 18 см, дна – 12 см.

Под завалом обозначились контуры могильной ямы квадратных очертаний (2×2 м), ориентированной по сторонам света. Вследствие обрушившегося перекрытия могильная яма была заполнена обломками каменных плит и большим количеством древесного угля. На дне погребальной камеры (рис. 14) [рис. 30], у восточного борта, были обнаружены отдельные кости и череп коровы (*Bos Taurus L.*), а также череп, кости ног, отдельные ребра и хвостовые позвонки молодой лошади.

Череп коровы лежал рогами вверх, мордой – на С. За ним, на правой стороне, лежал конский череп, причем носовая часть черепа находилась под правым рогом коровы и была повернута на СВ. Под черепом коня располагались кости его ног и хвостовые позвонки. Справа, у затылочной части черепа, лежала костяная пряжка, видимо, от подпруги Рис. 15, 1) [рис. 31, 1]. Пряжка имела подпрямоугольную форму. В верхнем конце имелось Т-образное отверстие, в нижнем – биноклевидное овальное отверстие. Одна сторона пряжки плоская, другая – выпуклая, со скосами на концах. В боковой части просверлено сквозное отверстие диаметром 0,7 см. Длина пряжки – 8 см, наибольшая ширина – 3,5 см, толщина – 1,5 см.

Остальную часть погребальной камеры занимали женский и два детских скелета. Дно могильной ямы в этой части было на 10 см ниже. Женский скелет лежал в вытянутом положении, головой на С, лицевой частью к детским костякам. Череп покоился на полном скелете молодого ягненка. На лобной части черепа находились две золотые бляхи от диадемы с инкрустацией из камней. Правая плечевая кость покрывалась крестцом и хвостовыми позвонками барана, поверх которых сохранились сильно коррозированные обломки железного ножа. Здесь же находился бронзовый предмет в виде обоймочки и серебряная бляшка (рис. 15, 4, 6) [рис. 31, 4, 6]. У левой берцовой кости найдено керамическое пряслице (рис. 15, 2) [рис. 31, 2].

Слева от погребенной лежали два детских скелета в вытянутом

положении, головой на С, лицом, повернутым направо. На тазе первого ребенка находился наборный пояс из тончайших серебряных пластинок, прикрепленных к коже. Пояс имел серебряную прямоугольную пряжку в виде рамки. Общая длина пояса – 20 см. На тазовых костях второго ребенка найдена серебряная миниатюрная пряжка с подвижным язычком (рис. 15, 7) [рис. 31, 7]. И, наконец, на шейных позвонках детских скелетов находились по одной янтарной, плоской в сечении бусине, а у женского скелета – две янтарные, шаровидной и конической формы, и несколько пастовых дольчатых бусин (рис. 15, 5, 8) [рис. 31, 5, 8]. Раскопка выкладок и участков «усов» материальных находок не дала...» [Кадырбаев, 1959а. С. 179–182].

Егиз-Койтас, курган 4

«Правый берег р. Токраун представляет собой сильно пересеченную оврагами и всхолмлениями местность, на ровных участках которой расположены небольшие группы курганов и андроновских оград. Исследованиями был охвачен трехкилометровый участок правобережья, на котором находилось до двадцати курганов разной величины. Раскопано шесть курганов, остальные носили явные следы разграбления (рис. 17) [рис. 50]... Курган № 4 (рис. 22) [рис. 25]... имел каменную насыпь диаметром 5 м при высоте 50 см. От кургана в восточном направлении отходили две каменные гряды с круглыми плоскими выкладками на концах. Длина северной гряды составляла 32 м, южной – 30 м. Средняя их ширина – 1 м. В десяти метрах к З от кургана с «усами» находился большой курган диаметром 20 м и высотой 1,5 м, имевший широкий грабительский колодец. Следует заметить, что большие курганы, расположенные близ курганов № 5 и № 4, составляют с последними, по-видимому, единый комплекс и являются теми центральными курганами, которые мы видим в Киик-Су, Кара-Бие (курган III 15) и др., но, в силу явной ограбленности и большой трудоемкости по их расчистке, которая вряд ли могла каким-либо образом оправдать себя, мы не сочли возможным раскопать эти курганы.

Под насыпью кургана № 4 выявилась могильная яма овальной формы, заваленная обломками камня от перекрытия. Могильная яма ориентировалась с С на Ю и имела размеры: длину – 1,4 м, ширину – 65 см. На дне ее (глубина – 1,3 м) лежал неполный скелет подростка, состоявший из раздавленного черепа, шести позвонков, двух плечевых костей, правой тазовой кости и обеих бедренных и берцовых костей. Их правильное положение свидетельствует о том, что погребенный находился

в вытянутом положении, головой на С. У левого коленного сочленения стоял глиняной сосуд с отогнутым наружу венчиком, коротким и широким горлом, переходящим в крутые плечики, и сферическое тулово с плоским дном. Внешняя поверхность сосуда сероватого цвета, внутренняя – темнее. Тесто с примесью толченого гранита. Высота сосуда – 12 см, диаметр широкой части тулова – 13 см, дна – 8 см, средняя толщина в изломе – 5 мм. Изготовлен ручной лепкой...» [Кадырбаев, 1959а. С. 183, 188, 189].

Егиз-Койтас, курган 5

«Курган № 5 (рис. 21). Этот комплекс состоял из двух курганов и отходящих от них в восточном направлении каменных гряд с круглыми выкладками на концах. Диаметр южного кургана – 8 м, высота – 60 см; северного – 9 м, высота – 60 см. Длина северной гряды – 125 м, южной – 120 м, средняя ширина гряд – 1,5–2 м.

В восьмидесяти метрах к ЮЗ от комплекса расположен большой курган диаметром 30 м. Этот курган ограблен широкой траншеей.

Северный и южный курганы не имели могильных ям. Под насыпью южного кургана, в центре, были обнаружены обломки двух глиняных сосудов. Один из них имел шаровидное тулово и скошенный на внешнюю сторону венчик. Дно сосуда не было найдено, но, судя по сохранившемуся стыку тулова с дном, можно предположить, что оно было плоским. Венчик сосуда имел насечки, расположенные по его плоской поверхности и соединялся с туловом плавной, но сильно изогнутой линией, образующей низкую шейку. Предполагаемая высота сосуда – 19 см, диаметр широкой части тулова – 21 см, диаметр горла – 16 см, дна – 13 см. Средняя толщина в изломе – 4 мм. Внешняя поверхность сосуда сероватого цвета, внутренняя – темнее. Тесто с большой примесью толченого камня и крупного песка. Дно и стенки сильно закопчены.

Второй сосуд имел менее скошенный венчик, плавно переходящий в сферическое тулово с плоским дном. Высота сосуда – 22 см, диаметр горла – 12 см, широкой части тулова – 20 см, дна – 12 см, средняя толщина в изломе – 4 мм. Тесто с примесью толченого камня, но в нем мало песка. Цвет такой же, как и у первого сосуда.

Под насыпью северного кургана, в восточной части, также найден глиняной сосуд, поставленный на дно. У сосуда отсутствует венчик. По форме, цвету, составу теста он напоминал второй сосуд из южного кургана, поэтому следует предположить, что он имел и подобный венчик. Диаметр широкой части тулова – 21 см, дна – 14 см, горла – 14 см. Сред-

няя толщина в изломе – 6 мм. Все сосуды сделаны ручной лепкой...» [Кадырбаев, 1959а. С. 186–188].

Коктал

«Исследованный курган находился в 20 км к северу от поселка Чулак-Тау (Таласский район Джамбульской области – С. Боталов и др.) в долине, ограниченной со всех сторон замкнутой цепью холмов с обильными выходами коренных пород. Долина имеет вытянутую с севера на юг форму (2,5×2 км) и покрыта полынно-кустарниковой растительностью. Южную ее часть прорезает пересыхающая р. Коктал, а с восточной стороны в направлении с севера на юг – строящаяся железная дорога (рис. 1) [рис. 40].

В конструктивном отношении памятник представлял собой два кургана с каменными насыпями, от которых в восточном направлении отходили две дугообразные гряды камней с круглыми выкладками курганного типа по четырем концам. Северная гряда имела протяженность 150 м, южная – 155 м, средняя ширина их – 2 м.

Центральные курганы располагались по линии север – юг и отстояли один от другого на 12 м. Диаметр северного (№ 1) и южного (№ 2) курганов составляли 10 м каждый при средней высоте в 0,7 м.

Курган № 1 (северный), заключавший в себе захоронение, имел в насыпи следы широкого грабительского раскопа (рис. 2–1) [рис. 42, 1]. Могильная яма оказалась разрушенной, в результате чего остались невыясненными размеры, форма погребальной камеры и ряд вопросов, связанных с характером погребального обряда. Однако и то, что удалось обнаружить, представляет значительный интерес.

В кургане были найдены железные кольчатые удила, два трехпержих черешковых наконечника стрел, листовидный втульчатый наконечник копья с желобком по обеим плоским сторонам и фрагмент золотой пластинки от диадемы с инкрустацией из цветных камней (рис. 3) [рис. 41].

В восточной части кургана, под насыпью, были обнаружены обломки глиняного сосуда. Сосуд имел плоское дно, полусферическое тулово и чуть отогнутый наружу венчик, по внешней стороне которого шел орнамент из ногтевидных вдавлений в один ряд и небольшой валик.

Второй курган никаких находок и следов погребения не дал – под насыпью открылся ненарушенный грунт (рис. 2–2) [рис. 42, 2].

Изучение десятиметрового участка южной каменной гряды показало, что она выкладывалась на древней поверхности без каких-либо

следов углубления в 2–3 слоя камней различной формы и величины (рис. 4)...» [Кадырбаев, 1959б. С. 89–91].

Сангуыр II, курган 1

«В 1958 г. Центрально-Казахстанский археологический отряд проводил исследование курганов ранних кочевников в урочище Сангуыр II. Это урочище, впервые обследованное в 1955 г. А. Х. Маргуланом, находится в 4 км к В от подсобного хозяйства Дарат Жана-Аркинского района Карагандинской области и представляет собой долину (с З на В 2 км, с С на Ю 800 м), ограниченную с С и Ю невысокими гранитными увалами (рис. 1) [рис. 77]. Долина покрыта высокой и сочной травой, а северо-восточная и юго-западная ее части заболочены. Всего в долине пять курганов, три из них – с каменными грядами. Курганы, за исключением одного (№ 1), находятся в северной части долины. В 100 м на СЗ от кургана № 1 компактной группой расположен могильник эпохи бронзы, отдельные оградки которого доходят и до основания кургана. Другой такой же могильник находится в 80 м на ЮЗ от кургана № 3...

Курган № 1 (рис. 2) [рис. 54]. Состоит из центрального, овальной формы, кургана (диаметр с С на Ю 16 м, с З на В 14,5 м, высота 1,2 м), примыкающего к нему с восточной стороны малого кургана (диаметр с С на Ю 6 м, с З на В 4 м, высота 0,25 м) и отходящих от него в восточном направлении двух каменных гряд протяженностью 64 м каждая. По всей их длине вкопаны с различными интервалами вертикальные камни.

Насыпь центрального кургана имеет в центре ограду из вертикальных плит, края которых выступают над насыпью. Диаметр кольца 10 м. У северо-западной подошвы насыпи расположены две кольцевые и одна прямоугольная оградка из плашмя положенных камней.

Под каменным покровом кургана, на глубине 0,5 м от верха насыпи, обнаружен слой смешанного грунта, а ниже (0,9 м) – отдельные кости скелета человека (позвонок, ключица, ребра). Могильной ямы проследить не удалось. Ниже этих следов погребения на глубине 1 м, в центре кургана, обнаружены семь каменных ящиков, составленных из гранитных плит и расположенных в два ряда с СЗС на ЮВЮ (рис. 3) ...» [Кадырбаев, 1961. С. 48, 49].

«...В результате раскопок этого памятника выявлен случай вторичного захоронения раннекочевнического времени над андроновской оградкой эпохи бронзы. Процесс сооружения кургана над оградкой выглядел примерно следующим образом. В невысокой насыпи, внутри оградки, выкапывалась неглубокая могильная яма. Сверху сооружалась

каменная насыпь, а с восточной стороны, как обычно, пристраивался малый курган, под насыпью которого находился глиняной сосуд и кости лошади, что и было зафиксировано в данном случае...» [Кадырбаев, 1961. С. 54].

Сангуыр II, курган 2

«Курган № 2 (рис. 6) [рис. 55]. Расположен в 300 м к С от кургана № 1. Состоит из центральной каменной насыпи овальной формы (диаметр с С на Ю 11 м, с З на В 8 м, высота 1 м) и прилегающих к ней с В в линию двух малых насыпей (первая диаметром 3 м, вторая – 6 м). От крайней восточной насыпи отходят в восточном же направлении две каменные гряды. В насыпи центрального кургана, с западной стороны, четко прослеживается грабительская яма. Края могильной ямы повреждены грабительским раскопом, поэтому ее размеры установить не удалось. Можно только указать, что она имела овальную форму. На дне ямы (глубина 2,5 м) – кости ног погребенного, лежавшие в анатомическом порядке в направлении с СВ на ЮЗ, справа от костей стопы – кости задних ног барана с хвостовыми позвонками. Верхняя половина скелета погребенного отсутствовала, за исключением трех фрагментов черепа (обломки лобных костей с коронарным швом), найденных у левой бедренной кости. В крайнем восточном кургане, под насыпью, – глиняной сосуд с чуть отогнутым наружу венчиком и плоским дном...» [Кадырбаев, 1961. С. 55, 56].

Сангуыр II, курган 3

«Курган № 3 (рис. 7) [рис. 56]. Расположен в 500 м к В от кургана № 2. Состоит из двух слившихся каменных насыпей в направлении с СЗ на ЮВ. К ЮВ от них отходят две каменные гряды. Курганы имеют одинаковый диаметр (6 м) и незначительную высоту (0,6 м).

Западный курган. Под тридцатисантиметровым слоем камня – плиты, идущие наклонно от основания насыпи к центру. Центральная часть насыпи потревожена грабителями, поэтому характер кладки здесь проследить не удалось. Могильная яма овальной формы (3,5×2 м) с плоским перекрытием, разрушена с юго-восточного угла грабителями. Ориентирована она с СЗ на ЮВ. На дне (глубина 1,5 м), в юго-восточном углу, обнаружены отдельные кости скелета погребенного (две затылочные и одна лобная часть черепа, левая плечевая кость, ребра, два позвонка, нижняя челюсть). Восточный курган дал, как обычно, под насыпью глиняной сосуд. Других находок не обнаружено...» [Кадырбаев, 1961. С. 56].

Тасмола I, курган 19

«Курган 19 (рис. 2, 3) [рис. 26] имеет оплывшую каменную насыпь диаметром 8 м, высотой 0,3 м. От него к ВЮВ отходят две каменные гряды: южная длиной 46 м, северная – 52 м, средняя ширина гряд – 1,5 м. Этот курган является вариантом основного типа сдвоенных курганов с каменными грядами.

Его особенность заключается в совмещении в одном кургане функций двух курганов: основного и малого. Поэтому под насыпью кургана (0,3 м) в юго-восточной части, в радиусе одного метра, найдены обломки двух сосудов (табл. III, 1, 3) [рис. 27], а в центральной части вскрыта могильная яма. Подобный вариант кургана с грядами был встречен мной в 1957 г. в урочище Канаттас, в кургане 19, относящемся к более позднему времени.

Сосуды, найденные в тасмолинском кургане, по форме, составу теста и цвету варьируют в пределах той своеобразной формы, которая присуща сосудам из курганов с грядами. Два тасмолинских сосуда отличаются друг от друга лишь формой венчика. В одном случае он имеет срез на внешнюю сторону, а в другом – без него.

В центре кургана, на глубине 0,3 м, находится завал от перекрытия могильной ямы из крупных бесформенных обломков камня, ориентированный СЗ–ЮВ, длиной 2,2 м, шириной 1 м.

Могильная яма, четкие контуры которой удалось проследить только в северной части, на глубине 0,5 м от верха насыпи, наполовину забита обломками камня от перекрытия. Судя по выявленным контурам, она имеет овальную форму. Длину ямы определить не удалось, ширина 1,8 м. Ориентировка ее по длинной оси С–Ю. На дне ямы (глубина 1,2 м) найден скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на север, с вытянутыми и несколько раздвинутыми в сторону руками. Под скелетом обнаружены остатки камышовой подстилки...» [Кадырбаев, 1962. С. 71, 74, 77; см. также Кадырбаев, 1966. С. 311].

«...Могильная яма, четкие контуры которой удалось проследить только в северной части, на глубине 0,5 м от верха насыпи, наполовину забита обломками камня от перекрытия. Судя по выявленным контурам, она прямоугольной формы, шириной 1,8 м и ориентирована длинной осью с севера на юг, хотя фактическая длина ямы осталась невыясненной. На дне (глубина 1,2 м) находился скелет женщины возмужалого возраста (расовый тип среднеазиатского междуречья, с монголоидной примесью), лежавший на спине, в вытянутом положении, головой на север, с вытянутыми и несколько раздвинутыми в стороны руками...» [Кадырбаев, 1966. С. 312].

Вместе с погребенным найдено бронзовое зеркало с петлей в центре тыльной стороны и высоким бортиком по краю диска, помещенное в чехол, тонкий ремень с бронзовой пуговицей, с помощью которого закреплялся чехол зеркала. Из могильной ямы происходит также оселок, пластинчатый железный нож, череп лошади с зажатými в зубах бронзовыми стремевидными удилами и бронзовыми трехдырчатыми псалиями. С уздой связаны бронзовые пронизи для перекрестных ремней, остатки повода с нанизанной на него цепью бронзовых крупных бочонковидных бус нескольких блях. Кроме того обнаружены бронзовые бляшки с рамковидным выступом пуговицевидной формы, пронизи и бляшки листовидной формы (рис. 28) [Кадырбаев, 1962. С. 77; 1966. С. 312–314. Рис. 4; 5; 6, 1; 7, 1, 2, 5; 8, 5, 7, 8, 10–14, 16, 20].

Ботакара, курган 1

«Могильник исследован в 1959 г. Находится в 6 км к западу от с. Ульяновское, на верхней террасе левого берега старицы Нуры. Насчитывает 58 разновременных памятников. В топографическом отношении могильник четко разделен на две группы: памятники эпохи бронзы и ранних кочевников. Первая группа – оградки эпохи бронзы – расположена цепочкой с запада на восток, в южной части долины, в 100 м от берега.

Курганы с каменными насыпями (8 шт.) занимают северную часть долины и также вытянуты цепочкой с запада на восток. Пять из них – с каменными грядами. Раскопано четыре кургана, из которых три – с каменными грядами [рис. 75].

Курган 1. Замыкает цепочку с запада и состоит из двух каменных насыпей и каменных гряд, сильно разрушенных в результате распашки всей долины.

Этот памятник принадлежит к наиболее распространенному типу курганов с «усами».

Диаметр большого кургана с севера на юг – 15 м, с запада на восток – 11 м, высота – 1 м. Диаметр восточного кургана – 5 м, высота незначительная.

Под насыпью основного кургана, на глубине 0,8 м от верха насыпи, обнаружено разрушенное перекрытие могильной ямы, состоящее из обломков крупных каменных плит, ориентированное по длинной оси с ЗСЗ на ВЮВ. Его размер – 5×1,4 м.

Грунтовая могильная яма, открывшаяся под завалом, имеет овальную форму (длина 3,6 м, ширина ВСВ конца – 1,6 м, ЗСЗ конца – 1,3 м).

На дне ее (глубина 1,9 м) находился ящик, составленный из каменных плит. Длина ящика – 3,4 м, ширина ЗСЗ стороны – 0,5 м, ВЮВ – 0,8 м, средняя высота – 0,7 м.

Каждая длинная сторона ящика состоит из трех плит, стыки между которыми заполнены небольшими плоскими плитками. Торцевые стенки ящика имеют: восточно-юго-восточная – одну плиту, западно-северо-западная – две плиты. На дне ящика, в центральной части, лежали остатки полупережженного черепа человека. Дно и стенки его оказались прокаленными. Других находок не обнаружено...» [Кадырбаев, 1966. С. 345].

Ботакара, курган 48

«Курган 48 находится в 460 м к востоку от предыдущего. Состоит из двух курганов, расположенных по линии с севера на юг на расстоянии 10 м друг от друга, и двух распаханых каменных гряд, отходящих от них в восточном направлении. Курган 1 (южный) имеет диаметр с севера на юг 5 м, с запада на восток – 10 м, высоту 0,4 м.

Под его насыпью, в западной половине, лежал истлевший скелет лошади, на правом боку, с вытянутыми передними и задними ногами, головой на север (рис. 41). В полутора метрах северо-восточнее костяка находился раздавленный глиняный сосуд серого цвета из слоистого, плохого промесса, теста.

Курган 2 – северный, диаметром с севера на юг 4 м, с запада на восток – 5 м, высотой 0,4 м. Под его насыпью, также на уровне погребенной почвы, в том же положении обнаружен скелет лошади, головой на северо-восток. В 0,9 м к востоку от него найден раздавленный глиняный сосуд, аналогичный первому...» [Кадырбаев, 1966. С. 345, 346].

Ботакара, курган 55

«Курган 55 расположен в 200 м к юго-востоку от кургана 48. Имеет диаметр 8 м, высоту 0,2 м, от него в восточном направлении отходят две каменные гряды с круглыми сооружениями на концах. Длина северной гряды – 54 м, южной – 44 м, средняя ширина гряд – 1,5 м. Под насыпью кургана, в одном метре к северо-востоку от центральной точки, найдены истлевшие остатки верхней и нижней челюстей лошади с хорошо сохранившимися зубами. Здесь же в радиусе 1 м прослежены истлевшие остатки конских трубчатых костей.

В одном метре юго-восточнее остатков черепа находился глиняный сосуд с чуть отогнутым наружу венчиком, по внешней стороне которо-

го проходил валик, изогнутой шейкой, крутыми плечиками и плоским дном. Тесто сосуда плохого промесса, слоится и имеет значительную примесь дресвы и крупного песка. Обжиг неравномерный, сосуд серого цвета...» [Кадырбаев, 1966. С. 346, 348].

Ак-Булак II, курган 1

«Курган 1 могильника Ак-Булак II... Состоит из двух курганов: первого, диаметром 9 м, и примыкающего к нему с востока малого, диаметром 7,5 м, от которого на восток отходят каменные гряды длиной 38 м при средней ширине 2 м.

Оба кургана имеют каменные насыпи незначительной высоты. Между концевыми сооружениями гряд расположено несколько небольших овальной и подпрямоугольной формы выкладок в один ряд камней. Раскопки показали, что под камнями грунт не нарушен. В одной из них прослежены прокаленный грунт и остатки древесных угольков.

Ввиду сильной разграбленности погребения четкие контуры могильной ямы не удалось установить.

Под насыпью малого кургана в восточной половине находился глиняной сосуд той же формы и из такого же теста, что и ботакаринские...» [Кадырбаев, 1966. С. 348, 349].

Карамурун I, курган 4

«Карамурун I также состоит из двух групп, объединенных в одну для удобств описания. Первая концентрируется вокруг кургана с каменными грядами и насчитывает 13 курганов (рис. 48) [рис. 45]. Два из них образуют курган с грядами, остальные более мелкие (11 шт.) компактной группой расположены с его западной стороны, причем настолько близко друг к другу, что иногда сливаются в один...

Остальные курганы второй группы разбросаны вокруг этого компактного могильника и отдалены друг от друга на 30–60 м (рис. 49) [рис. 46]...

Курган 4 находится в 90 м к северу от кургана 3. Состоит из двух курганов с каменными насыпями, вытянутыми с севера на юг и отстоящими друг от друга на 5 м. Курган А (северный) диаметром с севера на юг 10 м, с запада на восток – 9 м, высотой 0,6 м. Диаметр кургана Б (южный) – 9 м, высота незначительная. От курганов в восточном направлении отходят две каменные гряды: северная длиной 70 м, южная – 67 м; ширина гряд – 1,5–2 м. На концах их имеются круглые каменные сооружения курганного типа.

Под насыпью кургана А, в восточной части, находились обломки глиняного сосуда (часть дна и тулова). Сосуд обычной для кургана с грядами формы, темно-серого цвета, из теста плохого промесса, с крупным песком и дресвой. Стенки сосуда толстые (1,5 см). На этом же уровне, в центре кургана, выявлена могильная яма (2,2×1 м) с разбросанными каменными плитами перекрытия, ориентированная по длинной оси с северо-запада на юго-восток. На дне ямы (глубина 1 м) и в ее заполнении попадались кости погребенного. Здесь же обнаружена костяная игла с навершием в виде стилизованной головы хищной птицы (рис. 70, 1). Врезные линии навершия окрашены красной охрой.

Под насыпью кургана Б, ближе к восточной стороне, лежали обломки глиняного сосуда с сильно отогнутым венчиком, короткой горловиной, резко переходящей в широкое тулово с плоским дном. Сосуд также толстостенный, сделан из теста с примесью песка. По всей площади кургана прослежены зольные полосы шириной от 3 до 4 см, мощностью 3–5 см...» [Кадырбаев, 1966. С. 356, 357].

«...Курган 6а находился на самом конце левой гряды кургана 5 (вероятно ошибка, так как, судя по плану могильника Карамурун I, этот курган находился на конце «уса» кургана 4 – Авторы). Диаметр его с севера на юг – 7,5 м, с запада на восток – 5,3 м, высота – 0,4 м. По основанию проходит кольцо из крупного камня. На дне могильной ямы, овальной формы (2×1,1 м) и ориентированной по длинной оси с СЗС на ЮВЮ, лежал скелет человека, на спине, головой на северо-запад. Череп погребенного покоился на куске камня. Бедренные и берцовые кости его сильно искривлены...» [Кадырбаев, 1966. С. 359].

Нурманбет II, курган 4

«Курган 4 состоит из основного кургана и примыкающего к нему с востока малого кургана, от которого в восточном направлении отходят две каменные гряды шириной 1,5–2,5 м при длине северной гряды 56 м, южной – 46 м. Оба кургана с насыпью из земли с камнем и по основанию их прослеживается кольцо из крупного камня. Диаметр большого кургана – 12 м, высота – 0,3 м. Диаметр малого с севера на юг – 9 м, с запада на восток – 10 м, высота – 0,4 м.

Основной курган имеет в центральной части впадину от грабительского раскопа. Под насыпью, в восточной части кургана, найдены фрагменты глиняного сосуда: часть венчика и несколько обломков тулова. Судя по ним, сосуд имел чуть отогнутый наружу венчик и широкую горловину, плавно переходящую во в меру вздутое тулово. Тесто его

с примесью песка, плохого промесса, слабого обжига, темно-серого цвета. В месте перехода горловины в тулово сделано круглое отверстие диаметром 6 мм.

Сосуд входит в категорию обычных для курганов с «усами» форм.

Могильная яма, контуры которой удалось проследить с глубины 0,45 м, овальная (2,5×1,5 м) и ориентирована длинной осью с севера на юг. В заполнении могилы, на разной глубине, попадались обломки скелета человека. В северной части могильной ямы лежал раздавленный череп погребенного, а в южной – череп барана, повернутый мордой на юг, и зубы лошади. В восточной части ямы найдена бронзовая круглая, с рамковидным выступом и штырьком на кольце пряжка от узды лошади. На штырьке имеется вдавление в форме копыта (рис. 26, 4).

Под насыпью малого кургана зафиксирован ненарушенный грунт...» [Кадырбаев, 1966. С. 367, 368].

Джанайдар, курган 1

«Курган № 1 (рис. 1) [рис. 11], имеет оплывшую каменную насыпь диаметром 8 м, высотой 60 см. От него в восточном направлении отходят две каменные дорожки, «усы». Длина южного «уса» 102 м, северного – 95 м, средняя ширина дорожки 1,7 м. Концы «усов» заканчиваются круглыми завалами из камней в виде небольших курганов. Диаметры завалов южного «уса»: западного – 6,5 м, восточного – 7 м; северного «уса»: западного – 5,8 м, восточного – 8,2 м. Высота завалов около 50 см. Расстояние от кургана до западных завалов южного и северного «усов» равно соответственно 11 м, 75 см и 14 м. Расстояние между восточными концами «усов» 66 м, 25 см. При раскопке кургана под насыпью, в восточной части, недалеко от его подошвы, найдены обломки глиняного сосуда без орнамента. В центральной части кургана, на уровне древнего горизонта, стоял раздавленный сосуд. Глиняной сосуд имеет форму горшка. Тулово сосуда немного сужается ко дну. Венчик его слегка загнут внутрь, дно плоское. Западнее первого сосуда обнаружены остатки второго плоскодонного сосуда. Форму его установить не удалось. Первый сосуд по форме близок глиняным сосудам из могильника Сангуыр II (курганы № 1 и 2). На глубине 65 см от поверхности кургана, недалеко от второго сосуда, лежали зубы лошади, вблизи их обнаружены бронзовая пуговицевидная бляшка и уплощенная бронзовая пронизка с четырьмя овальными отверстиями для перекрестия ремней конского снаряжения (рис. 2) [рис. 12]. Такие пуговицевидные бляшки и пронизки с четырьмя отверстиями найдены в могильнике Тасмола (курган 19). Под насыпью

кургана при тщательной зачистке и углублении раскопа в материк на 30 см могильная яма не обнаружена...» [Оразбаев, 1969. С. 177].

«В могильнике Джанайдар основного кургана не было. Мы исследовали так называемый малый курган. Правда, на расстоянии 140 м на северо-запад от раскопанного кургана находится курган диаметром около 10 м, высотой 1,5 м. Насыпь – земля с камнем. Можно было бы предположить, что основным является этот курган, но он слишком далеко отстоит от всего комплекса сооружения.

При раскопке концевых круглых сооружений курганного типа нам удалось обнаружить, что концевые завалы «усов» не просто набросок камней, а представляют собой определенные сооружения, выложенные из плиточных камней в форме неправильного круга (рис. 4). Толщина стен сооружения 50–60 см. По нашим наблюдениям, стены сооружения с восточной стороны на расстоянии 80–90 см не смыкались, образуя как бы вход или выход из него в так называемые «усы».

Нами на всем протяжении «усов» прослежены конструкция и техника их сооружения. Оказалось, что «усы» представляют собой коридорообразные строения, проложенные, начиная с концевых сооружений, из параллельно вкопанных на ребро каменных плит. Ширина между параллельно поставленными плитами 70–80 см. На всем протяжении стенки «усов» перегорожены поперечно поставленными каменными плитами на расстоянии друг от друга 1,2–1,5 м, что, по-видимому, придавало устойчивость «коридору» (рис. 5) [рис. 62, 1]. Концевые сооружения как бы сообщались посредством такого символического «коридора», покрытого сверху также плитами (рис. 6). Если сделать реконструкцию, т. е. сложить все камни, которые лежали на концах «усов» в виде завала курганного типа, то получается, что концевые завалы в свое время представляли сооружения неправильной круглой формы, выложенные из каменных плит, с выходом на восток, «в коридор». Диаметр их около 3 м, высота 1,2–1,3 м. Возможно, верх этих сооружений имел сводчатую форму (рис. 7) [рис. 62, 2]. Северный «ус» был сооружен так же, как и южный, с той лишь разницей, что в середине круга западного завала было выявлено сооружение из плит в виде каменного ящика...» [Оразбаев, 1969. С. 180–182].

Зевакино, курган 1

«Курган 1. Комплекс состоит из двух каменных насыпей диаметром 7 м, расположенных одна от другой в 5 м по линии С–Ю. С северной и южной сторон от них отходят в восточном направлении две каменные

дуговидные гряды. Длина северной гряды 30 м, южной 32,5 м, ширина их от 1 до 3 м. В южной гряде прослеживается семь плотно примыкающих друг к другу округлых выкладок, сложенных из обломков гранита, белого кварца и серого сланца. Последняя выкладка в конце раздваивается, образуя как бы коридор-дорожку, свободную от камней. Аналогична по сооружению и северная гряда, однако очертания ее выкладок менее четки. Высота гряд от 30 до 60 см.

В восточной половине насыпи южного кургана обнаружены кости лошади (зуб, ребро), несколько обломков глиняного сосуда, кусочки древесного угля.

Под насыпью северного кургана, в восточной половине найдены обломок трубчатой кости овцы и фрагмент дна глиняного сосуда, изготовленного из сравнительно плотного, черного в изломе теста с примесью мелкого песка. На глубине 1,15 м в восточной части кургана зафиксирована прямоугольная с закругленными углами могила, ориентированная С–Ю с отклонением на 15° соответственно к западу и востоку. Размеры ее 2,3×1 м, глубина 1,5 м. На дне могилы лежал скелет взрослого человека и ребенка, вытянуто на спине, головой на С. У левой височной кости взрослого найдена бронзовая серьга (табл. I, 11) [рис. 43, 11], на шейных позвонках – бронзовая гривна (табл. I, 12) [рис. 43, 12], на поясничных позвонках – остатки кожаного пояса, украшенного бронзовыми подпрямоугольными пластинчатыми бляхами, прикрепленными к ремню миниатюрными бронзовыми гвоздями с округлой шляпкой, расположенными попарно на концах. В середине к поясу (сзади) прикреплена тремя такими же серебряными гвоздями фигурная бронзовая пластинка. Ремень завершается железной округлой пряжкой с подвижным язычком (табл. I, 14) [рис. 43, 14]. В области тазовых костей лежал обломок железного однолезвийного меча с плоской рукояткой. плавно переходящей в клинок (табл. I, 13) [рис. 43, 13]. На клинке и рукояти сохранились остатки дерева, по-видимому, от ножен. Рядом с мечом лежал сильно коррозированный железный нож. У левого коленного сустава выявлены остатки кожаного колчана и железные наконечники стрел – трехгранной (табл. I, 8) [рис. 43, 8] и ромбической (плоский в сечении) формы (табл. I, 7) [рис. 43, 7]. От третьего наконечника стрелы найден лишь круглый в сечении черенок (табл. I, 9) [рис. 43, 9]. Справа от скелета вдоль западной стенки могилы (от черепа до коленного сустава) обнаружены десять костяных накладок на лук. Семь из них концевые (табл. I, 3–6) [рис. 43, 3–6], три – серединные (табл. I, 1, 2) [рис. 43, 1, 2]. Судя по расположению накладок, лук был в длину около 130 см...» [Арсланова, 1975. С. 117, 118].

Зевакино, курган 2

«Курган 2 расположен в 150 м западнее первого. Все сооружение состоит из двух каменных курганов, примыкающих друг к другу по линии З–В и двух дугообразных каменных гряд. Длина южного «уса» 60 м, северного 52 м. Ширина гряды 3 м. В 28 м от начала северного «уса» находился третий курган диаметром 5 м с грабительской воронкой в центре глубиной до 80 см.

Большой курган. Диаметр 10 м, высота 40 см. В центре была грабительская воронка диаметром 4 м, глубиной 70 см. В юго-западной части, на глубине 20 см обнаружены разрозненные кости человека (обломок черепа, трубчатые кости) и подпрямоугольная могила (размеры 3×2 м, глубина 3,1 м), длинной осью ориентированная З–В. До самого дна могилы завалена скальным камнем вперемешку с землей. В могиле на разных горизонтах встречались фрагменты глиняного сосуда, обломки костей человека и фигурные пластинки из листового золота. На глубине 1,75 м, в северной половине могилы, найден медный пятак чекана 1781 г., очевидно, оброненный при ограблении кургана. На дне могилы стоял каменный ящик, сооруженный из четырех гранитных плит серого цвета. Длина ящика 2,1 м, ширина у западного конца 1,3 м, у восточного 1,2 м, высота 80 см. От перекрытия сохранились лишь обломки плит у западного края. На уровне перекрытия в северо-западном углу могилы находились кости лошади (ребра, позвонки, кости ног). На дне ящика лежали разрозненные кости двух скелетов человека (два черепа, кости рук, ног) вперемешку с костями лошади (позвонки, обломки черепа и трубчатые кости). По определению палеозоолога отдела археологии АН КазССР Л. А. Макаровой, в кургане найдены фрагменты верхней и нижней челюстей, лопаточные (3), плечевые (3), лучево-локтевые (4), пястные (1), тазовые (2) кости. Количество костей лошади соответствует двум-трем особям. В северо-западной части малого кургана (диаметр 8 м, высота 15 см) найдены обломки глиняного сосуда (табл. II, 5) [рис. 6, 5].

В третьем кургане на глубине 110 см зафиксирована овальная могила, заполненная камнем вперемешку с землей и ориентированная З–В. Размеры ее 2,2×1,4 м, глубина 3,8 м. На разных горизонтах в засыпи могилы обнаружены обломок трубчатой кости и фрагменты глиняного сосуда красного цвета...» [Арсланова, 1975. С. 118–120].

Зевакино, курган 3

«Курган 3 находился в 250 м юго-восточнее первого. Округлая в плане насыпь диаметром 8 м сооружена из колотого скального гранита и бе-

лого кварца. До раскопок курган представлял собой скопление камней, выступающих над уровнем современной дневной поверхности на 2–3 см (рис. 1) [рис. 5].

От кургана в восточном направлении отходят две слегка изогнутые каменные гряды длиной 28 м (северная) и 21 м (южная). Ширина гряд от 1,5 до 3 м. Северная гряда сложена из двух параллельных рядов камней, образующих как бы коридорообразное сооружение. На одном участке плиты стояли одна против другой на расстоянии 40 см, без перекрытия. Южный «ус» состоял из пяти овальных выкладок, примыкающих одна к другой. В северной половине кургана, на глубине 20 см, найдены кости лошади (зубы, кости ног, таза). В северо-восточной части насыпи, в одном метре от центра обнаружен раздавленный глиняной сосуд (табл. II, 2) [рис. 6, 2]...» [Арсланова, 1975. С. 120].

Кызылтас, курган 1

«Курган 1 с «усами»... (рис. 2) [рис. 53]... Он состоит из двух каменных насыпей, ориентированных З–В. Диаметр основного кургана 12 м, высота 50 см. Центральная часть насыпи свободна от камней и слегка уплощена. Диаметр малого кургана 6 м, высота 30 см. От северного и южного края малого кургана отходят в восточном направлении две каменные гряды длиной 23,7 м (южная) и 30,5 м (северная). Ширина «усов» от 1 до 2,5 м. Южный «ус» состоит из пяти овальных выкладок, примыкающих друг к другу. Северный «ус» более монолитен, хотя в некоторых местах заметно значительное сужение, передающее, по-видимому, конструкцию каменной гряды. В восточной половине малого кургана на глубине 50 см обнаружен раздавленный глиняной сосуд кринкообразной формы.

В основном кургане на глубине 65 см выявлены очертания овальной (размер 4,3×2,2 м) могильной ямы, заполненной камнем вперемешку с землей. Длинной осью могила ориентирована СЗ–ЮВ. В центральной ее части найден череп лошади плохой сохранности. На глубине 1,85 м у западной стенки могилы оказался обломок бедренной кости человека. На этой же глубине могила, имевшая овальную форму, приняла подпрямоугольные очертания, в результате длинной осью она стала ориентирована З–В. Длина могилы на глубине 1,85 м – 2,45 м, ширина 1,1 м, глубина 2,7 м. В могиле наряду со скальным камнем встречены крупные обломки гранитных плит (100×50 см; 90×70 см), вероятно, остатки каменного ящика, расколотого при ограблении. В ее насыпи на разных горизонтах зафиксированы обломки черепа человека, фрагменты двух

глиняных сосудов, кости овцы (бедренная и обломки ребер). Один сосуд в форме котла на коническом поддоне (табл. II, 8) [рис. 6, 8], второй – плоскодонный, по-видимому, кувшиновидной формы (табл. II, 6) [рис. 6, 6]...» [Арсланова, 1975. С. 120, 121].

Кызылтас, курган 2

«Курган 2 находился среди каменных насыпей тюркского времени. Диаметр 9 м, высота 10–15 см. Насыпь сложена из скального кварца и гранита. У западного края было едва заметное углубление овальной формы (2,5×1 м). Вся центральная часть кургана свободна от камней. От основания его с севера и юга в восточном направлении отходят две дугообразные гряды. Длина южной гряды 56 м, северной 72 м. Ширина «усов» от 1 до 3 м. Резкое сужение в «усах», очевидно, доказательство того, что они состоят из ряда выкладок. На глубине 60 см в восточной половине насыпи зафиксированы обломки глиняного сосуда (табл. II, 1) [рис. 6, 1].

Основной курган не найден. По всей вероятности, на нем сооружен большой курган тюркского времени, находящийся в 5 м западнее кургана с «усами»...» [Арсланова, 1975. С. 121].

Беркутты

«...Комплекс состоит из основного кургана, двух каменных выкладок – «усов» – и небольших курганов, расположенных на их концах. «Усы», берущие начало от основного кургана, сохранились неодинаково. В то время как правая каменная дорожка хорошо прослеживалась на всем протяжении, левая с трудом видна. Ориентировка «усов» северо-восточная. Длина правого «уса» 90, левого – 95 м. Наибольшая ширина между «усами» 85 м.

Судя по всему, камни, из которых сооружены дорожки, набрасывались бессистемно. Ширина «усов» 1,5–2 м. В правом «усе» в сплошной выкладке имеются разрывы (1,5–2,5 м), возможно, камни взяты на сооружение других курганов или сооружений.

На конце правого «уса» исследован круглый завал, представляющий собой слаботамную несомкнутую кольцевую оградку диаметром 5 м. После снятия верхнего дернового слоя толщиной 0,2 м обнаружили недостающие звенья оградки, однако северо-восточная ее часть, обращенная к правому «усу», отсутствовала...

В нашей выкладке после снятия верхнего дернового слоя в центре, на глубине 0,3 м, найден неопределенный фрагмент керамики и ребра.

В северо-западной части кольца обнаружено зольное пятно и мелкие кусочки угля.

Круглая каменная выкладка, расположенная на конце левого «уса», дала более интересный материал. Она представляла собой кольцевую оградку диаметром 6 м, высотой 0,2 м. Ширина каменной стенки кольца, состоящей из булыжника, в некоторых местах достигала 1,6 м. В центре кольца имеется завал из камней, который ориентирован длинной осью ЮЮВ–ССЗ. При разборке каменного завала и расчистке погребальной ямы в северо-северо-западной ее части на глубине 15 см обнаружены зубы лошади. При углублении ямы до 0,65 м найдены каменная плита, служившая, как оказалось позже, перекрытием каменного ящика. Под плитой собраны мелкие фрагменты костей, не поддающиеся определению. Ящик стоял на фундаменте из мелких камней. На дне каменного ящика, на глубине 1,45 м от поверхности, обнаружены разрозненные кости лошади, а также мелкие кости овцы. Костяк лошади сопровождался сильно разрушенными и коррозированными железными предметами. У правого коленного сустава лежала полукруглая подпружная железная пряжка, с левой стороны около тазовых костей был железный предмет неопределенных очертаний. Судя по предметам и костякам, в данном захоронении покоились остатки взнузданной лошади и жертвенной овцы. Погребение, вероятно, было ограблено с северной стороны ямы. Эта часть заполнена затвердевшим грунтом грабительского выброса.

Основной курган комплекса кургана с «усами» представлял собой каменно-земляную насыпь, покрытую густой растительностью. Диаметр его 8 м, высота 0,5 м. После снятия верхнего дернового слоя выяснилось, что курган имел каменное кольцо, сложенное из мелких обломков сланца. Ширина кольца 0,7–1, диаметр 6 м. Внутри кольцо свободно от камня. Однако на глубине 0,35 м от дневной поверхности, в центре кольца, наметился каменный завал овальной формы, перекрывавший могильную яму, длинные стороны которой ориентированы ЮВ–СЗ. Прямо под завалом, толщина которого не превышала 0,3 м, в его северо-восточной части лежали двусоставные железные кольчатые удила с одним дополнительным подвижным овальным кольцом, плоским в сечении (рис. 2, 1) [рис. 24, 1], и трапециевидная большая железная пряжка с подвижным язычком, употребляющаяся в конской сбруе как седельная или подпружная (рис. 2, 2) [рис. 24, 2]. Рядом находился обломок небольшой железной овальной подвески с петелькой (рис. 2, 3) [рис. 24, 3]. В восточной части внутри кольца, также на дневной поверхности, на боку лежал почти целый сосуд-кувшин с вытянутым округ-

лым туловом и расширяющейся кверху горловиной. Профилированный венчик отогнут наружу и имеет в разрезе подтреугольную форму. Вертикальная ручка (прямоугольная в сечении) прикреплена одним концом к верхней части горловины, другим -- к слегка выраженному плечу. Дно плоское. Тесто плотное с примесью песка. Излом коричневого цвета. Сосуд покрыт светлым ангобом. Под ручкой на тулове имеется глубоко прочерченный еще по сырой глине тамгообразный знак в виде трезубца вершиной вниз. Кувшин высотой 32 см, диаметр венчика 11,2 см, диаметр донца 12,4 см (рис. 2, 4) [рис. 24, 4]. Рядом с кувшином обнаружены спекшийся железный предмет, форму которого определить не удалось, и фрагмент грубой керамики серого цвета.

Могильная яма, длиной 2,1 и шириной 1,3 м, заполнена глиной и щебнем. При расчистке ямы на глубине 0,5 м от края ямы, в ее северо-западном углу обнаружены фрагменты лепной керамики и мелкие обломки костей. На дне ямы (глубина 1,5 м) зафиксирован костяк человека плохой сохранности. Он лежал на спине головой на СЗ. Длина костяка 1,75 м. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги слегка раздвинуты в стороны. Сопутствующий инвентарь отсутствовал...» [Ахинжанов, 1977. С. 76–79].

Батыр-Булак, погребальное сооружение 1

«...Могильник, состоящий из 7 курганов и жертвенного комплекса, расположен на вершине сопки (рис. 1, 1) [рис. 51, 1].

...Погребальное сооружение 1 состоит из трех курганов, расположенных в ряд по линии СВ–ЮЗ, от крайних отходят «усы» в ЮВ направлении. Боковые курганы овальной формы: курган А – 7×5 м, высотой 0,3 м; курган Б – 5×4 м, высотой 0,2 м. Насыпи обоих курганов потревожены, по центру имеются впадины. Курганы соединены дугообразной выкладкой из хаотично разбросанных камней. Она окаймляет центральный курган с западной стороны.

Центральный курган диаметром 7 м, высотой около 0,3 м, округлой формы. Насыпь не потревожена. Левый «ус» (со стороны кургана) представляет собой вымостку из хаотично набросанных камней, которая начинается в 10 м к СВВ от кургана, длина ее 95 м. Вымостка правого «уса» длиной 85 м, шириной 1,2...1,8 м начинается в 6 м к Ю от насыпи. Вымостки расположены по склону сопки и ориентированы ЮЮВ. На концах вымосток сооружены каменные насыпи округлой формы диаметром 4 м, высотой 0,2 м (рис. 1, 3) [рис. 51, 3]. После снятия дерна обнаружено, что камни лежат в один слой в коричневом суглинке

и образуют овальную конструкцию, вытянутую по линии ССЗ–ЮЮВ.

Под выкладкой левого «уса» в центре имеются две ямы овальной формы с пологими стенками размерами 1,35–0,3 м, глубиной 0,1 м. В заполнении ям отмечены отдельные камни (рис. 1, 5) [рис. 51, 4].

Насыпь центрального кургана (рис. 1, 2) [рис. 51, 2] окружена крупными камнями, которые выполняют роль крепиды. Под камнями насыпи прослеживаются остатки погребенной почвы в виде суглинка темно-серого цвета. Под насыпью в ЮВ секторе в центральной части обнаружены пятна сажи с угольками диаметром 15 см, глубиной 20 см, истлевшая кость, на окраине сектора – сосуд, вкопанный в материк. Сосуд плохой сохранности из-за слабого обжига. Он имеет горшковидную форму с едва выраженной шейкой, поверхность грубо заглажена, орнамента нет. Сосуд по характерным чертам относится к керамике тасмолинской культуры...» [Усманова, 1987. С. 100].

Шедерты, курган 2

«...Памятник представляет собой кульгово-ритуальное сооружение – т. н. курган с «усами»... Сооружение состояло из основного кургана, диаметром 13 м, от которого в восточном направлении отходят 2 каменные гряды («усы»). Длина северной гряды 56 м, южной – 47 м. На окончании гряд имеются сооружения в виде небольших каменных насыпей диаметром около 4 м. Гряды были сложены из небольших, примыкающих друг к другу насыпей диаметром 2–2,5 м. При расчистке основного кургана могильной ямы обнаружено не было.

В северо-западной части насыпи, среди камней обнаружены фрагменты гончарной керамики (рис. 1–12, 14–15) [рис. 14, 1, 2, 5]. В западной части найдены зубы лошади. В восточной части кургана под камнями обнаружен развал лепного сосуда (рис. 1, 11) [рис. 14, 5]. Его дно, стояло в небольшом углублении вырубленном в скальной породе. В центре насыпи, сразу под дерном, найден железный нож с черешковой ручкой (рис. 1, 13) [рис. 14, 4]. Курган с «усами» относится к типу IV по классификации Кадырбаева [Кадырбаев, 1966. С. 309] и к типу 1 по классификации Бейсенова [Бейсенов, 1996. С. 36]. Памятник датирован нами по кувшину ручной лепки, первым этапом тасмолинской культуры – VII–VI вв. до н. э. Железный нож находился в грабительской воронке, сразу под дерном. Фрагменты гончарной керамики были обнаружены среди камней насыпи, а один за ее пределами. Вероятно, нож и гончарная керамика были оставлены при последующих ритуальных действиях или неоднократной попытке ограбления кургана. Так как на

защищенной поверхности основания кургана, сооруженного на скальном фундаменте, отмечено пять небольших воронок...» [Пересветов, 2001. С. 283].

Ижевский – 2

«...Группа находится на правом берегу р. Ишим в 1,5 км к СВ от одноименного села и занимает площадку второй надпойменной террасы. Центральное место в группе принадлежит комплексу курганов с «усами», остальные четыре памятника располагаются к северу, западу и югу от него (рис. 1:1) [рис. 47, 1].

Комплекс курганов с «усами» состоит из двух насыпей, расположенных по линии С–Ю и обозначенных как курганы 1 и 2, а также двух каменных гряд. Последние начинаются на расстоянии 8–10 м от северного и южного (1 и 2) курганов и отходят на ЮВ. Длина каменных гряд около 160 м, на их концах имеются характерные курганообразные сооружения. У обоих курганов насыпи сложены из разных обломков камня с участием земли. При раскопке обоих курганов какие-либо конструктивные детали (ров, ограда, крепицы и др.) не прослежены. Диаметр кургана 1 (северный) 8 м, высота 0,3 м. Курган значительно изрыт с поверхности – разграблен. При снятии камней верхнего слоя в центральном секторе на глубине 0,1 м от верха насыпи обнаружен выброшенный грабителями каменный жертвенник (рис. 1:2) [рис. 47, 2]. Под насыпью, чуть северо-западнее центра подкурганной площадки зафиксировано пятно могильной ямы с рыхлым черноземным заполнением мощностью 0,15 м. Размеры пятна 1,7×1 м, ориентировано длиной осью по линии ЗЗЮ–ВВС. На одном уровне с этим пятном, на северо-восточной периферии подкурганной площадки вкопан в материк плоскодонный сосуд (рис. 1:3) [рис. 47, 3]. Заполнение пятна не содержало каких-либо находок. Выше верхнего уровня пятна на 5 см, в разных местах найдены немногочисленные кости животного и человека. В том числе: кости ног лошади располагались в пределах границы пятна, ближе к его юго-восточному углу; зубы верхней и нижней челюсти лошади – на расстоянии около 1 м севернее пятна; две тонкие длинные кости человека – на расстоянии 0,5 м южнее пятна. Курган 2 (южный) диаметром 7,5 м и высотой 0,25 м отстоит от предыдущего на 2 м. В его насыпи в юго-западном секторе найдены мелкие кости животного и один железный черешковый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 2:4) [рис. 48, 4]. В северо-восточном секторе подкурганной площадки вкопан в материк сосуд

баночной формы (рис. 1:4) [рис. 47, 4]. Могильная яма отсутствует...» [Бейсенов, Волошин, 2002. С. 165].

Нуркен 2, курган 6

«... Комплекс состоит из двух насыпей, расположенных по линии запад-восток. Диаметр западной, основной насыпи 8 м, диаметр малой, восточной насыпи 5 м. Полы обеих насыпей касаются друг друга. Под малой насыпью обнаружены каменный шар диаметром 8 см, фрагменты черепа лошади, в том числе зубы, а также немногочисленные мелкие фрагменты глиняного сосуда темного цвета. Под основной насыпью вскрыта большая овальная яма, сильно забутованная обломками плит вперемешку с землей. На дне ямы, на глубине 2,2 м сооружен каменный ящик, в котором совершено парное захоронение мужчины и женщины. Костяки вытянуты на спине, ориентировка западная. Погребение потревожено, судя по заполнению ямы и отсутствию инвентаря, хотя кости обоих скелетов находятся в анатомическом порядке. Это первый случай, когда обнаружено парное захоронение мужчины и женщины в памятнике тасмолинской культуры. Под основным курганом, кроме того, на уровне древнего горизонта с северо-западной стороны могильной ямы сооружен небольшой каменный ящик из вертикальных плит. В ящике какие-либо находки, следы человеческого захоронения отсутствуют. На основании погребального обряда курган датируется VII–VI вв. до н. э...» [Бейсенов, 2002. С. 37, 38].

Ак-кайракты, курган 8

«...Комплекс состоит из 3 курганов и отходящих от них в восточном направлении двух изогнутых дуг, основной курган имеет диаметр 12×11 м. В 20 м к западу от него находится 2-й курган диаметром 9×8 м. Ко второму кургану с юго-востока примыкает третий курган диаметром 2 м. Высота основного кургана 0,4–0,5 м, 2-го и 3-го не превышает 0,25 м. Все курганы сложены из земли и камня. Левый ус начинается курганообразным сооружением диаметром 7 м, тянется на расстояние 111 м и заканчивается курганом диаметром 8×9 м, высотой 0,1 м. Ширина «уса» составляет 2 м. Четкой конструкции в архитектуре гряды не прослеживается. Правый «ус» начинается также курганообразным сооружением диаметром 6 м, имеет длину 132 м, оканчивается курганом диаметром 12 м, высотой около 0,3 м. Ширина «уса» 2 м. Сложен из плоских крупных камней размерами до 0,5 м. Камни не на всей длине заполняют «ус», проследить какую-либо конструкцию довольно сложно. В 2-х метрах от

оконечности правый «ус» имеет конструкцию в виде подчетырёхугольной ограды. Расстояние между оконечностями «усов» 106 м.

В полевом сезоне 2004 года основной курган, курган находящийся с юго-восточной стороны от основного, а также две небольшие каменные выкладки (одна находится с северо-запада основного кургана, вторая – поваленный метровый камень с юго-восточной стороны между основным курганом и началом северного «уса») были исследованы. Курган оказался поминальным. Могильной ямы обнаружено не было. После снятия дернового слоя оголилась каменная насыпь – своеобразный панцирь. Под ним в северо-восточной и восточной части кургана обнаружены обломки керамического сосуда (рис. 1–9) [рис. 13, 2]. Сосуд плохого качества. Тесто с большой примесью крупнозернистого песка, хрупкое. Керамика толстостенная. По всей видимости имела горшкообразную форму. Реконструированный диаметр венчика составляет 30,5 см, диаметр тулова по всей видимости не на много больше. Венчик сосуда слегка отогнут наружу. Дно плоское. Помимо развала сосуда, в насыпи кургана были найдены 2 фрагмента костей ног лошади, и непонятного происхождения пятно насыщенного красного цвета. Размеры пятна 10×20 см...» [Свиридов, 2004. С. 49, 50].

Султантимировский I

«...Курган с «усами» находится в 4 км на ЮЗ от д. Султантимирова, в 5 км на СВ от с. Матраево Залаирского района Республики Башкортостан, в 50 м севернее высоковольтной линии электропередач, на высокой необлесенной возвышенности Утяш-Тау (рис. 1) [рис. 37, 1].

Комплекс состоит из одного каменно-земляного кургана, от которого в северном направлении отходят две каменные гряды («усы»), завершающиеся округлыми каменно-земляными площадками. Насыпь кургана не смыкается с «усами» и начало каждого из них отстоит от кургана на расстоянии 1,5 м. Длина восточного «уса», имеющего форму дуги, составляет 58 метров. Площадка его северного окончания имела диаметр около 2 м и высоту 0,1 м от дневного горизонта. На ее поверхности фиксировались выступающие из дерна камни достаточно больших размеров. Западный «ус», по сравнению с восточным, имел менее выраженную дугообразную форму, его длина 52 метра. Площадка его северного окончания имела диаметр также около 2 м и высоту 0,05 м. Ширина «усов» не превышает 1 м при высоте от 0,1 до 0,3 м. Расстояние между южными концами «усов» – 15 м, между северными – 40 м. Линия, проведенная через центр кургана и середину расстояния между северными

окончаниями «усов», проходит в направлении юг-север с незначительным отклонением к востоку. Площадка между «усами» местами лишена земляного покрова.

До раскопок курган представлял собой задернованную и без видимых западин каменно-земляную насыпь диаметром 8 м и высотой 0,6 м (рис. 2) [рис. 37, 2]...

После расчистки камней от дерна и грунта каких-либо конструкций из камня не зафиксировано, поэтому панцирный слой был удален. На бровке фиксировалось, что этот слой имеет заметный прогиб, который, видимо, образовался при обвале перекрытия могильной ямы или при ограблении. По краям бровки камни залегали до уровня погребенной почвы наиболее плотно, как бы образуя крепиду.

В целом, стратиграфическая колонка бровки выглядит следующим образом: тонкий дерновый слой вперемешку с камнем – до 10 см, панцирный слой из камней, который по глубине залегания распределен неравномерно, – 20–40 см, погребенная почва, мало отличимая от грунта насыпи, – не более 10 см. Материком является коренной выход гранитов.

После удаления всех камней до уровня погребенной почвы, в северо-западном секторе кургана, на отметке -40 от условного «0», был обнаружен развал глиняного плоскдонного сосуда (рис. 3, 2) [рис. 37, 9].

На уровне погребенной почвы признаки могильной ямы отсутствовали. На вероятность ее наличия указывал лишь плавный прогиб каменного панциря, фиксируемый на профиле бровки. В ходе дальнейшего удаления грунта, в слое погребенной почвы было установлено залегание крупных плитняковых камней, которые указывали на примерные границы неглубокой могильной ямы. В плане она имеет прямоугольную форму со сторонами 1,5–1,6×2,2–2,3 м (рис. 4) [рис. 37, 5], в материковый слой яма не заглублена. На профиле бровки на границы могильной ямы указывают и крупные плитняковые камни, поставленные на ребро. В пределах этих границ и был найден погребальный инвентарь. В северо-восточном углу обнаружены фрагменты нижней челюсти человека, трубчатая плечевая кость плохой сохранности, обломки стенок и венчика второго сосуда. Примерно в центре погребения найдено еще два фрагмента керамики и обломки черепной коробки погребенного. У самой южной стенки могилы расчищено скопление из 21 наконечника стрел, колчанный крючок, удила и железный стержень.

Сосуд из полы кургана восстанавливается полностью. Он изготовлен из грубого теста с примесью песка и шамота. Форма вазообразная, тулово плавно профилировано, венчик прямой и слегка отогнут наружу.

Высота сосуда 31,5 см, диаметр венчика по срезу 14 см, у основания – 13,6 см, диаметр дна 11,5 см (рис. 3, 2) [рис. 37, 9]..

Сосуд из погребения удалось реконструировать (рис. 3, 1) [рис. 37, 10]. Горшок грушевидный плоскодонный, орнамент отсутствует. Высокий венчик наклонен внутрь, его край утолщен. Переход венчика к тулову обозначен двумя горизонтальными валиками. Высота сосуда 18,5 см, диаметр венчика по верху 10 см, у основания – 14 см, наибольший диаметр тулова 15 см, диаметр дна 8 см...

В 20 м от начала гряды восточного «уса» был заложен раскоп длиной 2,8 м. На освобожденном от дерна участке гряда имела ширину 0,5 м. Расположение камней однослойное, лишь некоторые плиты уложены с напуском на ближнюю, что свидетельствует о сооружении гряды в направлении от кургана к концам «усов». Нарушение материкового слоя не зафиксировано, находки отсутствуют.

Аналогичное устройство имел участок западной гряды, где раскоп был заложен на таком же расстоянии и с такими же размерами, что на восточном «усе». Находок нет.

Окончание восточного «уса» было расчищено с участком самой гряды длиной 1,5 м (рис. 6, 1) [рис. 37, 3]. Форма площадки после расчистки от дерна приобрела подквадратную форму. Длина сторон около 2 м, ориентированы по сторонам света. Плитняковые камни размерами в среднем 30–40 см уложены в два слоя на погребенную почву. В центре площадки находилась стеловидная каменная плита длиной 1,2 м, шириной около 0,4 м. После удаления камней на уровне материка в центре площадки выявлено углубление подпрямоугольной формы размерами 30×50 см и глубиной 30 см. Видимо, каменная стела при сооружении комплекса была вкопана и первоначально находилась в вертикальном положении. Находки отсутствуют. Гряда, примыкающая к площадке, начиналась в южной стороне и ее ширина здесь не превышала 1 м.

Вымостка западного «уса» также была исследована с примыкающей грядой. Размеры площадки 1,9–2,0 м. Ориентирована по сторонам света (рис. 6, 2) [рис. 37, 4]. В отличие от площадки восточного «уса» здесь каменная стела отсутствовала и нарушения материкового слоя не зафиксировано. Гряда шириной около 1 м отходила от середины южной стенки. Находок нет...» [Сунгатов, 2003. С. 216–218].

Городищенское IX

«...Представляет собой сложную двусоставную конструкцию, состоящую из центрального кургана подквадратной формы (первоначаль-

ные размеры стенок 7,5×7,5 м) (рис. 51, 4) [рис. 18, I, II] и двух боковых курганов. Общий диаметр каменной конструкции составил 10,5 м, высота до 0,9 м. Боковые курганы отстоят на 20 м к ССЗ и ЮЮВ от центрального и представляют собой также прямоугольные ограды со сторонами 3,5–5 м (рис. 51, 3, 5) [рис. 18, IV, V]. От них на СВ и ВЮВ отходят каменные гряды, которые тянутся волнистыми дорожками, ширина которых варьирует от 7 до 3 м на расстоянии 220 м. Северная аллея заканчивается подпрямоугольной выкладкой размерами 7,5×6,2 м, ориентированной ССЗ–ЮЮВ, а южная – округлой насыпью диаметром до 10 м (рис. 51, 1, 2) [рис. 18, III, VI]. При разборке центрального кургана было выявлено следующее: вероятнее всего, вокруг центральной подквадратной площадки снимался дерновый слой, а внутренняя ее часть являлась основным обрядовым пространством. Здесь во множестве были обнаружены следы продуктов горения (уголь, зола, обожженные плашки), а также остатки жертвенных комплексов (кости лошади и овцы). В центре были найдены задняя часть и задняя нога лошади. Здесь же на одном уровне (древней поверхности) – два черешковых железных наконечника стрелы, синяя ребристая стеклянная бусина и кальцинированные кости (рис. 52, 1–3) [рис. 18, 1–3]. При зачистке на уровне материка центральная часть оказалась нетронутой, а у восточного края ограды – углубление с костями барана и крупным глиняным горшком (рис. 52, 4) [рис. 18, 4].

Северная и южная, а также концевые ограды и вымостки также имели следы огня (прокал, зола, угли) во внутренней части на уровне древней поверхности. Причем в северном кургане наблюдался прокал подпрямоугольной формы размерами 1,8×2,2 м...» [Боталов, Гуцалов, 2000. С. 204–206].

Каинсай, курган 14

«... Данный комплекс составляют: центральный курган, представляющий собой подпрямоугольную ограду размерами 6×8 м, ориентированную ССЗ–ЮЮВ, сложенную из камней средних размеров. Ограда располагалась на восточном склоне грунтовой насыпи кургана эпохи раннего железного века, в 10–12 м к северо-востоку и к югу от центральной ограды располагались подпрямоугольные вымостки начала северной и южной каменных гряд: северная размерами 6×8 м, южная 2×3 м (рис. 50) [рис. 38, I, 1]; от них тянутся аллеи каменных вымосток на расстоянии 106 м (северная) и 97 м (южная); обе они заканчиваются подпрямоугольными вымостками размерами 6×9 м (северная), 4×4 (южная) (рис. 50). Каменные

гряды (аллеи) представляют собой цепочку подпрямоугольных или округлых оградок и выкладок. Восемь (диаметром 3–6 м) из них находятся в северной аллее, шесть (диаметром 2–5 м) – в южной...

При исследованиях центрального кургана были обнаружены фрагменты двух сосудов: крупной вазы из грубого теста, плохого (напольного) обжига и тонкостенного сосудика кушнаренковской культуры (рис. 50, 1, 2) [рис. 38, I, 4, 5]...» [Боталов, Гуцалов, 2000. С. 206, 207].

Нижне-Давлетовский курган

«...Он представлял собой комплекс кургана с «усами», в который входили три центральных кургана, расположенных по линии С–Ю. Южный курган имел диаметр 7 м и высоту 0,85 м, северный – диаметр 6 м и высоту 0,55 м. Они были сложены из земли и камней средних размеров. С севера и с юга от центральной группы отходят каменные гряды в восточном направлении. Их начало и концы имели овальные площадки диаметром от 2 до 5 м, высотой 0,2–0,3 м. Северная гряда была более прямой и имела длину 90 м. Южная, более дугообразная, имела длину 75 м. Ширина гряд не превышала 1 м. В результате раскопок группы центральных курганов под их насыпями на уровне погребенной почвы были обнаружены следы прокалов, уголь, кальцинированные кости. Вещевой материал обнаружен в насыпи южного кургана. Это – железное копьё с длинной конусовидной втулкой и ланцетовидным лезвием, длина копья достигала 29 см. Также было обнаружено более десятка фрагментов керамики от небольшого плоскодонного сосуда. Характерной особенностью является плохое качество теста, из которого был изготовлен сосуд...» [Боталов, 2003в. С. 164].

Каргалы II, курган 1

«Могильник Каргалинский–II находился на правом берегу р. Жаксы-Каргалы, в нижней части горно-холмистой гряды, в 3 км к юго-западу от шоссе Актюбинск–Орск. Памятник был впервые обследован в 1983 г. В. В. Родионовым и С. Ю. Гуцаловым, которые зафиксировали здесь курган с «усами», три маленьких земляных курганчика, подпрямоугольную и округлую в плане каменные ограды (рис. 36)...

Курган 1 занимал центральное место в могильнике (рис. 36). Насыпь кургана, состоящая из земли и камня, диаметром 11 м и высотой 0,6 м имела округлую в плане форму и была уплощена. В Центральной части прослеживалась грабительская воронка диаметром до 3 м и глубиной около 0,2 м.

После снятия дерна была произведена зачистка всего погребально-го комплекса в целом. Каменная крепида кургана носила явные следы разрушения в результате более поздних действий, что проявлялось в отсутствии камней в центральной части и их беспорядочном расположении в двух восточных секторах. «Усы» представляли собой каменные гряды, тянувшиеся от кургана по дуге в восточном направлении. Ширина их составляла до 1,0 м, южная гряда начиналась в 5 м от кургана, а северная – в 7 м, протяженность их была соответственно 27 и 28 м (рис. 37) [рис. 23, 1]. Камни укладывались на древнюю поверхность, но со временем загумусировались.

Раскоп кургана, осуществляемый по секторам с оставлением перпендикулярных бровок, был доведен до уровня материка. Параллельно проводились зачистки каменного подкурганного сооружения, сохранившиеся участки которого позволяют реконструировать его как кромлех диаметром около 8,5 м (рис. 38) [рис. 23, 2]. После совершения захоронения над этой конструкцией был насыпан курган из светло-серой супеси, обложенный, по всей видимости, камнем. Первоначальному погребению принадлежал могильный выкид в виде желтоватой супеси, лежащий на погребенной почве и фиксируемый по бровке З–В (рис. 38) [рис. 23, 2]. Вероятно, с этим же разрушенным захоронением связаны фрагменты костей животных и конечностей человека, некоторые из которых находились в сочленении, обнаруженные в насыпи кургана, в 2–3 м к востоку от условного центра, на глубине 0,2–0,25 м (рис. 38).

Линза могилы следилась от поверхности кургана (рис. 38) [рис. 23, 2]. Погребение было впущено с небольшим смещением к северо-востоку от центра кургана и, вероятно, полностью перекрывало основное захоронение. Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами была ориентирована длинными сторонами по линии ССВ–ЮЮЗ (рис. 38) [рис. 23, 3]. Стенки могилы плавно сужались ко дну так, что в конечном счете яма приобрела подквадратные очертания (1,6×1,5 м) с плавно сопряженными стенками (рис. 38). В заполнении, на различных глубинах встречались разрозненные кости человеческого скелета. На дне могильной ямы, на глубине 2,2 м от поверхности кургана, вытянуто на спине лежал скелет взрослого человека, ориентированный головой на юго-запад. Лицевой частью череп был развернут влево. Костяк по отношению к стенкам могилы располагался диагонально. В ногах у погребенного найдена бедренная кость человека, относившаяся, видимо как и остальные кости из засыпи, к разрушенному погребению (рис. 38) [рис. 23, 3]. Инвентарь отсутствовал» [Ткачев, 1994. С. 18, 19. Рис. 36–38].

Крутая Гора

«Комплекс кургана с «усами» (курганный ансамбль) Крутая Гора состоял из трех насыпей с каменными панцирями, вытянутыми в цепочку в направлении ЮЮВ–ССЗ. Расстояние между центрами насыпей составляет 17–17,5 м. Центральный курган 2 расположен несколько юго-западнее от прямой линии между курганами 1 и 3. Курган 1 имеет диаметр 7 м, высоту 0,4 м. Курган 2 – диаметр 8 м, высоту 0,7 м. Курган 3 внешне выглядит как сильно разрушенный [рис. 49, 1].

Около 30 лет назад из насыпей комплекса добывался камень для строительных нужд. В результате этого курган 3 сильно разрушен. В насыпи кургана 2, с западной стороны была зафиксирована глубокая задернованная яма. Из всего комплекса только насыпь кургана 1 осталась непотревоженной.

После начала работ на кургане 2 выяснилось, что он расположен на разрушенном кургане эпохи бронзы. В 12,5 м к ЮВ от центра кургана 1 начинается выкладка из небольших кусков рваного камня с максимальным весом в 4–5 кг. Выкладка представляет собой разреженную дугообразную цепочку, тянущуюся на ВСВ и заканчивающуюся на концах круглыми вымостками до 2 м в диаметре [рис. 49, 1]. В нескольких местах цепочки (ближе к центру) зафиксированы скопления камней, имеющие аморфную форму. Не исключено, что вокруг дальней от курганов вымостки было сооружено каменное кольцо диаметром 4 м. Расстояние между концами цепочки 100 м.

Второй «ус» начинается в 17 м к ССВ от кургана 3 и имеет несколько иной вид. Вероятно, он сооружался как из камня, так и из дерна. Каменная вымостка визуальнo прослежена на его дальней от кургана оконечности. Она круглая в плане, 3,5 м в диаметре. К курганам от нее тянется цепочка камней (7 м длиной), переходящая в дерновое валообразное сооружение, ширина которого достигает 5 м. Высота от уровня современной поверхности до 0,2 м. Ближняя к курганам оконечность вала имеет форму круга (диаметр 5 м, высота 0,1 м), диаметр которого превышает ширину примыкающего вала. По середине вала зафиксировано аналогичное его расширение. На поверхности, по бокам «уса» отмечены три ровикообразные углубления, оконтуривающие вал [рис. 49, 1]. Очевидно это следы выборки грунта. Их длина достигает 45 м, ширина 2 м, глубина, от уровня современной поверхности 0,05 м. Расстояние между концами «уса», имеющего дугообразную форму и тянущегося в направлении ЮЗ–СВ, составляет 105 м. Расстояние между концами «усов» – 55 м (возле курганов) и 82 м (между окончаниями).

Курган 1 – крайний с южного края цепочки. Насыпь сложена из кусков рваного камня весом 15–20 кг. Насыпь правильной формы, сегментовидная, без впадин, слабо задернованная [рис. 49, 2].

Стратиграфия кургана описана по профилю западной стенки траншеи 1 на участке А, Б [рис. 49, 5]. Верхняя часть профиля представлена каменным набросом сегментовидной формы мощностью 0,6 м в центре. Южная сторона более крутая, северная – пологая. Сразу под камнями на уровне +15 см начинается погребенная почва, мощность которой достигает 0,5 м. Материк представлен тяжелой желтой супесью на всем протяжении профиля на уровне –35 см. На расстоянии 1,7 м к югу от репера +35 погребенная почва начинает плавно опускаться вниз к северу и через 1,25 м, достигнув уровня +10, резко уходит вниз. Промежуток между погребенной почвой и дерном заполняет серая сильно гумусированная супесь (периферия земляной насыпи). Под центральным репером +70 зафиксирована тонкая прослойка (до 5 см) красно-коричневой гумусированной супеси, по цвету и фактуре похожей на проквал. Однако, следов огня (угольки, зола) не обнаружено.

Курган 2 составлен из кусков рваного камня весом 15–20 кг. Центральный репер установлен на отметке +96 см. Западная половина кургана частично разрушена [рис. 49, 2]. Однако глубина воронки, имеющей диаметр 2,5 м, не превышала толщину каменного панциря 0,4–0,5 м. Земляная насыпь имела аморфную форму и выглядела как естественное возвышение. Западный сектор насыпи полностью покрыт каменным панцирем. Восточная часть испорчена проселочной дорогой. Погребенная почва фиксируется лишь у южной оконечности профиля, где после подрезки сохранился ее небольшой участок [рис. 49, 3, 4]. На всем протяжении профиля погребенная почва срезана, причем в нескольких местах очень сильно потревожен и материк. По ряду признаков, насыпь сооружалась в два приема. Нижний горизонт отбивался от верхнего хорошо заметной тонкой полоской грунта более темного цвета.

В кургане обнаружен жертвенный комплекс и яма неизвестного назначения. В насыпи обнаружены несколько фрагментов керамики [рис. 49, 6] и тонкая пластинка из золота или электрона.

Анализ профилей насыпи кургана [рис. 49, 3–5] убеждает нас в том, что по периметру насыпи был сооружен ровик, который имеет трапециевидную форму сечения. Северная стенка более отвесная. Ширина ровика по верхним границам 1,1 м, по нижним – 0,7 м. Глубина в материк составляет 0,35 м. Общая фиксируемая глубина ровика достигает 0,7 м.

Сооружение ровика бесспорно связано со временем сооружения

второго горизонта насыпи кургана, так как он всегда прорезает первый горизонт насыпи.

Жертвенный комплекс обнаружен сразу под насыпью каменного кургана в 1,5 м к ЮЮВ от его центра. Он состоял из костей лошади (жеребенка?). От двух конечностей лошади по коленному суставу были отделены их нижние части и в сочленении уложены «валетом». Длинной осью жертвенник ориентирован по линии ССЗ–ЮЮВ. Такая планировка жертвенника полностью вписывается в планиграфию кургана с «усами», к которому, вероятно, и следует относить жертвенный комплекс. Здесь же под каменным панцирем, в районе жертвенного комплекса обнаружены три фрагмента керамики, а при зачистке траншеи 1 на участке I/Д обнаружена золотая или электрова тонкая пластинка, больше напоминающая фольгу.

Также в ходе исследования проводились рекогносцировочные работы на «усах». Было заложено шесть шурфов (траншей – С. Б. и др.).

Шурф 1 был заложен по центру круговой площадки на ближнем к курганам конце северного «уса». Под слоем дерна, по центру профиля лежало несколько камней, притопленных еще глубже в грунт [рис. 49, 8]. Их нижние торцы приходились на уровень «0». Судя по плавным изменениям в уровне верхней границы грунта, подстилающего дерн (перепады в уровне составили до 10 см), при сооружении комплекса часть дерна вокруг камней срезалась.

Шурфы 3, 4, 6 заложены на южном «усе» [рис. 49, 1, 8]. При вскрытии шурфа 3 среди камней были найдены 4 фрагмента керамики [рис. 49, 7]. Судя по тесту и орнаменту, они принадлежали тому же сосуду, фрагменты которого обнаружены возле жертвенного комплекса кургана 2. Это мелкие фрагменты от большого горшка с толстыми стенками, темно-серого цвета, внешняя поверхность которых покрыта глубокими палочными вдавлениями диаметром 2–3 мм...» [Гаврилюк и др., 2004. С. 41–43].

ЛИТЕРАТУРА

- Агаджанов С. Г.**, 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад.
- Амброз А. К.**, 1980. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М.
- Амброз А. К.**, 1981. Восточноевропейские и среднеазиатская степи V — первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.
- Амброз А. К.**, 1989. Хронология древностей Северного Кавказа. М.
- Аристов Н. А.**, 1904. Этнические соотношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим источникам // Русский Антропологический журнал. № 1, 2.
- Арсланова Ф. Х.**, 1969. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев. Алма-Ата.
- Арсланова Ф. Х.**, 1975. Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. Алма-Ата.
- Арсланова Ф. Х.**, 1980. Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья // Средневековые древности Евразийских степей. М.
- Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС**, 1987. Алма-Ата.
- Асеев И. В.**, 1980. Прибайкалье в средние века. Новосибирск.
- Ахинжанов С. М.**, 1977. Курган с «усами» на юго-западных склонах Каратау // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата.
- Ахинжанов С. М.**, 1989. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата.
- Ахинжанов С. М.**, 1995. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы.
- Багаутдинов Р. С.**, Богачев А. В., Зубов С. Э., 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара.
- Багрянородный Константин**, 1934. Об управлении государством // ИГАИМК. Вып. 91.
- Бейсенов А. З.**, 1996. Культурно-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана // Известия Мин. науки – АН РК. № 2. Алматы.
- Бейсенов А. З.**, 1996а. Курганы с каменными грядами как культурно-ритуальные памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // XIII Уральское археологическое совещание. Тез. докл. Часть II. Уфа.
- Бейсенов А. З.**, 1997. Погребальные памятники и культурно-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана (7–1 вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы.
- Бейсенов А. З.**, 1998. Об астрономических исследованиях на курганах с каменными грядами (по поводу статьи Н. М. Бекбасарова «Курган с усамы на р. Сага: астрономии-

- ческое содержание расположения его элементов»)//Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы;М.
- Бейсенов А. З.**, 1999. Изучение курганов с каменными грядами казахстанских степей//XIV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. Челябинск.
- Бейсенов А. З.**, 2002. Исследования Сарыаркинской экспедиции в Центральном Казахстане // Изв. МОН РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. № 1.
- Бейсенов А. З.**, 2004. Ранний железный век//Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. Алматы.
- Бейсенов А. З., Волошин В. С.**, 2002. Могильник Ижевский-2//Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар.
- Бекбасаров Н. М.**, 1993. Астрономическая ориентация кургана с «усами» (р. Сага)// Проблемы физики звезд и внегалактической астрономии. Алматы.
- Бекбасаров Н. М.**, 1996. Астрономические аспекты курганов с «усами»//Археoaстрономия: проблемы становления. Тез. докл. междунар. конф. М.
- Бекбасаров Н. М.**, 1997. Археoaстрономические исследования атасуских курганов с «усами» // Древняя астрономия: Небо и Человек. Тез. докл. междунар. конф. М.
- Бекбасаров Н. М.**, 1998. Курган с «усами» на р. Сага: астрономическое содержание расположения его элементов//Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы;М.
- Беликова О. Б., Плетнева Л. М.**, 1983. Памятники Томского Приобья в V—VIII вв. н. э. Томск.
- Бернштам А. Н.**, 1951. Находки у озера Боровое в Казахстане // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XIII. М.;Л.
- Богачев А. В.**, 1992. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV—VIII вв. Среднего Поволжья). Самара.
- Богачев А. В.**, 1996. К эволюции калачиковидных серег 1V—VII вв. в Волго-Камье// Культура Евразийских степей во второй половине 1 тысячелетия. Самара.
- Боталов С. Г.**, 1991. О соотносимости хронологических схем для различных регионов степей и лесостепей Евразии // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул.
- Боталов С. Г.**, 1996. Памятники селенташского типа в Южном Зауралье//Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: Труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск.
- Боталов С. Г.**, 1998. Раннетюркские памятники урало-казахстанских степей//Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Самара.
- Боталов С. Г.**, 1999. Ранние тюрки (Попытка реконструкции культуругенеза)//XIV Уральское археологическое совещание: Тезисы докладов. Челябинск.
- Боталов С. Г.**, 2003. Сарматские памятники урало-казахстанских степей и среднеазиатских оазисов конца III—I вв. до н. э. (юэчжийско-сарматский историко-культурный комплекс)//Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Уральск.
- Боталов С. Г.**, 2003а. Урало-казахстанские степи в гунно-сарматское и раннетюркское время (II—VIII века н. э.): Автореф. дис. ...докт. ист. наук. Новосибирск.
- Боталов С. Г.**, 2003б. Хунны и гунны//Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (13).
- Боталов С. Г.**, 2003в. Урало-казахстанские степи в гунно-сарматское и раннетюрк-

ское время (II–VIII века н. э.): Дис. ...докт. ист. наук. Новосибирск.

Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю., 2000. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск.

Боталов С. Г., Полушкин Н. А., 1996. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III–V веков//Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.

Боталов С. Г., Ткачев А. А., 1990. Нуринское погребение VIII–IX вв.//Археология Волго-Уральских степей. Челябинск.

Бражник О. И., Кирсанов Р.С., Лифанов Н. А., 2000. Исследование Шелехметского II курганно-грунтового могильника в 1999 г.//Краеведческие записки. Вып. IX. Самара.

Вадецкая Э. Б., 1999. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.

Вайнштейн С. И., 1970. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. Памятники казылганской и сын-чурекской культур // Тр. ТКАЭЭ. Т. III. М.;Л.

Варенов А. В., 1999. Скифские материалы из китайской части Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.

Васютин А. С., Илюшин А. М., Елин В. Н., Миклошевич Е. А., 1985. Погребения претюркского времени на могильнике Кок-Паш из Восточного Алтая // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск.

Войтов В. Е., 1996. Древнетюркский пантеон и модель мировоззрения в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.

Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К., 1982. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. н. э. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М.

Гаврилова А. А., 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.

Гаврилюк А. Г., Любчанский И. Э., Иванова Н. О., 2004. Комплекс кургана с «усами» Крутая Гора (материалы раскопок 1987 года) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы II региональной научно-практической конференции. Челябинск.

Гавритухин И. О., 1996. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI–VII вв. // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.

Гавритухин И. О., Малашев В. Ю., 1998. Перспективы изучения хронологии ранне-средневековых древностей Кисловодской котловины // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара.

Гадло А. В., 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.

Генинг В. Ф., 1977. Памятники у с. Кушнареново на р. Белой (VI–VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа.

Генинг В. Ф., 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э.). М.

Глоба Г. Д., 1983. Раскопки курганного могильника Белый Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск.

Голдина Р. Д., Водолога Н.В., 1990. Могильники Неволинской культуры в Прикамье. Ижевск.

Горбунов В. В., 2004. Этнокультурная ситуация на территории лесостепного Алтая в эпоху «Великого переселения народов» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: сборник научных трудов. Барнаул.

- Грач В. А.**, 1961. Древнетюркские изваяния Тувы (по материалам исследований 1953–1960 гг.). М.
- Грум-Гржимайло Г. Е.**, 1926. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л.
- Грязнов М. П.**, 1956. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. Вып. 61.
- Грязнов М. П., Завитухина М. П., Комарова М. Н., Миняев С. С., Пшеницына М. Н., Худяков Ю. С.**, 1979. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск.
- Гумилев Л. Н.**, 1993. Древние тюрки. М.
- Гуцалов С. Ю.**, 1993. Погребения средневекового воина в восточных отрогах Мугоджар // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург.
- Давыдова А. В.**, 1996. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник (Археологические памятники сунну. Вып. 2). СПб.
- Добжанский В. Н.**, 1990. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск.
- Досымбаева А. М.**, 2006. Западно-Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы.
- Елагин В. С., Молодин В. И.**, 1991. Бараба в начале I тысячелетия н.э. Новосибирск.
- Елеуов М., Курманкулов Ж., Калиев С., Акымбек Е., Алжанов Р.**, 2005. Историко-культурные памятники Жанакорганского и Шиелийского районов Кызылординской области // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2005 году. Алматы.
- Ермолаева А. С.**, 1987. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата.
- Ермолаева А. С.**, 1987а. Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Ермоленко Л. Н.**, 2004. Средневековые изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск.
- Заднепровский Ю. А.**, 1992. Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алтая // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Засецкая И. П.**, 1968. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья // АСГЭ. Вып. 10.
- Засецкая И. П.**, 1968. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // СА. № 2.
- Засецкая И. П.**, 1975. Золотые украшения гуннской эпохи. Л.
- Засецкая И. П.**, 1982. Погребение у с. Кызыл-Адыр Оренбургской области (к вопросу о гунно-хуннских связях) // Древние памятники культуры на территории СССР. Л.
- Засецкая И. П.**, 1986. Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях // АСГЭ. Вып. 27.
- Засецкая И. П.**, 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.
- Зданович Д. Г., Кириллов А. К.**, 2002. Курганные памятники Южного Зауралья: архео-астрономические аспекты исследования. Челябинск.

- Зданович Д. Г., Кириллов А. К., 2006.** Астрономические исследования древних памятников Южного Зауралья: некоторые итоги и перспективы // Астрономическое и мировоззренческое содержание археологических памятников Южного Урала: Тез. докл. полевого семинара, Аркаим, 19–25 июня 2006 г. Челябинск.
- Зуев Ю. А., 1967.** Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата.
- Зуев Ю. А., 2004.** Каганат Се-яньто и кимеки (к тюркской этногеографии Центральной Азии в середине VII в.) // SNYGYS. ж. Института востоковедения. Казахстан. Алматы. 2004. № 1.
- История Сибири, 1968.** Л.
- Исхаков Д. М., Измайлов И. Л., 2000.** Этнополитическая история татар. Казань.
- Кадырбаев М. К., 1958.** О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана // Изв. АН КазССР. Сер. история, археология и этнография. Вып. 1 (6).
- Кадырбаев М. К., 1959.** Памятники кочевых племен Центрального Казахстана (VII в. до н. э. – VI в. н. э.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Алма-Ата.
- Кадырбаев М. К., 1959а.** Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7. Археология.
- Кадырбаев М. К., 1959б.** Исследование кургана с каменными грядами в Джамбульской области // Вестник АН КазССР. № 7 (172).
- Кадырбаев М. К., 1959 в.** Памятники кочевых племен Центрального Казахстана (VII в. до н. э. – VI в. н. э.): Дис. ...канд. ист. наук. Алма-Ата // Архив ИА РАН. – Р-2, № 1552.
- Кадырбаев М. К., 1961.** Могильник Сангуыр II // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. – Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 12.
- Кадырбаев М. К., 1962.** Новые материалы по истории ранних кочевников Казахстана // Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. Вып. 1 (18).
- Кадырбаев М. К., 1966.** Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Кадырбаев М. К., 1975.** Савроматские памятники Актюбинской области // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Краткие тез. докл. на конф. Л.
- Казаков Е. П., 1981.** Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань.
- Казаков Е. П., 1996.** К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.
- Кляшторный С. Г., 1964.** Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г., 1994.** Степные империи Евразии. СПб.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г., 2005.** Степные империи Древней Евразии. СПб.
- Ковалевская В. Б., 1979.** Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // САИ. Вып. Е1–2.
- Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С., 1987.** Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск.
- Козырев А. А., 1905.** Раскопки кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда // Изв. археол. комис. Вып. 16.

- Кондратенко А. П.**, 1994. Западные хунны (опыт этно-исторической идентификации) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I—II тысячелетии н. э. Кемерово.
- Кононов А. Н.**, 1958. Родословная Туркмен. Сочинения Абул-Гази хана Хивинского. М.;Л.
- Коновалов П. Б.**, 1976. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ.
- Корякова Л. Н.**, 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск.
- Косинцев П. А., Ражев Д. И.**, 1999. Лошади из комплекса Курган с «усами» Солончанка I // Курган с «усами» Солончанка I. Челябинск.
- Костюков В. П.**, 1989. Отчет о полевых археологических исследованиях в Карталинском районе Челябинской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13473.
- Костюков В. П.**, 1995. Раннесредневековые курганы могильника Каменный Амбар-5 // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа.
- Кубарев В. Д.**, 1979. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Кубарев В. Д., Цвэндорж Д.**, 2002. Древнетюркские мемориалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (9).
- Культура зауральских скотоводов на рубеже эр.** Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. Екатеринбург, 1997.
- Кумеков Б. Е.**, 1972. Государство кимаков IX—XI вв. (По арабским источникам). Алма-Ата.
- Курган с «усами» Солончанка I**, 1999. Сб. науч. тр. Челябинск.
- Кызласов Л. Р.**, 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М.
- Кызласов Л. Р.**, 1977. Уюкский курган Аржан и вопрос происхождения сакской культуры // СА. № 2.
- Кызласов Л. Р.**, 1979. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.
- Кызласов Л. Р., Король Г. Г.**, 1990. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.
- Кюннер Н. В.**, 1961. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.
- Левина Л. М.**, 1994. Могильник Асар 4 // Низовья Сырдарьи в древности. Джетыясарская культура. Вып. IV. Ч. 2. М.
- Левина Л. М.**, 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья: I тыс. до н. э.—I тыс. н. э. М.
- Лещинская Н. А.**, 1995. Вятский бассейн в I—начале II тысячелетий н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.** 1988. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск.
- Любчанский И. Э.**, 2000. Керамика южноуральской лесостепи середины первого тысячелетия н. э. как источник по этнокультурной реконструкции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Любчанский И. Э.**, 2003. Место Южного Зауралья в этнополитической истории Евразии в середине I тысячелетия н. э. // Поволжские финны и их соседи в эпоху ранне-

- го средневековья (проблемы хронологии и этнической истории): Тезисы докладов II Межрегиональной научной конференции. Саранск.
- Любчанский И. Э.**, 2004. Комплексы курганов с «усами» и перспективы их исследования // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул.
- Любчанский И. Э., Бытковский О. Ф.**, 2006. Курганы с «усами»: Новоактюбинский I, Солончанка IX, Новокондуровский I // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск.
- Любчанский И. Э., Таиров А. Д.**, 1999. Археологическое исследование комплекса Курган с «усами» Солончанка I // Курган с «усами» Солончанка I. Челябинск.
- Мажитов Н. А.**, 1977. Южный Урал VII–XIV вв. М.
- Максимова А. Г.**, 1972. Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата.
- Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М.**, 1968. Древности Чардары (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата.
- Маргулан А. Х.**, 1948. К изучению памятников района р. Сары-Су и Улутая // Вестник АН КазССР. № 2 (35).
- Маргулан А. Х.**, 1948а. Археологические разведки в Центральном Казахстане // Известия АН КазССР. Серия историческая. Вып. 4.
- Маргулан А. Х.**, 1949. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 года // Известия АН КазССР. № 67. Серия археологическая. Вып. 2.
- Маргулан А. Х.**, 1951. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане // Известия АН КазССР. Серия археологическая. Вып. 3.
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев А. М., Оразбаев А. М.**, 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Мариковский П. И.**, 1977. О древних астрономических сооружениях на территории Казахстана // Вестник АН КазССР. № 5.
- Мариковский П. И.**, 1978. В пустынях Казахстана. М.
- Мариковский П. И.**, 1983. К изучению астрономического значения курганов с «усами» // Вестник АН КазССР. № 4.
- Матвеева Н. П.**, 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск.
- Матвеева Г. И.**, 1995. О происхождении памятников Новинкинского типа // Культура степей Евразии второй половины I тыс. Самара.
- Матвеева Г. И.**, 1997. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара.
- Мацына А. И., Полякова О. О.**, 2005. Полярные и горизонтальные координаты в археологических памятниках на примере Кондуровского кургана с «усами» // Астрономия-2005: состояние и перспективы развития: Тез. докл. Восьмого съезда Астроном. об-ва и Междунар. симп. / Тр. Гос. астроном. ин-та им. П.К. Штернберга. Т. 78. М.
- Мацына А. И., Полякова О. О.**, 2006. Полярные и горизонтальные координаты в археологических памятниках на примере Кондуровского кургана с «усами» // Астрономическое и мировоззренческое содержание археологических памятников Южного Урала: Тез. докл. полевого семинара, Аркаим, 19–25 июня 2006 г. Челябинск.
- Мерц В. К., Красноперова О. Н.**, 2004. Памятники Шедертинского археологического комплекса // Сборник материалов научно-практической конференции «Наследие

- академика А. Х. Маргулана», посвященной 100-летию ученого. Экибастуз.
- Минаева Т. М.**, 1927. Погребения с сожжением близ города Покровска // Уч. зап. СГУ, Т. VI. Вып. 3. Саратов.
- Могильников В. А.**, 1981. О культурах лесной полосы Западной Сибири второй половины 1 тыс. н. э. // Методические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск.
- Могильников В. А.**, 2002. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв. М.
- Мошкова М. Г.**, 1989. Позднесарматская культура // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Неверов С. В.**, 1988. История племен сросткинской культуры VII–XII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Овсянников В. В.**, 1999. К характеру этнокультурных контактов в лесостепном Приуралье в позднесарматскую эпоху // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Овчинникова Б. Б.**, 1990. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск.
- Оразбаев А. М.**, 1969. Курган с «усами» в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата.
- Пересветов Г. Ю.**, 2001. Некоторые вопросы происхождения тасмолинской культуры (по итогам новых исследований в Павлодарской области) // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Барнаул, 25–30 марта 2001 г.). Барнаул.
- Плетнева С. А.**, 1982. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.
- Подушкин Н. П.**, 1970. К вопросу о керамике раннеземледельческих поселений верховий реки Арысь (I–IV вв.) // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
- Подушкин А. Н.**, 2000. Арысская культура Южного Казахстана. IV в. до н. э.–IV в. н. э. Туркестан.
- Полосьмак Н. В.**, 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск.
- Полякова О. О.**, 2006. Археoaстрономическая ситуация памятника Солончанка I // Астрономическое и мировоззренческое содержание археологических памятников Южного Урала: Тез. докл. полевого семинара, Аркаим, 19–25 июня 2006 г. Челябинск.
- Рыков П. С.**, 1925. Суловский курганный могильник // Уч. зап. СГУ. Т. IV. Вып. 3. Саратов.
- Рыков П. С.**, 1935. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–44 гг. Т. II. Изв. ГАИМК. Вып. 110.
- Рыков П. С.**, 1936. Археологические раскопки курганов в урочище «Три Брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. // СА. №1.
- Рыков П. С.**, 1936. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов.
- Савинов Д. Г.**, 1976. Расселение кимаков в IX–X вв. по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата.
- Савинов Д. Г.**, 1979. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск.
- Савинов Д. Г.**, 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.

- Сарианиди В. И.**, 1989. Храм и некрополь Тиллятепе. М.
- Свиридов А. Н.**, 2004. Курганы с «усами» из Акмолинской области (по результатам работы Ишимской археологической экспедиции) // «Ахинжановские чтения – 2004». Тезисы докладов научной конференции молодых ученых. Алматы.
- Семенов А. И.**, 1988. К выявлению центральноазиатских элементов в культуре ранне-средневековых кочевников Восточной Европы // АСГЭ. Вып. 29.
- Семенов Л. Ф.**, 1930. Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа // Вестник Центрального музея Казахстана. № 1.
- Синицын И. В.**, 1948. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья // СА. X.
- Сорокин С. С.**, 1954. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы // СА. XX.
- Сорокин С. С.**, 1969. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Тр. ГЭ. Т. X.
- Сорокин С. С.**, 1977. Погребения эпохи Великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. Вып. 18.
- Сорокин С. С.**, 1981. К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // АСГЭ. Вып. 22.
- Степи Евразии в эпоху средневековья.** Археология СССР. М., 1981.
- Сунгатов Ф. А.**, 1998. Турбаслинская культура. Уфа.
- Сунгатов Ф. А.**, 2003. Султантимиловский I курган с «усами» // УАВ. Вып. 4.
- Таиров А. Д.**, 2003. Кочевники Урало-Иртышского междуречья в системе культур раннесакского времени восточной части степной Евразии // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана.
- Таиров А. Д.**, 2004. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н. э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5-й Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар.
- Таиров А. Д.**, 2005. Ранние кочевники урало-казахстанских степей в VII–II вв. до н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Тер-Мкртчян Л. Х.**, 1979. Армянские источники о Средней Азии (V–VII вв.). М.
- Ткачев В. В.**, 1994. Отчет об археологических раскопках в Актюбинской области летом–осенью 1993 г. Актюбинск.
- Туева А. А.**, 2004. Памятники Тегисжольского археологического микрорайона // Древняя и традиционная культура Казахстана в исследованиях молодых ученых: Тез. докл. Караганда.
- Усманова Э. Р.**, 1987. Новые материалы по эпохе кочевников из Джекказганской области // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Хабдулина М. К.**, 1994. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы.
- Хазанов А. М.**, 1966. Сложносоставные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.
- Худуд-ал-Алем – Бартольд В. В. Худуд-ал-Алем.** Рукопись Туманского. Л.
- Худяков Ю. С.**, 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.

- Худяков Ю. С.**, 1996. Хунны в Саяно-Алтае // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Тез. докл. международ. конф. (часть I). Улан-Удэ.
- Худяков Ю. С., Комиссаров С. А.**, 2002. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск.
- Цэвээндорж Д.**, 1985. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. М.
- Чернецов В. Н.**, 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА. № 57.
- Шарапова С. В.**, 2000. Керамика раннего железного века лесостепного Зауралья (опыт статистического анализа): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ижевск.

Литература на европейских языках

- Димитров Д.**, 1987. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. Варна.
- Рашно Рашев**, 2004. Прабългарите през V–VII век. София.
- Das Gräberfeld der hunno-sarmatischen Zeit von Kokel**, Tuva Süd Sibirien. 1984. Bech Munchel. Band 25.
- Früh-und hochmittelalterliche Gräber von Kudyrge im Altai**: AVA-materialien. 1982. Band 3.
- Frühmittelalterliche Gräber aus West-Tuva**: AVA-materialien // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie / Von Roman Kenk. München, 1982. Band 4.
- Golden Peter B.**, 1972. The Migrations of the Oguz // Archivum Ottomanicum IV. The Hague.
- Nesterov S.P.**, 1995. Old Turks in Central Asia and Southern Siberia // Ханьго.
- Tivadar Vida**, 1999. Die awarenzeitliche keramik I. (6.-7. Jh) // Varia archaeological Hungarica. VIII. Berlin-Budapest.

Литература на китайском языке

- Ван Бо Ци Сяо Шань**, 1995. Исследования каменных изваяний на Шелковом пути. Серия исследований Шелкового пути. Пекин.
- Лю Фути**, 1958. Гаочан Тао цзи (Собрание керамики Гаочана). Урумчи.
- Фуканши Наньцюань «Хусюй» му**, 1997 // Синьцзян вэньу каогу яньцзюсо (Могила «Хусюй» в Наньцюань, город Фукан // Институт культуры и археологии Синьцзяна).
- Шень Си Лон сянь Дянь цзы цунь Хань Тан Му цзан**, 1999 (Захоронение династии Хань и Тан, провинция Шенси, уезд Лон, деревня Дяньцзы)// Вэньу. № 4.
- Шеньси Шаосянь**, 1987. Синь Хань цзюе цабао (Раскопки могил династий Цинь и Хань в Шаохсиани провинция Шанси) // Вэньи. № 6.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РК – Академия наук Республики Казахстан

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград, Санкт-Петербург

ГМЭ – Государственный музей этнографии народов СССР (ныне Российский этнографический музей). Ленинград ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ИИА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры

ИИАЭ АН КазССР – Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР

КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва

МАЭ – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград

МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан

НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан

СА – Советская археология. Москва

САИ – Археология СССР: Свод археологических источников. Москва; Ленинград

СГУ – Саратовский государственный университет

Тр. ТКАЭЭ – Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции

Тр. ГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург

УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа

SUMMARY

Barrows with «moustaches» of the Uralo-Kazakhstan steppes represent surprising architectural constructions of the steppe population of Eurasia. The information on them, received for today and systematized on pages of this book is thought, that, is far not full. Perfection of a technique of research of such complexes is possible will allow colleagues-archeologists, to historians, architects and astronomers to comprehend incomparably greater secrets of these surprising objects of ancient history. Authors undertake not the first, but the justified attempt to look at this type of monuments in system of sights and the facts which have collected for today would be desirable to think.

From 58 investigated barrows with «moustaches», data about which were accessible to the analysis, 16 complexes concern to type I on M.K.Kadyrbaev or type 2 on A.Z.Bejsenov. Structurally they consist of the basic barrow of the big size and adjoining to them from east party or the small barrow of small height located on significant distance and departing from it on the east of two stone ridges. Eleven complexes concern to type III or IV on M.K.Kadyrbaev where the small barrow is built at top big (III) or under one embankment two barrows (IV) merge. In our opinion complexes of these types have resulted from a construction actually barrows with «moustaches» near to an embankment or on an embankment of earlier funeral construction. Thus these complexes show to us «double plane» or «double stratification». The materials received from the basic barrows of complexes of these types, concern to earlier time and a different historical and cultural circle: an epoch of bronze, tasmola culture VII–IV centuries BS, early and middle sarmat archeologic cultures V–II centuries BS Southern Urals Mountains. This kind of syncretic objects also was a principal cause of initial erroneous cultural-chronological treatment of complexes of barrows with «moustaches».

Fifteen barrows with «moustaches» contained a ware material centuries well dated in chronological range V–VIII thus the ceramic complex received in barrows with «moustaches» and complexes selentach of type, in itself shows internal typological unity and is well enough entered in an area of ceramic tradition, characteristic for societies of the early Middle Ages of steppe Eurasia.

Thus, it is possible to approve with confidence, that barrows are not connected with «moustaches» with tasmola culture of the Central Kazakhstan, and characterize an epoch of resettlement of people V–VIII centuries AD the Euroasian steppes. Opinions of authors of the book dispatch concerning an ethnic and cultural accessory of these monuments. In I.Ljubchanski's opinion these monuments correspond with aftalits Kazakhstan. S.Botalov carries barrows with «moustaches» to complexes of early turish the population of the Ural and Kazakhstan steppes of the period of I-th Western Turkic Kaganata.

Курганы с «усами» урало-казахстанских степей
С. Г. Боталов, А. Д. Таиров, И. Э. Любчанский

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН

Редактор Н. О. Иванова
Техн. редактор Н. О. Иванова
Оригинал-макет В. Н. Чесноков
Художник: Н. Н. Бойко
Фотографии С. М. Арканов
Оформление В. Н. Чесноков
Корректор Л. А. Ильина
Издательство ООО ЦИКР «Рифей»

Подписано в печать 15.12.06. Формат 60×84¹/₁₆. Усл. п. л. 13,49.

Тираж 300 экз. Заказ 3228.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ОАО «Челябинский Дом печати»,
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Боталов Сергей Геннадьевич (1958 г. р.).
Ведущий научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН, директор Археологического научного центра, доктор исторических наук, академик Международной Тюркской академии. Автор более 100 научных статей, четырех монографий и научно-популярного издания "Номады". Руководитель и участник многочисленных экспедиций в пределах степной зоны Евразии, Ордоса, Восточного Туркестана, Южной Сибири, Казахстана, Урала, Северного Кавказа,

Крыма, Поднепровья. Первоначальный интерес - археология и история кочевников урало-казахстанских степей и лесостепей эпохи средневековья. В настоящий момент активно работает с материалами древних и средневековых кочевников из Восточной Европы и Северного Китая.

Таиров Александр Дмитриевич (1955 г. р.).
Заведующий кафедрой древней истории и этнологии Евразии Южно-Уральского государственного университета, доктор исторических наук. Автор более 130 научных работ, в том числе трех монографий, по проблемам археологии и древней истории. Участник и руководитель археологических исследований памятников различных исторических эпох степной Евразии. Специализируется в области археологии и этнокультурной истории урало-казахстанских степей в эпоху ранних кочевников.

Любчанский Илья Эдуардович (1964 г. р.).
Доцент кафедры археологии, этнографии и социальной истории Челябинского государственного университета, кандидат исторических наук. Автор более 50 научных публикаций. Под его руководством проводились археологические исследования комплексов курганов с «усами» Солончанка IX и Новокондуровский I. Научные интересы лежат в области изучения этнополитической и культурной истории номадов Евразии эпохи «великого переселения народов».

